

Л64

Б289470

ас

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ВОЛОГДА

1955

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОБЛАСТНАЯ КНИЖНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОЛОГДА
1 9 5 5

Редакционная коллегия

С. В. Викулов (редактор), В. В. Гура, А. А. Романов.

Александр ЯШИН

ЗЕМЛЯКАМ НА НОВЫЙ ГОД

Кто не шлёт своим друзьям
Новогодних телеграмм?
Я хотел бы обратиться
С этим словом к землякам,
Пожелать на Новый год
Счастья самого большого, —
Пожелание не ново,
Но от всей души идёт.

Мой поклон родным полям
И колхозным полеводам,
Перелескам и лугам,
Мастерам-животноводам,
С новым годом!

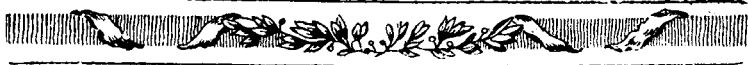
Новый год
В наступление зовёт.
Нам указан и расчищен
Путь на много лет вперёд —
Для станицы, для села,
Для любой семьи и дома.
Наша партия дала
Всё для нового подъёма,
Чтобы каждый наш колхоз
Всем на радость креп и рос,
Чтоб на золото ценилась
Ширь осенняя полос,
Чтоб добра вдвойне, втройне

Завелось у нас в стране,
Поднималась бы деревня
С индустрией наравне.

Дорогие земляки,
Эти планы нам с руки,
Брали крепости и выше —
Наши плечи широки!
В наступающем году
Надо сделать очень много.
Недостачи и нужду
Прочь от нашего порога!

Пусть же планы станут льном,
Мясом, маслом и зерном,
Пусть товарами сполна
Обеспечится страна!

Сказкой, сложенной в веках,
Лишь дразнили человека —
О кисельных берегах,
О молочных реках.
Нам под силу — срок настал —
Эту сказку сделать былью:
Мы добьёмся изобилья,
О каком никто не знал!
Обращаюсь к землякам:
Счастья вам!
Успехов вам!
Но ещё хочу сказать:
Счастье надо с бою брать,
Счастье даром не даётся.
Вам ли этого не знать!

Н. УГЛОВСКИЙ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

(Рассказ)

Фёдор Семёнович Лысов, секретарь райкома по зоне Кожановской МТС, уже минут пятнадцать выяснявший по телефону у директора станции положение с подъёмом паров, наконец, не выдержал, бросил трубку и с измученным видом откинулся на спинку старенького, жалобно скрипевшего под его тяжестью кресла.

— Бюрократ! — безнадёжно сказал Фёдор Семёнович по адресу директора и перевёл дух; затем резко повернулся к Сергею, и тому показалось, что кресло сейчас развалится — таким душераздирающим был его скрип. — Я ему одно, он мне — другое. Вот вытащим на бюро, тогда иначе запоёт. До каких пор он намерен плестись в хвосте? Позор!

— Он, кажется, просил вас приехать, разобраться на месте. — вставил Сергей. — Действительно, некоторым колхозам запланировали под распашку сплошные кустарники, а то и болотистые низины, требующие предварительной осушки.

— Но план-то с нас потребуют, так? И ты думаешь, у меня в голове одни пары? Через три дня бюро, слушается мой отчёт об агитационно-массовой работе. А я ничего понять не могу в этих справках. — Лысов кивнул на разбросанные по столу бумаги. — Кстати, почему ты показываешь всего двенадцать агитаторов? Это на два колхоза? По-моему, там числилось не меньше тридцати.

— Вот именно — числилось, — усмехнулся Сергей. — Я показал только тех, кто ведёт работу.

— Ладно, разберёмся после, — нахмурился Лысов. — Я вызвал тебя не за этим. Председателя в «Ниве» реше-

но снять, слышал? Бездельник и к тому же заворовался. Жалобы сыплются со всех сторон.

— Да, колхозники им возмущены, — подтвердил Сергей. Он только теперь догадался, какое поручение ему предстоит, и сразу насторожился. Ещё позавчера, когда он беседовал с колхозниками, у него пытались осторожно выведать насчёт новой кандидатуры, но Сергей работал инструктором всего месяц и не знал, кого порекомендовать им в председатели. Припомнились ему и рассказы о некоем Ермакове, заведующем подсобным хозяйством мебельной фабрики. Выяснилось, что Ермаков был «из здешних», хозяйство его находилось по соседству с колхозом, и что ведёт он это хозяйство умело. Сергей видел, что о Ермакове ему рассказывали не без тайного умысла, и решил поближе познакомиться с ним. Вызов в райком изменил его маршрут. Сейчас Сергей подумал: «Наверное, о Ермакове пойдёт речь. Досадно, что я не успел с ним познакомиться».

Лысов потянулся за папиросой, и опять кресло возмущённо скрипнуло, словно ему хотелось освободиться от постоянной тяжести и немного отдохнуть.

— Так вот, кандидатуру я подобрал, — небрежно, тонком человека, которому уже давно приходится «подбирать» людей на всевозможные должности, проговорил Лысов. — Известный здесь человек и вообще... Мы с ним вместе начинали в районе работать. Юревич Платон, слышал? Заведующий конторой «Заготлён».

— А я думал, вы Ермакова назовёте, — недоуменно сказал Сергей.

— Какого Ермакова? С мебельной фабрики, что ли? Нет, о нём разговора не было. Райком и райисполком будут рекомендовать Юревича, это решено. Я уже дал команду: завтра в колхозе общее собрание. С Юревичем поедешь ты и заместитель председателя райисполкома. Разумеется, я поехал бы сам, но, понимаешь, надо готовиться к бюро. Юревич должен быть избран, такова установка. Понятно?

— Да, но я совсем его не знаю...

— Зато мы его знаем, товарищ Орехов, — веско перебил Лысов.

— А колхозники? Они-то, по крайней мере, слышали о нём?

— Не только, брат, слышали, но с пелёнок знают. Он ведь и уроженец тамошний, у него, кажется, и сейчас тёща в колхозе живёт. Конечно, на собрании могут быть всякие

мнения, на всех не угодишь. Тут уж от вас всё зависит. Действуйте посмелее. И помните: Юревич должен быть избран...

* * *

Юревича в тот день Сергей так и не нашёл. Оказывается, он и заместитель председателя райисполкома уже уехали в колхоз «прощупывать почву». Сергея смущало, что он ничего не знает о человеке, которого должен рекомендовать колхозникам, и своё чувство неуверенности в успехе он приписывал этой неосведомлённости. Впрочем, вскоре Сергей сумел подавить это чувство, внушив себе, что рекомендовать Юревича он будет от имени райкома, а у райкома, безусловно, были веские основания остановить свой выбор на этом человеке. Всё-таки Сергею хотелось разузнать что-либо из биографии Юревича, ибо неопределённая характеристика Лысова — «мы с ним вместе начинали в районе работать» — никоим образом не раскрывала его деловых качеств. Было бы куда лучше, если бы на собрание поехал сам Фёдор Семёнович, но, его вообще часто задерживают в райкоме важные дела. Как будто избрание нового председателя — второстепенное дело! Ведь работать-то с ним придётся тому же Лысову. Хотя, нет, больше всего сталкиваться с Юревичем доведётся самому Сергею, а он даже не знаком с ним. Утешало то, что Юревича знали колхозники, а Сергей доверял им, пожалуй, больше, чем самому себе.

В «Ниву» он пришёл поздно вечером. Усталый, Сергей решил не ходить сегодня в контору, а направился прямо к Анне Ивановне Хребтовой, у которой останавливался и прежде. Хотя уже давно стемнело, хозяйки не было дома. Дочь её, Лена, работавшая на ферме, готовила ужин. Сергей поздоровался, повесил полевую сумку на гвоздь у двери, прошёл к столу, на котором стояла лампа. Лена сердито передвигала на шестке чугунок и несколько раз прошла мимо Сергея в сени и обратно, даже не взглянув на него. Это показалось ему подозрительным. «Уж не допустил ли я в прошлый приезд какой-нибудь оплошности? Чорт его знает, на ферме тогда целый скандал получился из-за учёта молока», — подумал он и осторожно спросил:

— Что это вы не в духе сегодня, Лена?

Лампа стояла далеко от печки, и Сергей не увидел, а услышал только, как она с сердцем пихнула ухват в угол.

— Будешь тут не в духе! — сказала Лена и вышла на

свет. — Вы, что же, Юревича в председатели к нам привезли?

— Да, будем рекомендовать в председатели. А что?

— А то! — отрезала она и, махнув рукой, опять взялась за хват. — Не зря, значит, он старых дружков подпаивает.

— Как подпаивает? — не понял Сергей. — Каких дружков?

— А вот на собрании увидите — каких... Тоже, нашли председателя! Тогда уж лучше старого оставить, хрен редьки не слаще.

— Да в чём дело? — встревожился Сергей. — Расскажите толком.

— Мать придёт, она вам расскажет.

... С Анной Ивановной они проговорили почти до утра. И всё-таки Сергей ещё не был до конца убеждён, не мог прийти ни к какому решению. Мысли его путались, на душе было скверно. Надо было посоветоваться с заместителем председателя райисполкома Самохиным, поговорить с самим Юревичем, повидать кое-кого из колхозников. Умывшись холодной водой, Сергей по обильной утренней росе, окольной тропкой, пошёл в деревню Юшино, где располагались контора и клуб.

Разбуженный Самохин, тучный, с припухшими глазами, на вопрос Сергея только улыбнулся.

— Это, брат, всегда так, — уверил он, почёсывая бок. — Я этих собраний провёл бог знает сколько, и редко без шуму обходилось. Конечно, Платон не ангел, но кто же из нас без грешков?

— Грешки бывают разные, — сказал Сергей. — Юревича в грехах никто не обвиняет, просто говорят: председатель из него будет некудышный.

— Да уж во всяком случае не хуже других.

— А надо хорошего, настоящего выбрать, вот чего колхозники хотят.

— Это, знаешь, смотря кто говорит. Ещё когда Платон председателем сельсовета здесь работал, у него врагов достаточно было.

— Вы-то как считаете — стоящий он человек, или нет?

— Я же сказал, — не хуже других. Да мы-то при чём? Наше дело — проводить линию райкома и райисполкома, а ежели всех слушать, так тут живо с панталыку собьют, Знаю я их, чертей...

Сергей не понял, каких «чертей» имел в виду Самохин, но счёл бесполезным продолжать с ним разговор. Уже с порога, на всякий случай, спросил:

— Он где, у тещи остановился?.. Там и пили вчера? С кем?

— У него тут знакомых и родственников много. Давно не видались... это уж как водится. Что же тут плохого? — Самохин пожал плечами, удивляясь, очевидно, наивности молодого инструктора.

Сергею не пришлось искать Юревича — тот сам его нашёл. Сергей только что вышел от бригадира Новожилова с ещё более раздвоенным чувством, чем после разговора с Хребтовой. Бригадир, дельный и хозяйственный человек, долго мялся и увиливал от прямого ответа, потом сказал:

— Что ж загодя решать? Собрание покажет свою точку зрения.

Юревич представлял собой тип районного работника, каких уже редко встретишь: защитного цвета полувоенный костюм, хромовые сапоги, потёртый тугой портфель в руке, озабоченно-замкнутое выражение лица, свидетельствующее о постоянной занятости. Почти на ходу пожав руку Сергею, он сейчас же увлёк его за собой, и они торопливо зашагали по улице.

— Нам, конечно, следовало бы переговорить ещё в городе, но Фёдор Семёнович, надеюсь, ввёл вас в курс. Мы с Фёдором Семёновичем старые друзья, — как бы между прочим добавил Юревич, искоса взглянув на Сергея. — Он как-то быстро вырос, способный, знаете, человек, а я вот решил, что моё место — здесь. Надо же кому-то и этот воз везти...

— Воз тяжёлый, — вставил Сергей. — Что же заставило вас взвалить на себя эту тяжесть?

— Расчёт, товарищ Орехов, трезвый расчёт, — снисходительно пояснил Юревич; повидимому, в его характере было поучать молодых людей, плохо осведомлённых о тайных пружинах, двигающих жизнь вперёд. — Заметьте, никакой другой колхоз я бы не взял, а этот — возьму.

— Не понимаю.

— Поживёте с моё — поймёте. Одним словом, «Ниву» я беру. Я знаю, что делаю. Увидите, через год я буду вас принимать не в нынешней кособокой избе, именуемой конторой, а в двухэтажном особняке, Ну и, разумеется, «Победа» то-

же будет. Иначе я не мыслю себя в качестве самостоятельного, авторитетного руководителя большого хозяйства.

— М-да, — сказал Сергей, невольно замедляя шаги. — Откровенно говоря, колхозники пока озабочены тем, чтобы побольше получить на трудодень. А это значит — дать больше и государству. Как, по-вашему?

— Теоретически это, конечно, верно, — с тонкой улыбкой ответил Юревич. — Практически в «Ниве» дело обстоит проще. Вам известно, сколько километров отсюда до города? Всего восемь. А город — это прежде всего рынок, и колхозники отлично знают туда дорогу.

— Дорогу знают лодыри и рвачи, — резко сказал Сергей. — В том числе и бывший председатель. Он-то, конечно, торговал не только своим добром. Но этого больше не будет. — Сергей уже не в силах был сдержать себя, говорил быстро и зло. — Нет, я не могу рекомендовать вас собранию, да, впрочем, и без того колхозники вряд ли изберут человека, которому нет оснований верить.

Лицо Юревича стало надменным. Он сунул портфель подмышку, качнулся на каблуках, спокойно и внушительно сказал:

— Мне-то верят, я пятнадцать лет на руководящей работе, а вот вам, молодой человек, райком доверять больше не будет. А с колхозниками я и без вас договорюсь. — Он пошёл было дальше, но вдруг обернулся, с прежней тонкой улыбкой добавил: — А жаль, знаете, расставаться: мы бы здесь сработались. До свиданья...

★ ★ ★

... Через день Сергей снова сидел в кабинете Лысова. Всё было то же; телефон, стол, заваленный бумагами, потёртый ковёр, даже стул, на который пришлось сесть. Но бросилось в глаза и нечто новое: кресло под Лысовым уже не скрипело, оно стояло надёжно и беззвучно, даже когда Лысов стучал по столу кулаком и всем телом опрокидывался на спинку, чтобы выслушать оправдание собеседника.

Но Сергей не оправдывался. Сначала он надеялся убедить Фёдора Семёновича, что Юревич не тот человек, который нужен колхозу, потом, потеряв эту надежду, заявил:

— Я отказываюсь вторично рекомендовать Юревича. Да это и бесполезно: колхозники не переменят своего решения.

— Я и не собираюсь посылать вас вторично. Я спра-

шиваю: как вы осмелились выступить на собрании вопреки прямой директиве райкома? Как? Вы понимаете, чем это для вас пахнет?

— Фёдор Семёнович, я уже сказал, что считаю решение собрания правильным. Кстати, там выявились такие факты, мимо которых нельзя пройти. Если я останусь инструктором, я ими займусь.

— Думаю, что не останетесь, — усмехнулся Лысов и положил тяжёлую руку на рычаг телефона. — Пройдите к первому секретарю, я предупрежу его.

Сергей вышел. За пять минут, которые он просидел в приёмной, созрело решение: « Попрошу перевода в другую зону. Лысов, конечно, не будет удерживать ».

Затем его пригласили в кабинет. Сергей лишь однажды, перед своим назначением, беседовал с первым секретарём и ещё не составил определённого мнения о нём. Он показался тогда Сергею несколько сухим, запомнилось лишь его крепкое рукопожатие. Не успел Сергей присесть, как секретарь, тоже привстав, сказал:

— Итак, Юревич не избран. Это урок для нас. Я только что поразобрался в его биографии. Удивляет, прежде всего, близорукость Лысова, но это не снимает, разумеется, ответственности и с меня. На бюро мы сделаем соответствующие выводы. Садитесь. — Секретарь тоже сел, облокотился на стол, лукаво прищурился. — Говорят, вы рьяно доказывали непригодность Юревича. Вас поддержали, значит, вы были правы...

— Поддержали не все, — заметил Сергей.

— Это естественно, иначе Юревич не был бы столь самоуверенным. Но вот что плохо: Юревича вы отвергли, а взамен никого не предложили. Между тем колхозники прямо называли одного человека.

— Ермакова. Да, называли. Я хотел с ним познакомиться, но пришлось спешить сюда. Народ о нём хорошо говорит, надо узнать, что скажет он сам.

— Правильно. Мы вот как сделаем: вы поедете в «Ни-ву», ваше присутствие там необходимо, а завтра я привезу туда Ермакова. Покажем ему хозяйство, познакомим с людьми, посоветуемся. Идёт? Какие ещё будут вопросы?

Сергей вспомнил о своём решении просить перевода, вспомнил Лысова и твёрдо сказал:

— Вопросов нет. Еду.

Александр ЯШИН.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

— Ну-ка, песню, что ли, для начала:
«Степь да степь кругом!»
И вот с крыльца
Всем родная песня зазвучала.
Степь вокруг без края, без конца.

Кто Москву припомнил,
Кто по милой
Загрустил, вздыхая глубоко,
У девочки сердце защемило,
Что до мамы очень далеко.

Отошла машина от конторы,
Чемоданы сложили у ног.
Вот они, целинные просторы,
МТС среди степных дорог!

Всё чужим казалось, незнакомым;
Сизой дымкой даль заволокло.
А запели песню и — как дома:
Хоть грустна, а на душе светло.

«Степь да степь кругом...».
За ленинградцем,
За кубанским смуглым пареньком
Начал плавно выводить, стараться
Вологжанин с круглым говорком.

По началу глухо и несмело,
Но когда взялись сибиряки —

Песня окрылилась, полетела
Вширь и вдаль,
По берегу реки,

По-над рощей, в небо голубое,
В холодком подёрнутую высь.
Захватила песня всё живое:
Из села гудки отозвались,

Зашумели гуси по озёрам
И на посевные рубежи
Издалёка двинулись моторы
Степью той,
Что широко лежит.

Всё вокруг с ребятами запело.
Поднялись — уже одна семья.
И старшóй сказал:
— Пора за дело!
Вот и познакомились, друзья.

1953—1954

ТОВАРИЦАМ ПОЭТАМ

Что за лес, если в нём не страшно,
Ни волков, ни медведей нет.
Даже пень — с клеймом и закрашен,
Никаких особых примет.

Всё расчерчено по линейке,
Огорожено, подметено:
Тут положено быть скамейке,
Рядом озеру быть должно.

Вдоль опушки травы немножко,
Клок цветов посреди лужка
И прикатанная дорожка,
Как стихи моего дружка.

Павильончики да беседки,
Камнем выстлан подход к реке.
Здесь и птицы живут, как в клетке,
И собаки на ремешке.

А ведь рядом — рудные горы,
Строевых пород сосняки,
Настоящие волчьи норы,
С ледяной водой родники.

Свистнет ветер — быть бурелому,
Гром ударит — потопу быть.
В дебри эти и днём из дому
Без ружья не смей выходить.

И не в парках же нам, поэтам,
Не в беседках век вековать,
Мы, по чести, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на севере моём
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехоженными кажутся леса,
Бездонными — озёрные затоны,
Неслыханнми — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая хвоинка так любя,
Как будто в ней красóты всей вселенной.

И уж, конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот строгих, милых,
Как здесь, в лесах, на родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То всё неповторимое
Как чудо
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой,
На родину мою.

ОХОТНИК

Пред девушкою похвастать
Охотник ничем не мог.
Вот если б к лесным богатствам
Сводить её на денёк

За ягодами, за мёдом
За свежим
От диких пчёл.
В бору не одну колоду
На-днях лесовик нашёл;

Вдвоём глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружьё.
И там же открыть ей душу,
Смотри, дескать, — всё твоё.

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке — всё может быть,
О чём охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку
И — к девушке
На свету.
«Пойдёте в бор на прогулку?»
Она сказала:
«Пойду!»

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостиков, ни дороги,
Лишь з́аболоть да леса.

«Смотрите, какие выси, —
Кричал он, — стена-стеной.
Тут есть медведи и рыси.
Но вы — за моей спиной».

В сузёмах, в черничной чаще
Без устали мчась вперёд,
Он стал забывать всё чаще,
Что девушка с ним идёт.

А чуть собака взбреднула —
Охотник, взведя курки,
Понёсся — как ветром сдуло, —
На лай, сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам —
Не под руку, где уж там! —
Она едва попевала
Бежать за ним по следам.

Не меряны километры,
Несчётно часов прошло.
Пока их стегали ветры
И солнце нещадно жгло.

А ночь в тайге наступила —
Устроились в шалаше.
И тут первый раз спросил он:
«Ну, как, денёк по душе?»

Шалаш для него стал раем,
И, разжигая костёр,
Затеял он, замирая,
Тот самый свой разговор —

Издалека, с начала...
Для чуда пора пришла.
Но девушка не отвечала,
Она ничего не слыхала:
Она
Спала.

1950—1954.

ПОДРУГИ

(Рассказ)

1.

На селе, возвещая полночь, прогорланили петухи, рассыпала прощальные звуки хромка, под её переборы взмыла в полночную тишь девичья частушка и вдруг оборвалась на полуслове. Всё стихло. Только глухо плескалась вода у мельничной плотины, да всхрапывали в ночном кони.

Село ненадолго погрузилось в чуткий сон, чтобы вновь, когда плеснётся в окна предрассветная синь, — забурлила, закипела жизнь. И тогда заколышутся красноватые отсветы топящихся печей, поплывут над крышами лёгкие облачка дыма, звучно ударятся о дно подойника тонкие струйки парного молока, и всюду: на лугах и фермах, на полевом току и в небольшой кузнице с прокопчённым горном опять начнётся новый трудовой день, обдавая запахами сохнущего зерна, свежего лугового сена и смолистой стружки на колхозной новостройке.

В эту ночь Валя Гаврикова долго не могла уснуть. События минувшего дня всплыли в памяти до мельчайших подробностей. Прощание с Москвой. Многочасовой путь и в конце концов остановка на знакомой железнодорожной станции.

Едва сошла она с поезда, колхозный кучер дед Матвей, добродушный бородатый старик в серой фуфайке, армейских сапогах и порыжелом от времени картузе, заботливо усадил её на быструю, лёгкую на ходу бричку и задорно гикнул на гнедого жеребца.

Из-под колёс брички за клубилась пыль, понеслись мимо близкие, дорогие сердцу, родные места. Проплыла водонапорная башня, колёса гулко простучали по деревянному на-

стилу моста, голубой змейкой мелькнула река и пропала за поворотом. Валя смотрела по сторонам и молча улыбалась: стосковалась она по родным местам, по своей работе. Дед Матвей то и дело дымил цыгаркой и почтительно расспрашивал её о поездке в Москву: заметила, что кучер нет-нет да и назовёт её по имени-отчеству... С чего бы это? Осторожно, как бы невзначай, она спросила деда об этом. Тот откашлялся и смущённо сказал:

— Понимать надо, что к чему. Я вот тебя махонькой знал, когда ты босоногой бегала. А нонеча вон как обернулось. Колхоз тебе особую честь оказал. Не откуда-нибудь... С выставки, из Москвы едешь... То-то... Понимать надо.

Валя весело рассмеялась. Дед Матвей умолк и, натянув вожжи, закричал на резвого жеребца:

— Но-но! Пшевеливайся!..

2.

Весь вечер, едва лишь Гаврикова поднялась по ступенькам крыльца, и мать, ахнув, кинулась к ней на шею, будто не видела своей дочери несколько лет, в доме почти не закрывались двери. Заходили подруги, привёртывали «на огонёк» соседи. Надо же повидать экскурсантку, хоть краешком уха послушать рассказ о столице, о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Что ни говори, а не каждому выпала такая честь. О чём только её не расспрашивали... Соседка Мария Павловна Петрованова, худенькая женщина с большими натруженными руками, осведомилась даже о том, какая в Москве стоит погода, и, когда Валя ответила, сокрушённо покачала головой:

— Ишь ты! Там ведро, а у нас дождит и дождит. Да в самую-то страду. Ладно, хоть три дня постояло... Малость пообсохло.

— Валюша, а ты видела Мальцева? — вмешалась в разговор Фроська, прицепщица МТС.

— Какого Мальцева?

— Ну, того самого... — замялась Фроська, теребя кисти пёстрого платка. — Лекцию о нём читали. Тот, что в Сибири...

— Терентия Семёновича? — догадалась Гаврикова. — Нет. Он до нас побывал на выставке.

— Эх, жаль! Целых десять дней была в таком месте и такого исторического человека не встретила.

— Ой, девочки, подумаешь, какой-то Мальцев... — проговорила задумчивая Фроськина подружка Наташа Крупнова. — Мне вот страсть как хочется в Большом театре побывать...

— Были мы там... — заметила Валя.

— Да ну! — удивлённо протянула Наташа. Но Валя перевела разговор на другое:

— Коль говорить об исторических личностях, то они в каждом павильоне. Да, да, Фрося. Не улыбайся. Ничего особенного. Такие же люди, как и мы. Вместе со мной в номере жила одна туркменка. Молоденькая, черноглазая, косы — до пояса... Взглянешь на неё, подумаешь — ветер в голове. И ошибёшься. Грамотная, настойчивая она. И уже Герой труда. Две звёздочки получила.

— Ого! Точно с неба снимает! — оживлённо воскликнула Фроська. — За что же ей звёздочки дали? Оказия, что ли, какая?..

— Хороший хлопок вырашивает, вот за что, — ответила Валя.

— А нашей Фроське за работу — медную бляху. Так пашет, что не хлеб, а осот на полях прёт.

— Мели, Емеля, твоя неделя! — огрызнулась Фроська.

Она недолюбливала бригадира Емельяна Петровича Железнова. Ей казалось, что Железнов не в меру придирчив и требователен, и всякий раз мысленно на чём свет стоит кляла тракториста, который обычно соглашался с доводами бригадира.

Валя Гаврикова следила за необычайной перестрелкой, внезапно вспыхнувшей между Фроськой и Емельяном, когда же спор утих, сказала:

— Давайте, я расскажу о другом человеке, о нашей землячке, знатной свинарке.

— Ты встречалась с Александрой Евгеньевной Люсковой? — возбуждённо спросила Фроська, тотчас забыв, что ей основательно попало от Железнова. — Вот это действительно историческая личность!

На Фроську недовольно шикнули, так как Валя уже начала свой рассказ. Стало тихо-тихо, и было слышно, как стрекочет где-то за печкой сверчок.

— Эту встречу я запомнила на всю жизнь. Помню, вошла в зал, где представлена на выставке наша область. Налево — стенд череповецких механизаторов. Прямо подалее — стенд областной опытной животноводческой

станции. Направо — стенд грязовецких льноводов, а там дальше — смотрю — народ столпился. Женщина невысокая, пожилая, в тёмном шерстяном костюме что-то рассказывает. Говорит не спеша. И говор-то у неё наш — вологодский. Пригляделась получше и узнала. Видела я её, когда была на окружном предвыборном собрании. Конечно, продвинулась вперёд и слушаю. Очень внимательно слушаю. Она заметила это и спрашивает меня: «А вы, девушка, откуда?». Ну, я сперва смутилась, а потом ответила. Так вот и познакомились. Была я у неё на ферме, в работе помогала. Хорошо там дело поставлено, чистота, порядок, строгий учёт. Перед моим отъездом она подарила мне свою книгу и сказала: «Бери, Валюша, от чистого сердца бери. Учись, старайся».

— Да-а! Везёт же людям! — с грустью сказала Фроська, и в её словах послышалась зависть. — Тут вот маешься целый день, торчишь на тракторном плуге, как чучело на огороде, и ни одна душа к тебе. А если и заглянет, то для накачки. Председателя колхоза не видела с весны. Директора МТС — того и в лицо не знаю. Побывал как-то в колхозе секретарь райкома. Ну, думаю, голубчик, держись! Нас распекают, что план не выполняем, пашем плохо, но и тебе несдобровать. Почему горячее своевременно не подвозится, запчастей нехватает? Куда там! Газанул секретарь мимо так, что пыль столбом. Ох, и обозлилась же я тогда...

... Обо всём этом Валя, улыбаясь, вспоминала сейчас, лёжа на заботливо взбитой постели. Валя радовалась, что все так оживлённо расспрашивали её. Не понимала она лишь поведения Сони Плясуновой, её подруги, напарницы по свиноферме, белолицой, стройной девушки. Соня сидела рядом с Фроськой, которой поминутно что-то шептала на ухо и заразительно смеялась, и тогда Валя видела в уголках её чуть обветренных губ усмешку, а в больших зеленоватых глазах — холодный, завистливый огонёк. Плясунова то и дело вставляла в разговор колкости, спорила с Гавриковой, перечила ей. Валю особенно поразила неприязнь ее к рассказу о выставке. По всему было видно, что Соня старалась казаться равнодушной, хотя это ей и не удавалось.

* * *

... Валю разбудил первый солнечный луч. Наскоро умывшись и позавтракав, отправилась она в свинарник,

где не бывала целых две недели. С волнением открыла дверь, прошла вдоль ряда клеток, оглядывая своих питомцев. У одной клетки задержалась подольше, отодвинула вьюшку и, бережно взяв на руки трепещущего, тёплого боровка, улыбнулась:

— Ух, ты сильный какой! Подрос...

Поросёнок пронзительно завизжал: матка тревожно хрюкнула и скосила глаза на свинарку, но, узнав её, осторожно приподнялась и потянулась к девушке влажным пятчком.

Гаврикова протянула ей ломтик хлеба.

Закрыв клетку, она пошла в кормокухню. Наносила воды в котёл, начисто вымыла картофель, затопила плиту и принялась за уборку. Раньше она многого не замечала, а теперь всё бросалось ей в глаза. Свиноарник, где Валя работала уже пятый год и считала одним из лучших в колхозе, вдруг представился ей неприглядным, неудобным, грязным. Стёкла были закопчены, немыты, кое-где выбиты и заткнуты соломой, тряпками или забиты фанерой. На ферме царил полумрак. Неприятно было видеть грязные клетки, забитый навозом и местами прогнивший сточный лоток, тёмные бревенчатые стены.

Её мысли прервала Соня Плясунова.

— Чем это ты залюбовалась? — спросила она и, болтая о всякой всячине, усердно принялась за уборку. Валю покорила её неумолчная болтовня о разных ничего не стоящих пустяках...

— Побольше бы думала ты о работе, — строго сказала Валя.

— Подумаешь, указчица какая. Указывать-то просто... Каково мне было, пока ты разъезжала, за двоих обряться?

— Как не стыдно тебе? — вспылила Гаврикова. — Пойми ты, что должны мы не по-старому, а иначе работать. Этакая грязь...

— Тут тебе не выставка! — отрезала Соня. — Не нравится — убери. Работать у тебя я больше не стану... Понятно? Лучше пойду в бригаду, Железнов с лапочками возьмёт. Не беспокойся, не пропаду без твоей опеки, — выкрикнула Плясунова и скрылась за дверью.

Валя опешила.

Весь день у неё всё валилось из рук. Мысль о подруге не давала ей покоя. Почему Соня так обозлилась? Спра-

бедливо ли сама она, Валя, поступила? Вместе, ведь, рука об руку работали. Пополам делили невзгоды и радости, коротали длинные томительные зимние ночи, тревожась за исход опоросов. Съездила в Москву — и всё пошло ку-бырком.

Под вечер на ферму зашёл зоотехник. Василий знал обо всём. Взволнованно шагая по ферме, он твердил:

— Неладно! Нехорошо получилось...

— Но почему так вышло? Разве моя в том вина?

— Это трудно выяснить сразу... Помнишь, вчера, рассказывая о нашей знатной землячке, ты говорила, что выставка открыла тебе глаза, что ты всей душой почувствовала в себе силы добиться большего. Готовенького, известно, никто на тарелочке нам не преподнесёт. Возьмём нашу ферму. Показатели работы — одни из лучших в районе. А сравним их с показателями передовиков! Что получается, а? Какая разница во всём. Слабый остановится в нерешимости да так и будет стоять всю жизнь. А сильный? Сильный устремится вперёд. Ты именно так и должна поступить. А Соня?.. Многое ей надо ещё понять. И ты должна, и все мы обязаны ей помочь...

— Верно... Но как? Тебе ведь знаком её нрав! К ней да к нашей Фроське с уговорами да советами лучше не соваться. Соня не из таких, чтобы её уговаривать...

— А ты докажи! Тебе ведь тоже не помогали уговоры. Ты требовала доказательств. И увидела их. Выставка — это хорошее доказательство наших сил.

Гаврикова молчала. Вересков взглянул в её строгое, задумчивое лицо. Из-под лёгкой Валиной косынки выбилась прядка тёмных волос. Но вот в серых глазах её засветилась решимость. Она выпрямилась и звонко сказала:

— И докажу!.. Лыком шиты мы, что ли? Но смотри! Ис тебя, и с председателя спрошу. Никому житья не дам...

Зоотехник слушал её, улыбаясь.

Прошло три недели, как Соня стала работать в полеводческой бригаде. Была горячая уборочная пора, и Железнов, когда она пришла к нему, не спрашивал, в чём дело. Он смерил её пристальным взглядом и сказал:

— В бригаду просишься? С фермы сбежала? Поссорились, аль другая причина?

Соня стояла, потупив голову.

— Ну, что ж, тебе видней, где собака зарыта. Без меня разберутся. Тогда вмиг вылетит дурь из головы, как сорная трава с поля. А сейчас — марш на молотьбу.

Соня не отказывалась ни от какой работы. Она грузила зерно, скирдовала солому, убирала мякину. Внешне она ничем не изменилась. Разве посветлели на солнце волосы да обветрело лицо. Но на душе её было беспокойно. Её тянуло на ферму, где ей всё было знакомо, дорого. Она мысленно представляла, как Валя хлопочет на ферме, раздаёт корм, моет горластых поросят. За пять лет ей полюбили труд свинарки. Там всё на виду. И, не будь ссоры, разве бы ушла она оттуда! А из-за чего получилось? Конечно, из-за дурости, — думала Соня, припоминая слова Железнова, который, как нарочно, давал ей подчас самую тяжёлую работу. Она могла отказаться. Пусть назначили бы мужчину, а не её, девушку. Но у Железнова ответ короток: «С фермы сбежала и здесь не нравится. Скатертью дорожка... Не заплачем!».

Вдобавок допекала Фроська своими прибаутками и шутками.

— Как настроеныцце после смены квалификации? — спрашивала она, садясь поближе к Соне вечером в клубе. — Жаль, что горячее подвезено. Не то бы мигнула бригадиру и по-приятельски определили бы тебя моей помощницей по части снабжения. Можно должность посолоднее. Кучеру Матвею требуется обрезальщик конских хвостов... Пойдёшь? Так и быть, замолвяю словечко...

— Отвяжись, Фроська, — вспылила Соня. — Пристала, как репей.

— Ох, недотрога! И слова не скажи... — смеялась Фроська и продолжала:

— Валя так надела на председателя, — тот аж за голову схватился. А зоотехника запрягла, как ты вчера своего мерина. Три дня с фермы не выходил. Рационы составляет, режимы, привесы определяет. Про субботники-то слышала? Я с трактористом своим к ферме воз брёвен для капитального ремонта подвезла. Егор заломался было, но я враз его обработала. Сама — за баранку, а он — пешим ходом сзади. Бежит, орёт благим матом... Шёлковым стал.

Фроська исчезла так же внезапно, как и появилась. Соне казалось, что она следит за каждым её шагом: вдруг выскочит из-за угла, уязвит острым своим язычком, рас-

сыплет пригоршню всяких прибауток и оставит её одну разбираться в своих мыслях и думах.

И снова всплывали в памяти слова Железнова: «Дурь из головы — как сорную траву с поля». Да, именно так. Она... Во всём она виновата. «Вспомни, — упрекала себя Соня, — как отнеслась ты к известию о поездке подруги в Москву? Где бы гордиться да радоваться, а ты затаила обиду, думала — обошли тебя стороной, не заметили... И Фроська, и Железнов, и Вересков, поди, от души гордятся своим товарищем, которому выпала такая честь, а ты переживаешь с обидой».

Шустрая, бойкая прицепщица успевала пораньше разбудить сладко спавшего тракториста Егора, помочь ему разогреть мотор и провести первую борозду жирной осенней вспашки. Ей были известны почти все события и новости села. От неё Соня узнала о делах на ферме, о Вале и о ремонте свинарника. Фроська бывала здесь каждый вечер и вместе со своими друзьями и подругами преображала старенькую ферму, оживляла её.

— Да что ты спрашиваешь? — удивилась Фроська, когда однажды Соня особенно стала к ней приставать. — Сходи сама, посмотри. Да, впрочем, ты элемент несознательный...

— Что?!

— А вот то!.. С фермы сбежала — раз, — Фроська загнула палец. — Молодёжь на ремонте фермы по вечерам допоздна, а ты на печи считаешь кирпичи... Сама виновата, а выгораживаешься. — И Фроська загнула сразу два пальца.

— Ну, знаешь!.. — вспыхнула Соня. — Не тебе меня учить. Подумаешь, учительница нашлась...

Но уже и след Фроськи простыл. В соседнем переулке села в вечернем воздухе зазвенела её бойкая, весёлая частушка:

Целый вечер, будто сын,
Спит она у нас навзничь.
Что, скажи, ты видишь, Соня,
На печи своей спросонья?

Соня покачала головой, но не рассердилась. «Ну и девка!». И ей захотелось сейчас же пойти на ферму взглянуть на то, о чём истосковалось сердце.

«Майка скоро опоросится. Славная свинья... В первый опорос десятерых принесла. А сколько теперь?.. Наверно,

не меньше. А Василий-то хотел Майку выбраковать, отправить на мясокомбинат. Ладно, я на своём настояла. Как он тогда сказал? Ах, да... «Бывает, что люди ошибаются. Без этого не обходится в жизни. Но надо признавать свои ошибки и быстро исправлять их». Стой, а я-то разве не ошиблась? Конечно, да...» И в её мозгу засверлила настойчивая мысль: «На ферме сейчас никого... Валя придёт через полчаса, не раньше. Пожалуй, схожу, посмотрю — и домой. И никто не узнает...», — думала Соня, шагая по знакомой, тысячу раз исхоженной тропке. Она словно сбросила с плеч каменную глыбу, которая пригнетала её к земле.

... Многого не узнала Соня на своей ферме. Побелённые известковым раствором стены делали помещение уютным и светлым, словно на ферме горел не один фонарь, который она держала в руке, а по крайней мере десять. Вдоль клеток, над которыми виднелись аккуратно заполненные зоотехником паспорта животных, по обе стороны центрального прохода тянулись сточные лотки. Под половицами не чавкала, как прежде, вода. Соня ступала по ровному, чистому полу. До чего же помолодел старенький свинарник! Просто глазам не верится, — восхищалась она и в то же время досадовала, что не помогала крыть смолистыми дранками крышу, не белила кистью тёмные бревенчатые стены. А ведь Валя работала тут! Во всё это вложены труд её подруги, беспокойной Фроськи, намётанный глаз Верескова, общая их работа. «А ты стояла в стороне. Дожидалась... Эх, ты... Соня-засоня». К горлу девушки подступил горький комок. Она пошла на кормокухню. Луч фонаря осветил новенький кормозапарник, два невысоких, но широких, стоящих по углам, чана, в которых находилась обильно сдобренная концентратами клеверная мука... «Постой, — внезапно догадалась Плясунова, — так ведь это ж Валя сделала по совету свинарки, про которую рассказывала тогда. Она ещё подарила ей книгу. А может эта книга в дежурке?» — подумала Плясунова и осторожно закрыла дверь...

Дежуркой называлась небольшая комната с лежанкой, низеньким столом и короткими скамейками по углам. Окна дежурки выходили как раз к Валиному дому. Соня повесила фонарь на гвоздик, вбитый в оконный переплёт, и огляделась. На стенах она увидела те самые диаграммы и рационы, про которые говорила Фроська. Кроме них, виднелись иллюстрированные плакаты, на одном она прочла размашистую надпись подруги под портретом пожилой

женщины со значком Лауреата и звездой Героя на груди.

Соню поразило обилие книг, которые стояли рядками на плетёной этажерке, покрытой кружевной салфеткой. Она взяла наугад тонкую книжку в синей бумажной обложке и, раскрыв её, увидела автограф: «Иди вперёд. Пусть тебе и твоей подруге подспорьем в нашем благородном труде будет эта книга». Ниже стояла подпись той пожилой женщины, про которую рассказывала Валя. На портрет этой женщины и смотрела сейчас взволнованная Соня.

«Твоей подруге»... Спасибо, Валя!.. — с благодарностью прошептала девушка. — Ты никогда, никогда не забывала меня... А я-то думала...».

Соня вздохнула и, порывисто подойдя к окну, прильнула лицом к холодному стеклу. Она смотрела на яркий огонёк, светившийся в Валином доме.

В МЕТЕЛЬ

(Поэма)

Ах, давно ль это было,
Как вошёл ты, Степанко,
Со звездой пятикрылой
На армейской ушанке,
В сумрак горенки чистой,
Где ждала тебя мама,
Где ты мог перечислить
Каждый гвоздик на память,
Все сучки в половицах,
Что скрипят под ногами...

Мать оставила спицы
И всплеснула руками:
«Стёпа, — крикнула, — милый!..
Отслужился!..» — и встала. —
«То-то нынче мне снилось,
Что цветы собирала...
Чуло, сердце-то, чуло:
Вспоминала весь вечер» —
И немножко всплакнула:
«Что бы выйти навстречу...»
Успокоясь, раздеться
Помогла, как бывало...
И припомнил вдруг детство
Ты, ефрейтор Завьялов.
«Здравствуй, светлое, здравствуй!
Мы ль с тобой не знакомы?!»

... Ног не чуя от счастья,
Мать летала по дому.
Стол, чем было, накрыла:
«Ешь!» — и села напротив...
Было всё это, было,
Да прошло — не воротишь.

... Снегом колким по брёвнам
Хлещет мутная вьюга,
Словно кто-то огромный
Чешет спину об угол.
Спит, мурлыкая, кошка,
Стонут жалобно сени...
Мать сидит у окошка,
Положив на колени
Безучастные руки,
Смотрит молча куда-то
(Так молчат в час разлуки,
Примирившись с утратой)...
Оставляешь её ты,
Одинокую, дома...
Здесь, в колхозе, работать
Нет, — решил ты, — расчёта
Для тебя, молодого.
Потому как в артели
Всё не так, как бывало:
И дома постарели,
И достатка не стало.
И совсем не радуется
Предколхоза Гордеев
О делах...

А она-то
Всё мечтала, надеясь
На тебя, на солдата.
«Ты б, Степан, молодуху
В дом привёл, — говорила. —
Всё бы помощь старухе,
Всё бы легче мне было.
Поработали б честно —
Завели бы корову.
Всё бы стало на место,
Жили б сыты, здоровы.
Я сама ещё тоже

Не бежала б от дела:
Помогала бы всё же —
На печи не сидела.
Внуков нянчила б...

СЛОВОМ,

Не была бы чужая...»

Но уходишь ты снова
Из родимого края...

...Сени охнули глухо.
Отсчитал три ступени
И — в мятель-завируху,
И — в сугроб по колени.
Оглянулся,

немножко

Прошагав по деревне:
Мама смотрит в окошко,
Мнёт в ладонях передник.
Не узнал: с сожаленьем
Смотрит или с укором,
И — в сугроб по колени,
И пропал за забором.
«До свидания, хаты!..»
А метелица в спину:
«Стой, куда ты, куда ты?!
На кого дом покинул?
Не вернёшься обратно —
Мелом выбелю кожу,
Положу на лопатки,
Замету, заморожу...»
Белой гривой играя,
Воет, путает ноги...

... Завируха какая —
Ни пути, ни дороги.

Снег по пояс деревьям
И стогам по макушку...
Дальше, дальше деревня,
Ближе леса опушка.
Нетяжёлая ноша
У тебя за плечами —

Сапоги, да калоши,
Да мешок с сухарями;
Да рубахи две — комом —
Те, что осенью справил...

Всё забрал ты из дома,
Только душу оставил...

Разве взять её можно?..
Приросла, прикипела
К этим далям дорожным,
К этим зорям несмелым.
К этим рощам сорочьим,
К этим домикам низким
Приросла она прочно
С молоком материнским.
И, куда б ни ушёл ты, —
Будет всё тебе сниться
Луг за речкою жёлтый,
Лён в цвету да пшеница.
И заманчивый город,
Тот, куда тебя тянет, —
Домом станет не скоро
Или вовсе не станет.
Будешь ты у буфетов
Пиво пить городское,
Деревенское лето
Вспоминая с тоскою.
И былые мозоли
На руках ковыряя,
Вспомнишь скирды на поле
Заозёрного края,
Вспомнишь волн перекаты,
Спор гармоник задорных...

Так куда же, куда ты
Так стремишься упорно?!.
Только счастьем навстречу
Так, пожалуй, стремятся...

Как потухшие свечи,
Сосны снегом дымятся.
И кружётся, кружётся
Вихрь, следы засыпая...

А тебе сослуживцы
Вновь приходят на память.
Два дружка из Рязани
С голубыми глазами,
Да ещё непреклонный
Старшина с орденами...
Вот они, как на смотре,
Встали все по ранжиру...
Отчего же не смотришь
Ты в глаза командиру?
Не был первым во взводе
Ты, сказать откровенно,
Но не хныкал в походе,
Если грязь по колено.
Шёл упрямой походкой,
От жары полудённой
Прикрываясь пилоткой,
А от ливня — погоном.
Метко бил из винтовки...
И могли сослуживцы
В боевой обстановке
На тебя положиться.
А сейчас?!

Где-то рядом
Слышишь их голоса ты.
Но не рады, не рады
Встрече этой солдаты.
Подошли, окружили,
Правду горькую кроя:
«Значит, бросил, служивый,
Деревеньку без боя?
В тыл уходишь, вобравши
Робко голову в плечи?
Струсил, стало быть?.. Страшно?
Ищешь, где бы полегче?
Зря с тобой мы дружили,
Принимали за друга...»
«Струсил, струсил, служивый», —
Свищет по полю выюга.
«Струсил!..» — воет, озлобясь...

«Гпру! Куда тебя, чорта!» —
Глянул: сзади, в оглоблях,
Лошадиная морда.
Встал, сутулясь, в сторонку...
А с передней подводы
Звонкий голос: «Девчонки,
Я нашла пешехода!»
А девчата —

со смехом:

«Молодого?..»
«С усами».
«Что ж, усы не помеха:
Забирай его в сани!»
«Мне-то что... Пусть садится:
Места много — не жалко!..».

В рыжей шубе возница,
В шерстяном полушалке.
Что ей лютая стужа?
Что ей ветры сквозные!?
Нос курносый наружу
Да глаза озорные.
Смотрит,

варежкой тёплой

Прикрываясь от ветра:
«Ой, да что это?! Стёпа?!»
«Точно... Здравствуй, соседка.
Не узнала солдата?»
«Извини, не узнала...
Да садись же... Девчата!
Это Стёпа Завьялов!»

Прибежали гурьбою —
Рады девушки встрече, —
Сели рядом с тобою,
Навалились на плечи
И пошли тараторить:
Мол, живём не богато,
Да не в том наше горе —
Женихов маловато,
Разбежались по свету...
Мол, в звене молодёжном
Ни единого нету...

«Прямо, жить невозможно.
На гулянье и в поле —
Всё одни. Не до смеха...
Ты, Степанко, бы, что ли,
В наш колхоз переехал.
Мы б тебя счетоводом —
Знай костяшками брякай!..»
«Но куда ж вас, однако,
Понесло на подводах
По такому морозу?!»
«Как куда? Удобренья
Мы со станции возим
Через вашу деревню.
Председатель Евсеев
Нас гоняет недаром:
Кукурузы посеём
Нынче сорок гектаров!»
«Сорок?..»
«Да! И докажем,
Что ничем не рискуем!..
Ну, а ты-то куда же
В непогоду такую?»

Вздоргнул —
 будто колючий
Снег скатился за ворот,
Будто пулею жгучей
Шапку сбило...
«Я — в город...»
«А когда же обратно?..»
«Видно будет... у брата
Побываю...»
«Понятно...»

И замолкли девчата.

А одна не стерпела:
«Что ж, счастливой дороги...
Мало ль в городе дела?!
Брату кланяться в ноги —
Может, где и пристроит...
Ну, хотя бы завскладом.
Для такого героя

Лучше места не надо.
На ночь запер ворота —
И гуляй без заботы...»
«Нам бы где ни работать,
Только б впрямь не работать», —
Пошутил ты несмело
И добавил, краснея: —
«Ну, какое вам дело,
Как устроюсь и где я?..»
«За тебя нам обидно,
Стёпа!.. — крикнула Ира. —
Плохи были, как видно,
У тебя командиры».
«Вот что, Ирка, довольно!..
Командиров не трогай!
Мне без этого больно!..
Слышишь?!» — бросил ты строго.
«Что ж, молчу, если надо», —
Тихо Ира сказала.
И до самого склада
Больше губ не разжала.
И когда ты,

котомку

Перебросив на спину,
Попрощался негромко
И подводу покинул, —
Вихрь — бродяга бездомный —
С рёвом бросаюсь навстречу,
Будто старый знакомый,
Грубо обнял за плечи
И, с тобою в обнимку,
Потащился тропинкой,
Шелестя тебе в уши,
Леденя тебе душу...

ВЫВОД

(Рассказ)

Председатель колхоза Василий Павлович Хватов, здоровый, широкоплечий человек лет тридцати пяти, пришёл в контору раньше обычного. Вешая пальто, он объяснил сторожу Макару, маленькому суетливому старичку, причину своего прихода:

— Заседаний и собраний сегодня не предвидится, поэтому решил я у себя в столе навести порядок. Разобраться самолично, что к чему приложить в жизни, и прикинуть насчёт нашего трудодня. — Сев за стол, Хватов тяжело вздохнул: — Три дня, Макарушка, заседали. Наговорили столько, что при моей грамотности разбираться надо полгода. Семинарами, видишь, заседания эти прозываются. Сидишь вот так три дня и слушаешь, а тебе всё читают-читают... Слова мудрёные, ни одного простого не услышишь. Устанет один читать — второй на его место, а второй устанет — третий на очереди. Вот вчера двое таких нам три часа рассказывали, как начать вывозку навоза на поля. Говорят, сначала надо провести собрание со скотницами, конюхами, свинарками, потом собрания по бригадам, после — по деревням, потом — колхозные, а после этого вопрос обсудить в сельсовете и завершить это дело уже собранием в районе. В общем, говорят, надо дело провести на высоком уровне и такую сводку послать, чтобы все графы заполнены были. Область, говорят, этого требует.

— Эку мудрость они вам втолковали! — удивился Макару и, подумав, добавил: — Возят вас зря на эти семинары: — только лошадей мучают, от дела своего отрывают, да головы засоряют.

— А знаешь, что в голове-то бывает после этих семинаров? — спросил Хватов. — Раньше у меня голова-то никогда не болела, а вот теперь она похожа на ящик с гвоздями: все в разные стороны торчат и каждый колет.

— При твоей силе стоит ли об этом говорить, Василий Павлыч. Ты, брат, весь скроен в пропорцию. Уж если мешки в центнер весом подмышками таскаешь, то страшны ли тебе какие-то семинары. Я помню отца твоего: дюжий был человек! Заберёт, бывало, нашего брата, щёлкнет лбами — весь день радуги в глазах.

— Не обижаюсь за это я на родителя. Что верно, то верно, — согласился Хватов, — только вот умственности во мне маловато. Грамоты я не знаю, Макарушка, а без неё человек на слепого похож. Куда толкнут, туда и шагнёшь, а иной, ведь, и в яму толкнёт. Мужичье дело я знаю, топором работать могу, об уходе за землёй понятие имею, стог сметать могу, для плуга и косы смекалки хватит, а вот как сядешь на этот стул — председательский — и чувствуешь слабость...

— А по-моему, самое главное в человеке — сила. Сильного всяк уважает и слушает. Если у председателя, к примеру, сила как у мыши, то и страху-то перед ним ни у кого нет. Плевка стоит этакой председатель!

Макар плюнул для убедительности под умывальник и уселся на скамейку возле печки.

— Так-то оно, конечно, так, — сказал Хватов, — да не совсем... Мозговитые люди пошли теперь, и с ними обращение нужно другое. Помнишь, в сентябре постановление ЦК о колхозах было? Сколько в нём доброго про нашу жизнь написано! Выполнять-то, ведь, это надо умом, а не кулаками. Теперь, Макарушка, многое спросится с председателя. Я, брат, всё это понимаю. Вчера вызвал меня секретарь райкома, Николай Иванович, и говорит: «Учиться тебе, Хватов, надо. Поучишься года три — легче работать будет, и дела пойдут лучше». Вот как!

— Коли посылают, то, видно, надо. А по-моему бы и не посылать, — решил Макар. — На трудовень всё-таки ты даёшь кой-что, люди тебя побаиваются, а больше чего ещё нужно? В мужичьем деле главное — сила, а в тебе её хоть отбавляй.

— Н-да, обмозговать всё это надо. — Председатель глянул в окно, почесал в бороде и принялся перебирать бумаги на столе.

— Посмотрим, сколько указаний за три дня накопилось. Наверно, не меньше полкило. Кто это принёс? — взяв первые две бумаги, спросил он сторожа.

— Сами и принесли эти люди, передать велели и хотели зайти сегодня.

— А где они ночевали?

— В деревне где-то. Статные люди. Мужчина и женщина.

— Ладно. Коли обещались, то придут, — заключил председатель и, раскрыв тетрадь, начал щёлкать на счётах:

— У Митрия в бригаде, стало быть, намолочено 7650 центнеров. Так. Лошкин перекрыл на сотню, а Полина, эх, молодец девка! Утёрла нос женихам. Значит, выходит... выходит по два килограмма на трудодень. Жуй, брат, Макарушка, хлебец, да добром поминай колхозные порядки. Так ведь я говорю?

— Знамо так, — согласился сторож. — Самое главное — хлеб. Серёдочка сыта, так и кончики играют.

Макар собрался ещё что-то изречь, но быстро вошедший в контору человек вспугнул его мысли. Положив портфель, человек снял шапку, протёр очки, осмотрелся и вежливо представился:

— Алексей Сергеевич Сосков, зоотехник, окончил сельскохозяйственный техникум и направлен работать в ваш колхоз. — Он подал руку председателю и легонько кивнул головой.

— Направление я занёс вчера, дедушке вот этому отдал.

— Прошу быть при месте. Приезду вашему душевно рад. Учёному человеку у нас дела хватит. Где переночевали? Как?

— Дома через два от конторы. Комнатка тут приличная. С хозяйкой квартиры я уже договорился.

— У Марьи, значит. Хорошо. Скоро и к делу, небось, приступите?

— Да, я готов, — снова протирая стёкла очков, сказал зоотехник. — Но для начала мне бы хотелось выяснить ряд вопросов.

— Ежели касемо колхоза, то кое-какие соображения имею. Второй год уже в председателях хожу.

— Скажите, пожалуйста, каких пород у вас крупный рогатый скот и какая порода наиболее продуктивна и жиз-

неустойчива для этих мест? Я в здешних местах первый раз, и, кажется, они неплохие...

— Не обижены мы природой, — согласился председатель. — Места у нас привольные, особенно летом. В лесу, или на реке, или в поле — такая благодать, что, кажется, лучше и на земле нет. Я вот от своей деревни до Берлина дошёл, повидал и лиха, и добра, а вспомню, бывало, наши края, так душа и занает. Что ты скажешь, Макарушка?

Видя, что разговор пошёл по другому пути, зоотехник напомнил:

— Хорошо здесь, но вы бы про скот мне рассказали.

Председатель отодвинул бумаги, поглядел на потолок, подержался правой рукой за подбородок и сказал:

— У Натальи во дворе стоят, кажись, ярославские, Марья за холмогорскими ухаживает, а свои у нас в третьей бригаде, в другой деревне. А насчёт того, сколько доят коровы и долго ли живут, скажу я одно: в скотнице тут всё дело. Любит которая скотину, у той и доят больше, и всегда здоровы, а уж ежели совету у скотницы с коровами нет, то тут ни молока, ни мяса не жди, и век у такой коровы, что у мухи.

— А лошади? — рисуя голову коня на бумаге, спросил Сосков.

«И лошадей ему подавай... Привязчивый какой», — подумал про себя председатель и, хмурясь, сказал:

— Лошади тоже на вид разные. В хороших руках иная и двадцать пять лет проработает, а «конегон» и на одном году её в могилу сведёт. Стало быть и тут всё дело упирается в нашего брата — в людей. Вот у меня, к примеру, жеребец полтора метра высоты, масти рыжей. Умнейшее животное!

Зоотехник усмехнулся и опять, как иглой ткнул:

— А овцы и свиньи?

Хватов достал платок, обтёр лицо, взглянул на склонённую к печке голову Макара и подумал:

«В голове бы силу-то иметь надо, а не в кулаках. Попробуй, поговори с таким при народе, — одним стыдом пропечёт». Перебрав в уме дворы, где размещены овцы и свиньи, Хватов попытался припомнить название хотя бы одной породы, но, не придумав ничего, махнул рукой:

— Много их у нас, есть всякие.

— А травы какие растут на ваших лугах?

«С ума сведёт в первый же час», — решил Хватов, вер-
тись на стуле.

— На Печищах растёт больше листушник, у мельни-
цы — осоки разные, за Дором — лабазник, а в полях —
смесь разная.

Выглянув в окно, он вдруг радостно вскрикнул:

— Макар! Макар! Беги скорей на улицу и скажи Афо-
не, чтоб он остановился против конторы и занёс охапку
сена — это он с Печищ везёт, — пусть товарищ в натуре
посмотрит.

Сорвавшегося с места Макара остановил зоотехник:

— Не нужно, дедушка, я посмотрю позднее. Мне бы
ещё узнать распорядок дня на ваших фермах и познако-
миться с рационами кормления животных.

— Все распорядки и рационы у животновода, а он в го-
роде, у них сегодня... как его... семинар! Так что не могу, —
признался Хватов.

Зоотехник встал и, надевая шапку, сказал с сожален-
ием:

— Многого и я ещё не знаю. Придётся на практике по-
учиться. Надеюсь, что вы мне не откажете в помощи.

Глядя на закрывшуюся за зоотехником дверь, Хватов
подумал:

«Значит и у меня поучиться можно, накопил и я кой
что за свою жизнь».

— А умный, видать, человек, — перебил его мысли сто-
рож. — Ишь ведь как он мозгует и про скотину, и про тра-
ву, и про кормёжку.

— Умный-то он умный, но тоже не дозрел ещё кой в
чём. Мало знать, как называется какая травка, или какой
породы скотина. Надо ещё быть настоящим хозяином все-
му этому, да и с людьми уметь разговаривать, а это не вся-
кому даётся сразу. Ему, видишь, трудно, а у меня назва-
ния эти в горле застревают — как сухари без воды.

— Выходит, вам обоим друг у дружки учиться надо, —
сообразил Макар. — Ну, а как, Василий Павлыч, — этими
приезжими-то ты же управлять будешь?

— Да, без управления нельзя, придётся, — ответил Хва-
тов, а про себя подумал: «В десять минут с меня три пота
согнал, попробуй, поуправляй».

Пройдя к столу, он снова было взялся за счёты, но в
контору вошла здоровая, круглолицая девушка и быстро
заговорила:

— Нина Петровна Известкова, агроном, окончила сельскохозяйственный институт. Прибыла на работу в ваш колхоз.

Отрекомендовавшись, Хватов спросил о дороге, о квартире и принялся перелистывать тетрадь.

— Простите, вы очень заняты? — несмело проговорила Известкова. — Мне бы выяснить кое-что.

«Эк ведь как их прорвало! Не успели на порог ступить — и сразу «выяснить», — с раздражением подумал Хватов и ответил:

— Голсва у меня потрескивает, но что могу — скажу.

— Какой у вас севооборот — семипольный или девятипольный и какие почвы? Есть ли у вас кислые и сколько их?

«Не пробовал я их и не знаю, кислые они или солёные. Чорт их знает...», — вскипел про себя председатель. А вслух сказал:

— Всякие есть. Площадь большая. Знать-то я их знаю, но только назвать мне их трудно. Язык у меня какой-то непутёвый. Вот в поле, так я каждую кочку знаю, а вот...

— А как с удобрениями, какие вывозите и сколько, есть ли в наличии гранулированные?

Слушая вопросы, председатель то выдвигал, то задвигал ящик стола, зачем-то копался в бумагах, а когда Известкова замолкла, взглянул умоляюще в её круглое лицо и посоветовал:

— Приходите вы завтра, а то я совсем ослаб и в голове одна путаница. Завтра и бухгалтер здесь будет.

После ухода агронома Хватов вышел из-за стола, постоял среди комнаты, потом подошёл к телефону и вызвал секретаря райкома:

— Выезжаю я, Николай Иванович, учиться. Решил окончательно. Дела сдам заместителю. Готовьте документы. — Повесив трубку, он подошёл к Макару и внушительно сказал:

— Нашему брату, председателю, Макарушка, теперь две дороги: или будь всамделишным руководителем, или убирайся в сторону. Понял?

Сергей ВИКУЛОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ

... А у нас на севере такие
Светлые края!
Не зови меня напрасно в Киев —
Не поеду я.
Хороши днепровские, я верю,
Кручи-берега,
Но у нас не хуже в Заозерье
Реки и луга.
А леса у нас какие! Стдит
Выйти за дворы,
Опьянят пахучих смол настоем
Тёмные боры.
Очаруют солнечные рощи...
Мой тебе совет:
Надевай-ка платъице попроще
Да бери билет.
Говорят: суровы северяне —
Это не беда.
Земляки мои, скажу заране,
Люди — хоть куда!..
Хорошо у нас в любую пору!
Буду я счастлив
Показать тебе в лесу озёра,
Наших рек разлив,
Нивы наши в росах спозаранку
И луга в цвѣту...
Только ты поймѣшь ли, горожанка,
Эту красоту?!

ВОСПОМИНАНИЕ

Детства никогда я не забуду.
Батяка брал меня с собою всюду,
Заставлял орудовать кнутом,
Чтобы легче было мне потом,
Чтобы знал, свыкаясь понемногу,
Тяжкую мужицкую дорогу.
Чтобы я учился с малых лет
Спать в телеге и встречать рассвет
На колёсах где-нибудь в пути:
«Жизнь прожить — не поле перейти».

Вот таким у батяки я и рос.
Засыпал в пути под скрип колёс
Да под песню грустную отца —
Песню без начала, без конца.
А на утро, за болотом вязким,
На скрещенье лапотных дорог,
Низенький, старинный, словно сказка,
Открывался взгляду городок.

Он стоял, маяча над полями
Древнего собора куполами,
Не тревожа тишины раскольной
Гулким перезвоном колокольным.
И ползли к нему со всех концов
Скрип телег да ливни бубенцов,
Замирая где-то у ларьков
Под степенный говор мужиков.

В город привозил отец товар —
Сено да сосновые дрова.
Окружали бабы мужика:
«У тебя, мол, лёгкая рука...»
Но не даст он маху, не промажет!
Покряхтит, помнётся да и скажет,
Почесав затылок: «Маловато».
Отвечают: «Будешь жить богато!...»
И отец, и сено, и дрова,
Плюнув, по дешёвке продавал.

Покупал потом мне из ларька
Сахарного «Петю-петушка»

И домой!.. И снова скрип колёс,
Трепетанье робкое берёз,
Ветерок, влетающий за ворот,
Колеистый путь... А сзади город —
С пестротой базарной, с голубями,
Целый день летавшими над нами.

Засыпаю я, зажав в руках,
Сахарного «Петю-петушка».
Проплывают сосны в стороне,
Хлюпает вода... И снится мне,
Будто бы купил отец корову
И, неразговорчивый, суровый,
Он повеселел, расправил спину,
Будто с плеч годов десяток скинул...

Снятся мне глаза коровы пегой,
Что бредёт за нашею телегой.
Снится мать с подойником в руках,
Снится вкус парного молока —
Только бы налить и всласть попить...
Но летит лавиной гром копыт,
Ближе, ближе... С гиканьем и звоном
Догонял на тройке нас Миронов.
Кони хороши у кулака —
Вожжи, — словно струны по бокам, —
В пальцы посинелые впились.
«Растопчу! — кричит, — поберегись!»
Батя дёргал вожжи:
«Ничего...
Мы ещё посмотрим, кто — кого!».

ВСТРЕЧА В ПОЛЕ

(Рассказ девушки-колхозницы)

День на редкость был хорош.
У дороги, с речкой рядом,
Наша девичья бригада
Молотила в поле рожь.
Я стояла на скирде,
Как всегда... Снопы бросала.
Слышу, песня зазвучала

Где-то рядышком... Но где?
Виден луг. За ним река.
Где бы это, интересно?!
Вдруг гляжу: выходит песня
Из-за ближнего леска.
Командир... За ним бойцы
Строем вышли на дорогу.
Как один, шагают в ногу.
Глянешь — прямо молодцы!
И, ладонь сложив трубой,
Закричала я: «Солдаты!»
А девчата снизу: «Сваты?
Неужели за тобой?»
Не возьмут подружки в толк,
Что случилось... «Да не сваты, —
Говорю им, — а солдаты
На дороге, целый полк!»
Мы ж, скажу вам наперёд,
На чертей похожи были:
Всем известно, сколько пыли
На току — как вьюга вьёт...
Только было принялись
Приводить себя в порядок,
А уж песня льётся рядом —
Хоть сквозь землю провались!
Бригадирша говорит:
«А покажем-ка пехоте,
Каковы мы есть в работе.
Наплевать на внешний вид!»
«Верно! Мы ж сюда не петь
Собрались», — добавил кто-то.
И пошла у нас работа —
Любо-дорого глядеть!
Только вниз снопы летят!
Пыль столбом... Скирда всё ниже.
А солдаты ближе, ближе...
Неужель не поглядят?!
Командир, хоть ростом мал,
Да, видать, удал — куда там!
Встал лицом к своим солдатам:
«Стой! — скомандовал. — Привал.
Далеко ли тут село?»
«Пять, не больше, километров...

Знать, сюда попутным ветром
Вас, ребята, занесло?»
Говорят: «Наш путь прямой.
Мы не ходим стороной.
Отстрелялись на «отлично»,
Возвращаемся домой».
И, взглянув на нас в упор,
Старшина всерьёз заметил:
«Лучше девушек на свете
Я не видел до сих пор!»
Мы сгораем от стыда,
А они стоят и судят:
«Вот где мы жениться будем!
Кончим службу — и сюда».
«Приезжайте, подождём.
Встретим — весточку подайте...
Только на сторону, знайте,
Мы невест не выдаём».
Отвечают: «Не беда.
Не отпустите — не надо.
Мы в колхозе вашем рады
Поселиться навсегда».
Бригадирша: «Вон как вы...
Примем, что ли, их, девчата?»
«Можно б: славные ребята,
Да работать каковы?»
Командир мигнул: «А ну,
Покажи себя, пехота!»
И взялся за работу,
Будто начали войну!
Молотилка — сразу в дрожь.
Видно, вспомнили солдаты,
Как в родных полях когда-то
Молотили дружно рожь.
Как по утренней росе
Выходили на покосы...
«Хватит? Есть ещё вопросы?»
Мы сказали: «Нет, все».
Парни были наподбор!
Встали в строй, расправив плечи,
И пошли... «До скорой встречи!
Не забудьте уговор!.. »

КЕМ ТЫ СТАНЕШЬ

(Письмо выпускнику)

Лишь вчера последняя отметка
Вписана в твой личный аттестат.
Вот и кончил ты десятилетку,
И неплохо кончил, говорят.
До чего же быстро время мчится!..
Ты шагаешь к дому налегке,
Вырезку «куда пойти учиться»,
Из газеты.

спрятав в пиджаке...
Кем ты станешь — я гадать не буду.
Сердцем твёрд,

душою чист и смел,
Ты уверен, —

ждёт тебя повсюду
Множество больших и малых дел.
И одно другого интересней!..

Уважаю я твои мечты:
Помню, сам романтикой профессий
Одержим был в юности, как ты.
О своём признании когда-то
Мы мечтали все...

Но взвыл металл, —
И любой из нас тогда солдатом
Стать

за счастье личное считал.
Родина!..

Дорогу выбирая,
Помни, друг, о долге перед ней!
Может статься так,
что в здешнем крае
Знания твои всего нужней.

Погляди,
в полях — не сказка это! —

Нынче не соха да борона, —
Грохотом моторов, ярким светом
Знаменита наша сторона.
Побывай в лугах, где косят травы,
Поучись труду у мастеров.
В лес пойди, где с шумною оравой
Собирал грибы и пас коров.

Сена потаскай в охапках к стогу,
Полевым простором подыши...
Чемодан укладывать в дорогу,
Чтобы дом покинуть, не спеши.
На току побудь, пахать попробуй...
Хлеб насущный — все его едят!
И поставишь должность хлебороба,
Ты с любой профессиею в ряд!

Н. ЗАДУМКИН

ВЕСНОЙ

(Рассказ).

1.

От нашего дома к кузнице пролегает глубокая придорожная канава. Один край её первым оголился от снега. Посмотрел я утром — вокруг бело, а бугор вытаял. Не знал я, отчего это произошло. Подумал было, не ветер ли сдул с него снег, но вспомнил, что за последние пять дней вовсе не было ветра, и пошёл в школу. Зато после уроков сразу прибежал на бугор. Приятно первый раз после зимы побегать. Земля так чудесно пахнет! Скорей бы дожить до того дня, когда мать не станет тебя ругать за то, что босиком ходишь.

Но пока кругом был снег. Приходилось довольствоваться бугром. Скоро прибежал мой дружок Мишка. Он был старше меня на год: я учился в третьем классе, а он — в четвёртом. Бегали, играли мы долго. Потом у нас покраснели ноги, и мы сели на прошлогоднюю траву. Обувались, слушая, как в кузнице били по железной наковальне два молота — большой и малый. Большой молот ухал и гулко возвещал: «Весна! Весна!», а второй, малый, радостно откликался: «Знаю сам! Знаю сам!».

Родовались и мы с Мишкой наступлению долгожданной весны.

— А не знаешь ли, Валька, дадут нашей бригаде новую автомашину? — вдруг спросил Мишка.

Знаю я Мишкину политику. Шофёр дядя Виктор давно обещал покатать его на новой машине. Я хоть и слышал от матери, что к посевной пригонят ещё один «Газик», но молчу. Скажу «дадут», и Мишка начнёт бахвалиться. Меня то дядя Виктор не обещал покатать: я с ним мало знаком.

— Не знаю, как насчёт машины, а вот трёпку сегодня нам дадут, — говорю я, так как на высоком крыльце соседнего дома вижу Зозулиху, высокую одноглазую старуху, тощую, как баба-яга.

— Ах, вы, стервецы, в могилу захотели? — раздался её пронзительный голос. — Вот я скажу матерям!.. Пошли домой!

Мы знали, что Зозулиха не любит слова на ветер бросать. Уж лучше бы она бросала свои слова куда угодно, только бы не ябедничала.

Вредная была Зозулиха. Один только дед Афоня знал, сколько ей лет: «Когда был ещё я такой, — показывал он ладошкой чуть повыше стола, — Анна Зозулична уже в девках гуляла». Больше дед ничего не добавлял. Вот и гадали, сколько лет Зозулихе, если Афоне шёл шестьдесят второй... Ну, да это неважно.

Зозулиха последние зимы не работала в колхозе. Её почти никто в это время не видел на улице; говорили, что плетёт она кружева. Зато, как наступит весна, первая просится на огород. Нам от неё частенько попадало. Залезешь на крышу — увидит, пойдёшь к лошадям — прогонит, начнёшь рано купаться — наябедничает матери. Однажды мы с Мишкой забрались в чужой огород поглядеть, как яблоки растут, а Зозулиха нас обвинила в краже. Какая же тут кража, ежели мы только посмотреть пришли. Но она и слушать ничего не хотела. Ох, и жгучая крапива росла в том огороде!.. Когда фельдшер Пров Иванович смазал нам кожу рыбьим жиром, то сказал: «Славно она вас выдубила». И такой вредной старухе доверяют выращивать овощи!

Доставалось от Зозулихи не только нам. Она никого не щадила. Вот и сейчас: едва мы успели юркнуть в калитку дома, как набросилась она на Тихона Петровича Патралова, председателя колхоза.

— А-а, пожаловал? — неласково встретила она Тихона Петровича. — Ну-ка, остановись...

— Здравствуй, Анна Зозулична, — сказал председатель. — В бригаду опять?

— Чего же в вашей бригаде-то делать? Перетягивать солнце с одного края неба на другой? Рамы у парников без стёкол, навозу подвезли мало... Эх, вы, совести у вас нет...

«Совесть» — любимое слово Зозулихи. Затем она кри-

чала о каких-то горшочках, о том, что с осени мост через Дунайку не исправили, и потому нельзя будет в разлив реки попасть на соседнее поле. «Вот вредная старушенция», — произнёс председатель. Это он сказал тихо, но мы слышали, хотя и знали, что подслушивать нехорошо.

2.

Второй день мы с Мишкой не отходим от кузницы. Много там бывает народу. Кузнец дядя Платон, не в пример другим взрослым, нас, маленьких, не прогоняет.

— А ну, цыплята, подбросьте-ка вон ту подковку, — иногда говорит он.

Мы охотно делаем всё. Выкует Платон какую-нибудь железку и швырнёт её в угол, — там целая куча железа накопилась.

Удивились мы, как это у него ничто не теряется. В прошлом году вот я закинул свои коньки на чердак, а потом искал их целых две недели.

Часто сюда заходит бригадир дядя Петя, или Пётр Васильевич, как его все называют. Дядя Петя такой великан, что, пролезая в кузницу, перегибается пополам.

— Как дела у тебя, Кузьмич? — гудит он, словно в трубу. — Трудишься?

— Плуги готовы, — отвечает дядя Платон, звякнув очередным зубом для бороны по железной куче в углу. — Бороны заканчиваю. Две осталось. С телегами похуже. Помощник нужен.

— Дадим, — говорит Пётр Васильевич, — Изосима Валуева подброшу на подмогу.

— Кого? — дядя Платон перестал бить по наковальне и подошёл к бригадиру. Бородатый, весь в саже, прокопчённый, он похож на столб дыма — Уволь, Пётр Васильевич, от такого помощника. Пусть лучше идёт он на свою горку.. благо, она уже вытаяла.

Изосим Валуев у нас известный человек. Его именем даже одно местечко назвали, то, что в поле за овинами. А удостоился этой чести Изосим за свою работу. Пахал он как-то, присел отдохнуть, да и уснул. Бригадир его разбудил. На другой день Изосим опять уснул, на третий пришёл Пётр Васильевич, а от него, сонного, дым валит. Вскочил Изосим и ну одежду тушить. «Увозился так, что только присел — и разморило, — оправдывался он после. —

Спал недолго, цыгарка не успела ещё потухнуть». Какая там цыгарка, если обе полы телогрейки сгорели и валенок занялся. С тех пор и называли место, где он спал, «Валуевой горкой», хотя эта горка чуть побольше кочки.

Во время этого разговора кто-то крикнул у входа:

— Бригадир здесь?

И в кузницу ввалился Изосим Валуев, с заячьей шапкой в руках.

— Лёгко на помине, — откликнулся дядя Платон и сплюнул в кучу углей.

— Ну? — встретил Пётр Васильевич Изосима. Он это спросил так, будто знал, что Изосим никогда не принесёт ему счастья.

— Ну? — повторил бригадир.

Изосим Валуев два раза хлопнул шапкой по косяку и показал на свои новые валенки с галошами:

— Не пробрались... Воды — жуть!... Наледь выступила. Лошадь упирается, не идёт в воду... Бойтся, значит... И вот, приехал без сена...

— Как это «без сена»? — спросил бригадир.

— Эх, Пётр Васильич, не надо было на болоте стога метать, — сказал дядя Платон.

— А, может, хватит того, что в сараях, — сказал Изосим. — Смотрите, какая дружная весна... Дед Афоня бает: «Если в Евдокию курица напьётся, то в Егория баран наестся...». Дотянем до Егория, а?..

— Хватит, — хлопнул Пётр Васильевич рукавицей по колену. — Пора бы забыть Егориев да Евдокий. На руках сено вынесем!

— Пусть другие идут, а я...

— Пойдёшь! — закричал бригадир на Изосима, — Первый пойдёшь! Это ты в прошлом году на сенокосе метал стога где попало.

Изосим что-то напоминал о своих новых валенках с галошами об ордене, полученном на фронте, говорил о несправедливости... Пётр Васильевич долго сердился, потом упрекнул Изосима за то, что у него не душа, а обвалившаяся шахта, и долго ещё надо её разрабатывать.

Скучно нам стало слушать ругань. На улице было так хорошо, так пригревало солнце, что хотелось идти далеко-далеко, за Валуеву горку, туда, где вспухает вода голубой Дунайки.

Председателя нашего колхоза пропечатали в областной газете. Об этом узнал я от мамы, когда она с работы пришла. И знаете, кто пробрал Тихона Петровича? Зозулиха! Все удивились: многие думали, что она не умеет писать.

— Зозулиха везде успеет. И правильно, — сказала мама. — Вот я тоже поставлю вопрос об удобрениях под кукурузу. Скоро сеять надо, а их у звена нет.

Но мама собирается ставить вопрос не в газете, а на колхозном собрании. И, я знаю, поставит. Ведь она у меня язвистая, — каждый это знает.

Я сказал о газете Мишке.

— Подумаешь, — ответил Мишка. — Давно сам знаю.

— Откуда? — удивился я.

— А Тихона Петровича сегодня видел. После критики он завсегда к нам в Дорожайку приезжает. Ух, и кричал же он на Петра Васильича, — рассказывал Мишка. — А бригадир совсем и не виноват. Пётр Васильич два раза ездил в город за рамами для парников, да только их там не дали, сказали, что денег председатель не заплатил. Теперь-то он заплатит, будь спокоен.

В этот вечер я пришёл домой позднее, чем приехали с вывозки навоза комсомольцы. Мама опять было на меня замахнулась. Но это ничего: она ещё за всю жизнь меня ни разу не ударила. Говорит, некогда, а вот отец давно бы отстегал. Это она тоже напрасно. Я знаю: отец у меня был добрый. Я часто смотрю на его фотокарточку. Он в погонах, с орденами. Такие не дерутся.

Ночью я видел сон: будто кругом растаяло, солнце светит. Тихон Петрович сидит у пустого парника, а рядом с ним Зозулиха пишет статью в газету. Он спрашивает её не писать, подождать до Егория, грозит, что утопится в Дунайке. Но всё обошлось: не утопился, так как настало утро, и меня разбудили.

Мы с Мишкой с вечера решили идти после уроков к бригадиру просить работы.

— Не даст, — убеждённо сказал Мишка. — Скажет, маленькие,

— Какие же мы маленькие? — возразил я. — Посмотрел бы ты, как я из печки ведёрный чугунок достаю, когда мамы дома нет. Я — сильный.

— А он видел? — спросил Мишка.

— Что видел?

— А как ты чугуны доставал.

Я пожалел, что бригадир этого не видел.

— Ну, так нечего и соваться, — сказал Мишка, но потом передумал: — А всё же попробуем.

Петра Васильича мы нашли на конюшне, но спросить постеснялись, так как он разговаривал с дядей Колей, Мишкиным отцом.

— Кавалерия, значит, в плуг готова? — спрашивал бригадир.

— Наголо, — ответил дядя Коля. — Только вот овсеца подбросьте, Пётр Васильич. Потому — перед атакой положено.

Дядя Коля всегда непонятно говорит. Это у него с войны. В деревне рассказывают, что дядя Коля служил в кавалерии и просто помешался на лошадях.

Бригадира мы всё же подкараулили. Петр Васильевич долго смотрел на нас, а потом рассмеялся:

— Куда я вас пошлю? — говорил он. — Навоз вывезен, семена дочищаем, золу комсомольцы выскребли из всех печей. Разве вот к дяде Платону вместо Изосима Валуева? Хотя — нет: он, говорят, неплохо помогает... Хорошо, даю наряд — идите учить уроки. Живо!

Хотя Пётр Васильич и хороший человек, но мы на него обиделись. Когда летом идём из лесу с ягодами, всегда угощается. Вот теперь пусть-ка попросит...

В овощехранилище мы пришли к вечеру. Там работала Мишкина мать, и он хотел сообщить, что Хохлатка снесла двухжелточное яйцо, большое, как гусиное. Тут были Зозулиха, Оноприха и ещё несколько старух. Они разбирали картошку, крупную клали в одну сторону, мелкую — в другую, среднюю — в третью.

— Мама, зачем так? — спросил Мишка.

— Это для машины, Миша, — ответила она. — Картофельсажалкой называется. Впервые у нас нынче такая будет.

Потом Мишкина мать попросила помочь, и мы остались. Я быстро научился сортировать, а вот Мишка, прежде чем положить картофелину в нужную кучу, долго взвешивал её на ладони, будет ли в ней восемьдесят граммов.

Работали долго. Целый час. Потом услышали шум трак-

торов. Нам очень хотелось их встретить, но мы постеснялись уйти: неудобно будет, если назовут дезорганизаторами, как Изосима, или пропечатают в газете, как Тихона Петровича.

4.

Сегодня ночью прилетели грачи. Они чинно расхаживают по проталинам, ковыряют оттаявшую землю белыми клювами. Дунайка разлилась вовсю, но лёд ещё не взломало. Да и снегу хватает: у сараев, в кустах, на поле, где осенью не был скошен подсолнечник.

Утром я зашёл за Мишкой, и мы пошли в школу. На улице было шумно. Зозулиха пробиравала шофёра дядю Виктора за то, что не почистил кузов машины.

— У носа своего можешь не убирать, а я в такую машину не сяду, — кричала она. — Пусть другие едут и проверяют. Стыда не оберёшься от дорофеевских.

Зозулиху накануне выбрали в делегацию по проверке соседней бригады. Наши должны дорофеевских обследовать, а дорофеевские — нас. Не беспокойтесь, у нас-то всё готово к севу. Пусть приезжают. Если и не готовы две телеги, то их дорофеевские ни в жизнь не увидят. Изосим их спрятал так, что комар носа не подточит. Только вы не говорите Петру Васильичу: Изосим это сделал тайно, когда бригадир уехал в правление.

Дядя Виктор ворчал и ругался, пока чистил машину. Наконец все уселись. Мы тоже влезли в кузов, но нас хотели согнать.

— Пусть подъедут, — сказала Зозулиха. — До ручья им попути.

Нам первый раз в жизни понравилась тогда Зозулиха, и я вечером сказал об этом маме. Она ничего не ответила, но посмотрела на меня так, как смотрит Павел Петрович, когда отлично выполнишь домашнее задание по арифметике.

Николай ЛОГИНОВ

ПОДРОСТОК

(Рассказ)

1.

Не раз удивлялся я до странности неожиданным встречам. Бывало, распрощаешься с человеком, думаешь — никогда не увидишься больше, а глядь — потом, через годы, судьба сведёт-таки на жизненном пути.

С Алексеем Дробининым я познакомился в Евпатории за год до Отечественной войны. Мы приехали в один санаторий: я — с Севера, он — с Урала. У обоих были курсовки и нам на двоих предложили частную комнату.

Целый месяц мы не расставались, кажется, ни на час: в столовой сидели за одним столом, после обеда оба становились в очередь к киоску за газетами, вместе ездили на грязи, хотя я этих ванн и не принимал, неразлучны были на эстрадных концертах, в кино, вдвоем заходили за книгами в библиотеку.

Да, библиотека... Если бы не она, вот надоел бы нам этот месяц! В санатории были мы в мае, и, надо сказать, слишком неподходящим оказался он для тех, кто мечтал вернуться с курорта загорелым от южного солнца. Всего с неделю удалось нам поваляться, почти не раздеваясь, на чудесном евпаторском песке и раза три окунуться в море. Пляж пустовал. Студёные ветры часто гнали нас даже с прогулок по приморским улицам. Зато в библиотеке бывали мы часто и вскоре заслужили похвалу её работников.

Книги нам обычно выдавала Надя. Она была невеличка, но красой не обиженная: светлорусые косы, открытое милое лицо, глаза с озорной хитроватой искоркой и такая живая, весёлая, юная. Поэтому я не удивился, когда заметил, что друг мой начал терять власть над своим сердцем. А

заметить это было не трудно. Алексей приналёг на чтение так, что я, приходя с ним в библиотеку, один раз менял свои книги, а второй — лишь сопровождал его. В библиотеке он всегда был оживлён и остроумен. Возвратившись в нашу комнату, Алексей за вечер не раз откладывал в сторону книгу, задумывался и так вздыхал, что мне без слов было ясно: не книга была причиной его немых переживаний. Мои догадки тотчас подтверждались: не умея и не желая скрывать своих чувств, Алексей старался завязать разговор о Наде.

— А ведь вчера на концерте она опять была одна, — говорил он, словно продолжая ранее начатую беседу.

В другой раз спрашивал меня:

— Сколько, думаешь, ей лет? — И сам опережал меня ответом: — Наверное, не больше двадцати.

Однажды, прогуливаясь по дорожкам парка, мы увлеклись беседой об одном известном поэте и чуть не опоздали в библиотеку. Надя встретила нас улыбкой:

— Ещё минута — и вместо меня вы увидели бы большую-ущий замок.

После разговора о поэзии у Дробинина было приподнятое настроение, и он неумолчно болтал с Надей. Она доверчиво смотрела ему в глаза.

Когда мы, выбрав книги, вместе с Надей вышли в сад, она просто, как давнишних знакомых спросила нас:

— Чем же вы будете заняты сегодня?

Вопрос застал нас врасплох. Оба, должно быть, подумали: «Чем же, в самом деле, мы займёмся в этот вечер?».

А вечер был необычайный — на редкость тёплый.

— Мы будем мечтать под рокот моря, — словно строчкой из лирического стихотворения ответил после короткой заминки мой друг.

— И хорошо бы втроём! — добавил я от имени влюблённого сердца его. — Надо ведь и библиотекаря отдыхать...

Надя усмехнулась:

— О-о, какие же заботливые читатели у меня! Спрости ли?..

Я ответил шутливо:

— Да разве можно хитрить с вами? Вы же — ещё подросток... И это «Подросток» — так пристало к Наде, что мы весь вечер почти не называли её по имени.

Втроём дошли мы до берега. Чёрное море в этот час

вполне оправдывало свое название. Облака застилали небо от края до края, и море от этого было почти невидимым.

— Там, у самой воды, есть валуны, — указала наша спутница-Подросток. — На них так приятно сидеть и мечтать, по-вашему, под рокот моря!

Мы последовали совету Нади — уселись на валуны. Лёгкие всплески то и дело крались к нашим ногам и, не коснувшись их, сбегали обратно. Где-то совсем рядом они неумолчно шелестели по прибрежному песку в непрерывной игре прибоя.

Очень скоро мы увлеклись беседой. Мы с Алёшей узнали тогда, что Надя родилась и безвыездно живёт в Евпатории, что самой ей, как она сказала, уж не так-то мало лет — скоро исполнится девятнадцать, что есть у неё и муж.

— И давно? — упавшим голосом спросил Дробинин.

Хотя и не видел я Алёшиного лица, но представлял себе, как оно вспыхнуло: ведь в этот миг рушились его мечты...

Надя ответила с расстановкой:

— Уже... четыре... месяца...

— И красивый? — едва нашёл в себе силу спросить Алёша.

— Для меня — самолучший! И, к тому же, моряк! — с вызовом кинула в ответ ему Надя. — А живёт мой Саша в Севастополе.

Невольнo вырвалось у меня:

— Так что ж вы к нему не переселитесь?

— Не зовёт, — усмехнулась она.

— Ах, не зовёт! — усмехнулся было Алёша, мстя за нанесённую ему в сердце рану.

Надя тотчас серьёзно оборвала его:

— Это я шутя. Есть другие причины. Видите ли, нельзя оставить здесь маму одну — стара, а куда-нибудь из Евпатории она ни за что не поедет. Потом, Сашка мой — рядовой краснофлотец. Буду близко — начнёт правдами и неправдами рваться домой, служба на ум не пойдёт, ещё, пожалуй, без самоволия не обойдётся. Лучше уж пока так, вдалеке друг от друга — романтичней. — И она пропела: — «Без расставанья ведь не было б встреч, ах, не было б встреч ни-ко-гда».

Дробинина будто не стало с нами — он ушёл в свои, видеть, невесёлые думы. И лишь когда Надя загадочно ска-

зала, что у её черноморца скоро будет ещё одна подружка, он резковато кинул:

— И так беззаботно об этом болтаете!

Надя спокойно пояснила:

— А какая подружка — знаете? Коплю деньги, чтобы подарить Сашке баян. Приезжайте-ка через годик. Саша демобилизуется, и я спою вам под хорошую музыку...

Дробинин не смягчался:

Уж если петь — так теперь, чтобы знать, стоит ли ещё раз побывать нам в Евпатории.

— Я спою, но только не сейчас, — потом, погода, — не обратив внимание на колкости друга моего, сказала Надя.

За разговором я не заметил, как небо чуть просветлело и в разрывах меж облаков вдруг показалась луна. Я не берусь описывать чудесную картину — луна над Чёрным морем: много надо для этого уменя. Луна была чуть на ущербе, но это не помешало ей в миг разостлать по морю бесконечно длинную чешуйчато-серебристую дорожку.

— Хорошо-то как! — восхитилась Надя. — Шагнуть бы и пойти по ней далеко-далеко...

— И что хорошего в луне? — Полное безразличие к поэтическому настроению Нади прозвучало в голосе Алёши: — Холодная, непонятная...

Мне хотелось заступиться за ясный месяц, но я промолчал. И хорошо сделал. Я словно предчувствовал, что в жизни Подростка с луной будет связана немалая неприятность.

Надя сидела слева от меня. Её голова была на фоне серебристых бликов и профиль лица обведён лучистой каймой.

«Как бы шла к этой картинности тихая задушевная песня», — подумал я и думу эту высказал вслух.

Надя спросила, когда мы уезжаем. Я ответил:

— Через пять дней.

— Вот тогда я вам и спою — в канун расставанья, — сказала она. — Ладно?

— Что ж с вами делать, — примирительно ответил я за себя и за друга. — Потерпим...

Морской берег мы покинули поздно ночью. Прощались на хорошо освещённой улице. Алёша чуть задержал Надину руку. Весёлые искорки заиграли в глазах нашей спутницы.

— Может, не увидимся больше, — нежней обычного сказал Алёша, — так разрешите пожелать на прощанье вам, дорогой Подросток: берегите песни и сердце для своего моряка.

Искорки в глазах Подростка тотчас померкли.

— Спасибо за разумный совет, — тихо произнесла Надежда, высвобождая руку из руки Алёши, и я заметил, что губы её чуть дрогнули.

На другой день Алёша ворчливо твердил:

— Бывают же такие ветреницы! Обзавелась законным мужем, а с молодыми людьми по парку разгуливает, ночью к морю идёт, любезничает не один час. И хоть бы что!..

Воркотней этой он хотел, должно быть, вытравить Подростка из своего сердца, не зная, что и сам по душе пришёлся Надежде, свободной для этой, может быть, первой в её жизни любви.

Так и не повидав больше Подростка, Дробинин уехал раньше срока.

Книги его я сдал в библиотеку.

2.

Шёл боевой сорок четвёртый год. Наша армия стояла по эту сторону Немана. Осень тщательно, несмотря на неутихшую войну, окрашивала природу в заманчиво яркие цвета. Солнце хотя и становилось менее ласковым, но ещё частенько появлялось в небе, тревожа солдатскую душу.

Я возвращался из стрелковой роты. По пути решил зайти в штаб полка. Подле штабного блиндажа на сосновом крыже сидели, тихо беседуя, старший лейтенант с блокнотом в руках и сержант.

Что-то очень знакомое кинулось мне в глаза в облике офицера. Вгляделся попристальней. Да это же Алёша Дробинин! Ни военная форма, ни пять прошедших лет, казалось, не изменили его. Узнал и он меня. Неописуемо обрадовались оба.

— Знаешь, кого я встретил недавно? — не успев ни о чём спросить меня, воскликнул Алёша, и столько радости вдруг засветилось в его глазах: — Подростка!

— Да что ты?!

— Ехал я в попутной трёхтонке, — продолжал Алёша, пропустив мимо ушей моё восклицание, — не успел ни остановиться, ни окликнуть.

— Она ли? — переспросил я.

— Фома ты неверующий! — и улыбался, и сердился Алёша. — Сидела с бойцами у костра. Лицо, косы, все приметы её. Уж я не ошибусь.

— Тогда надо её разыскать, — начал сдаваться я. — Но как?

— Это недалеко, в вашей армии. Сейчас я уточню все координаты. — Дробинин вытащил из полевой сумки потрепанную карту. — Пожалуй, вот здесь. — Он обвёл синим кружком малоприметный населённый пункт. — Правильно, здесь, — задумчиво подтвердил он. — Как жаль, что нет времени, — срочное задание редакции! Может, ты наведаешься в тот край, а? И меня проинформируешь. Интересно всё-таки знать, как воюет наш Подросток...

Вспомнили мы жизнь в Евпатории, рассказали друг другу про службу свою и — распрощались.

Розыск Неди я не предпринимал, а повстречал её так же случайно, как и Алёшу. Произошло это недели две спустя. Я заезжал в один из полков — повидаться с известным по фронту снайпером Семёном Сорокиным. Заместитель командира полка по политической части посоветовал мне побывать ещё у разведчиков.

— У них сегодня ночной поиск, — сообщил он по секрету.

Жильём разведчиков оказался просторный сарай. Войдя туда, увидел я такую картину. На нарах, на скамьях, на полу в разнообразных позах сидели и лежали бойцы. У одного забинтована голова, у другого — рука подвязана, на том — ватник внакидку, на этом — шинель. Но лица у всех сосредоточены, задумчивы.

— Спою вам ещё одну песню. Морскую...

Не могло быть никакого сомнения — это был голос Неди-Подростка. Да я и не сомневался, хотя лица её не видел из-за бойцов.

— Нашу любимую!.. Просим!.. Спойте, Надюша!.. — враз раздалось несколько голосов.

Она запела, да как! Не зря сказано, что чудеса может песня творить с сердцем человека.

О чём ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет,
И ленты повисли, как траурный флаг...
Скажи нам, что всё это значит? —

словно сочувствуя неясному горю, нежно спрашивала певица каждого из слушавших её бойцов. И продолжала выпытывать ещё настойчивей:

Не ты ли, моряк, в рукопашном бою
С врагами сражался геройски?
Так что же встевожило душу твою?
Скажи нам, товарищ по-свойски, —

за всех повела она печальный ответ безвестного моряка про жгучую рану в его сердце.

Я сидел поодаль, но хорошо видел многих разведчиков. Они застыли, как изваяния. Слушая слова песни о муках, доставшихся на долю моряка, над чьей гордой и светлой любовью надругались фашистские псы, чей отец был ранен и братишка убит, каждый проникался его горем. Песня глубоко взволновала их.

Заключительный куплет Надя пела вполголоса, но с особенной силой:

С хозяином вместе тоскует гармонь,
Рыдает и стонет трёхрядка.
Скорей бы услышать команду: «Огонь!»
И броситься в смертную схватку.

Умолкла песня, но никто не шелохнулся. О чём думали боевые друзья певицы? О родной ли земле-страдалице, по которой многие из них шли к Неману от самой Москвы? О своих ли подругах, оставленных в далёком тылу?..

Первым поднялся усач-старшина.

— Пребольшое спасибо тебе, Наденька, — сказал он глуховатым баском и вздохнул: — Мне бы дочурку такую голосистую...

Этих слов было достаточно, чтобы вывести бойцов из раздумья. Посыпались похвалы Наде. Кто-то просил её спеть ещё «Заветный камень», кто-то предлагал «Вьётся в тесной печурке огонь». Она отвечала на похвалы и просьбы, но голос её тонул в общем гомоне.

Надя встала и, глянув в мою сторону, сдвинула брови, должно быть, напрягая память.

— Простите, товарищ капитан, — сказала она, подойдя ко мне. — Мы, кажется, знакомы? — А выслушав мой ответ, воскликнула: — Какие встречи в жизни бывают! Евпатория — Неман... Странно. Не верится даже...

К Наде очень шла военная форма. В гимнастёрке с по-

левыми погонами старшего сержанта, туго перетянутой в талии широким ремнём, она казалась стройней той, которую я знал когда-то, и не совсем на ту похожей. Только две светлорусые косы её, видневшиеся из-по пилотки, были прежние, евпаторские, да искорки в глазах светились всё так же. «Не видит Алёша свою любовь, — думал я, — а она вон как похорошела!».

Надя спросила, знал ли я, что она тут, в разведке, или случайно зашёл. Я признался, что случайно, но что слышал о ней от Алексея Дробинина, того самого, который был вместе со мной в Евпатории.

— Он-то откуда знает?! Где же он?! — засыпала она меня вопросами и даже в лице изменилась: раздумянилась, взволновалась.

Я рассказал.

— И не окликнул... — повторила она мои слова об Алёше и грустно улыбнулась: — Наверно, всё сердится, что я не спела тогда... Если снова увидите — передайте ему большой-большой привет.

После ужина мы с Надей вышли на улицу и присели на берёзовую скамью подле сарая разведчиков.

— Вы, конечно, удивлены, — начала она первой беседу, — как это я вдруг из библиотеки да — в разведку. Хотя какое там вдруг! В начале войны после курсов медсестёр работала я в госпитале. В тылу глубококом. И всё думалось — не тут моё место. Одним словом, потянуло на дела пожарче. Попросилась в боевую часть. Перевели. И вот уже с весны здесь.

Я заикнулся о трудностях её службы: одна во взводе.

— Верно, — согласилась Надя. — Но это — только тогда, вначале. Тогда я чуть не сбежала обратно в госпиталь. Смотрели на меня, как на барышню-неженку, колко шутили. Особенно один не стеснялся... Может, заметили: на ящике сидел, рябоватый такой детинушка? Зайцев, вологодский. Теперь-то самый надёжный хранитель мой. Ползём, бывает, к немецкому переднему краю. Он тут как тут — всегда рядом. «Нам, — говорит, — твоя жизнь дороже всех своих». Слова дурного не даст никому при мне сказать. А перемена такая произошла после одного случая. Кажется, второй раз я шла с ними в поиск. При отходе попали мы под миномётный огонь. Зайцева ранило. Отстал. Я первая заметила, вернулась. Изо всех-то силёнок старалась — тащила его. Потом подоспели наши...

Невдалеке послышались шаги. Кто-то шёл со стороны штаба полка прямо к нам.

— Надя, это вы? — раздался негромкий тенор шагах в пяти.

— Я, товарищ старший лейтенант! — звонко ответила она.

— Пора отдыхать, — нотка приказа прозвучала в голосе офицера.

— Сейчас иду, — покорно сказала Надя, но продолжала сидеть.

Когда невидимый в темноте старший лейтенант ушёл, Надя пояснила:

— Это командир нашего взвода... Боевой, — добавила она. — Раньше в полку, рассказывают, не клеилось с разведкой. А теперь — что ни поиск, то «язык». Объясняют всерьёз и в шутку, — она усмехнулась, — моим благотворным влиянием. Уж так ли это — сомневаюсь, но, поглядели бы вы, как стараются не ударить в грязь лицом: рядом-то девушка!.. Они, ведь, смешные, все, кажется, в меня влюблены...

Я — скорей не от себя, а от имени незримого Алёши — неожиданно выпалил:

— А ваш муж-севастополец жив-здоров?

Надя замаялась:

— Муж?.. А ведь я... Да, он жив... На Первом Украинском... Ранен был, а теперь.. здоров...

— Пишет? — снова спросил я.

— Как же, — бойко ответила Надя, стараясь загладить своё первоначальное смущение. — За братишку пришлось выдать моим разведчикам. Раз фотографию прислал. «Очень похож», — сказали. — В её словах послышалась игривая лукавинка.

Надю снова окликнули. Она встала, и мы направились к разведчикам.

За «языком» взвод ушёл глухой ночью. Со мной в сарае остался лишь один раненый. От него я узнал, что Надя принята в партию, дважды награждена — уже у них, в разведке. Он так сказал о ней под конец:

— Девушка самостоятельная. Весь взвод украшает. Не смотрите, что очень весёлая, — она строгая, простой кажется, а недоступная. Она у нас — такая... — Запнулся и не сказал — какая.

Вернулись разведчики на рассвете. Они возбуждённо об-

суждали свои ночные действия. Разгорячённые лица их красноречивей слов говорили о том, что поиску сопутствовали и опасность, и удача.

Нади среди них я не видел. И успел только подумать — где же она? — как в нестройном хоре голосов услышал её имя. Его произнёс тот самый «рябоватый детинушка», про которого Надя мне говорила. Одежда на нём была мокрая. Переодеваясь, он азартно рассказывал что-то раненому бойцу, оставшемуся со мной.

Скоро разноголосица стихла. Я стал вслушиваться в рассказ Зайцева.

Вот что узнал я тогда.

Разведчикам в руки попал немецкий штабной офицер. Обе их лодки уже достигли середины Немана, как из-за облаков показалась непрошенная луна. Её мертвенно-синий свет лёг серебристой дорожкой через всю реку. Одна из лодок, в которой находился гитлеровец, оказалась в этой ярко освещённой полосе. Враг, беспорядочно кидавший мины куда-то вправо, тотчас перенёс огонь к лодке. Одновременно ударили пулеметы.

Воспользовавшись замешательством разведчиков, пленный офицер нырнул в реку. Лодку сильно качнуло. Кто-то вскинул автомат, но раздался властный голос Нади: «Не стрелять!» — и выстрела не последовало. Надя, сбросив с ног сапоги, прыгнула в воду, а следом за ней — и Зайцев.

Луна скрылась в облаках так же неожиданно, как и появилась. Лодки круто развернулись и направились в сторону всплесков разведчиков, устремившихся за гитлеровцем.

— Сюда!.. Сюда!.. — раздался над тёмной рекой усталый голос Нади.

Товарищи тотчас ответили с лодок:

— Идём!.. Держитесь!..

У пленного были связаны руки, и он после прыжка поплыл на спине. Надя быстро нашла его и, с помощью Зайцева, не дала скрыться.

— Где ему, вражине, против нашей Нади: она ж на Чёрном море выросла! — по-северному тягуче пробасил рассказчик, в беде доказавший готовность не поберечь жизни своей ради товарища. — Жалко — царапнуло.

— Ранило Надю?! — испугался я.

— Чуточку, товарищ капитан, — ответил Зайцев. — До свадьбы заживёт.

Надя находилась в санчасти. В то же утро я навес-тил её.

— Нескладно вышло, — виновато улыбнулась она, когда я присел на табурет подле её койки. — Чуть «языка» не упустили, и вот... ранило. А виновницей всему — луна.

Я заметил.

— Не зря тогда, в Евпатории, Дробинин возражал против вашей похвалы луне.

— Он же просто был сердит на всё на свете, — сказала Надя, помрачнев, и я уж не рад был, что затеял разговор об Алёше. Она словно поняла моё смущение и заговорила о своей ране: — Мякоть около плеча задело. Доктор обещал скоро вылечить... Не люблю я вот так — без всяких дел, без жизни...

Это была за годы войны моя первая и последняя встреча с Подростком. Правда, месяца через два я снова был в том полку, уже по ту сторону Немана: наши войска тогда наступали в Восточной Пруссии. Собрался было заглянуть к разведчикам, чтобы повидать Надю, но повстречался с Зайцевым, с «детинушкой». От него узнал, что Надя ранена снова, на этот раз тяжело, и отправлена куда-то в тыл.

3.

Сколько уж лет и зим минуло после боевой страды, и делами страна занята была мирными, а всё ещё нет-нет да и вспыхнет в памяти фронтовая походная жизнь. Разные причины бывают тому: то письмо друга придёт со строками о той горячей поре, то бывший фронтовик в пути-дороге разоткровенничается, то песня тех дней тронет сердце...

А тут — встреча. И с кем? С Подростком! Как же не всплыть воспоминаниям!

... Я с неделю жил в Севастополе. Есть чем полюбоваться в этом городе русской славы: знаменитые бульвары, живописные набережные, нарядные улицы и проспекты, застроенные новыми многоэтажными домами, военные корабли на рейде, затаянном сизой дымкой... Город-герой, восстав из руин и пепла, выглядел красавцем.

Больше всего меня интересовало восстановление Севастополя — за этим я и был послан редакцией.

Когда из рассказов работников горсовета мне стала ясна общая картина восстановления, я попросил познакомиться меня со знатными строителями города. Сотрудник,

которому было поручено это сделать, целый день водил меня по городским стройкам. Я увидел весь Севастополь — оживлённый, шумный, трудовой, беседовал с каменщиками, экскаваторщиками, плотниками, облицовщиками, малярами — строителями жилых зданий, школ, клубов, магазинов, больниц, детских садов.

— А здесь вы увидите ещё одного хорошего товарища, — сказал он на подходе к строительству нового кинотеатра. — Знатный бригадир штукатуров, депутат городского Совета, известная всему городу активистка. По её почину началось замечательное движение среди наших строителей — не уезжать из Севастополя до полного его восстановления. Да вон, глядите, — легка на помине...

Навстречу шла она, Надя-Подросток. Я только подумал: «Поди-ка, не узнает», — и сразу же понял — узнала: ускоренный шаг, еле сдерживаемая улыбка, взгляд в упор — как было не понять?

— Здравствуйте, здравствуйте!..

Вот опять слышу я, казалось бы, ничем особенным не приметный, но — и сам не заметил когда — ставший дорогим голос милого Подростка.

— Вы будто гонитесь за мной с самого сорокового года, — улыбнулась Надя так ясно, что серый осенний день вдруг показался мне залитым вешним солнцем.

«Не мне бы, — с тоской подумал я, — не мне встречать тебя, не мне любоваться тобой, а Алёше».

О Дробинине я ничего не знал почти с той фронтовой встречи. Пробовал завязать переписку, но она оборвалась на первых же письмах. Где ж он? Спросит сейчас Надя, и я, друг его, не смогу, даже сказать — жив ли он.

Я смотрел на Подростка и невольно сравнивал её с девушкой-библиотекарем из Евпатории, с храброй медсестрой из взвода полковой разведки. И что-то новое виделось мне в Надином лице: глубокая складка меж бровей придавала ему необычный для неё серьёзный вид. Но это длилось лишь секунду: стоило Наде заговорить, как прежние бойкие искорки заиграли в её глазах — и куда только делась серьёзность!

Своего провожатого я, поблагодарив, отпустил, и мы с Надей прогулочным шагом направились вдоль улицы. Попадались встречные, обгоняли торопливые пешеходы, но до всего этого нам не было дела: мы увлеклись воспоминаниями о фронтовых суровых днях.

— Возвратиться к разведчикам после второго ранения так мне и не удалось, — рассказала Надя. — Долго переписывалась с ребятами, вроде бы со взводом была до конца войны. Ведь они такие славные, смелые!.. А уж попела я им, бывало! Песнями учила врага ненавидеть, Родину любить, отважными быть.

«Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?» — нараспев продекламировала она.

Потом Надя заставила меня рассказать о моей послевоенной жизни, выслушать о её увлечении новой профессией. Мне чуточку обидно было за Алёшу, за его светлые чувства к Подростку: как же так — увидеть Алёшиного друга, разговаривать добрые полчаса — и ничего о нём не спросить! Уж он-то вряд ли бы утерпел.

— А у меня как вышло в Севастополе? — вернулась Надя к объяснению перемены в своей жизни. — Приехала сюда к брату в гости — он моряк, лейтенантом тогда был, — и сразу же пришлось взяться за дело: горком партии направил на строительство...

— А почему к брату, а не к мужу? — перебил я Надю, желая узнать судьбу её красивого черноморца.

— К мужу?! — она неожиданно и звонко расхохоталась. — К какому мужу? Я же не была тогда замужем, — проговорила она, вытирая слёзы платком.

— А ваш черноморец? Тот, с баяном? — спросил я, ничего не поняв из её ответа.

— Сашка? — напомнила она имя, сказанное ею на черноморских валунах. — Так это ж мой брат! Родной братишка.

Она видела мою растерянность и продолжала:

— Тогда я назвала его мужем как бы... для самозащиты, что ли. Одним словом, пошутила, немножко соврала.

«Подросток, ты, Подросток! — мысленно укорил я. — И зачем сбила с толку бедняжку Алёшу?».

— Но сейчас-то вы замужем? — не извиняясь за нескромный вопрос, допытывался я.

Она, не ответив, спросила:

— А вы с Алёшей Дробининым давно не переписываетесь?

— С сорок четвёртого, пожалуй, — сказал я, а про себя подумал: «Вспомнила, наконец-то, и про Алёшу».

Она загадочно улыбнулась и упрекнула:

— То-то вы не поздравили меня с законным браком...

Только тут, глядя на улыбку её, на лукавые искорки в глазах, я понял всё.

— Алёша — муж?! Ах, он чорт этакий! — крикнул я, будто Алёша был сколько-нибудь виноват в том, что я ничего не знал про их женитьбу. — И давно? — спросил я, поотстав.

— Уже... семь... лет, — игриво, как когда-то в Евпатории, ответила она.

Я высказал нетерпение поскорей увидеться с её Алёшей.

— К сожалению, он в плавании, — разочаровала меня Надя и удивила: — Он ведь у меня моряк, работает во флотской газете. И дважды папа — сын и дочь уже растут. Ха-арошие ребята! Вот увидите...

Надин муж... Моряк... Папа... Надо бы радоваться за Алёшу, за Подростка, а мне почему-то вдруг стало не по себе.

— Как же он вас нашёл? — задал я Наде последний вопрос.

Она ответила не прямо:

— А я только что хотела сказать вам большое спасибо: ведь виновник-то его встречи со мною — вы! Забыли? А кто Алёше мой адрес дал?.. Короткая у вас память!

Действительно, я запомнил, что после того, как побывал у разведчиков, в первом же письме сообщил Алёше адрес отважного Подростка.

Надя глянула на часы и заспешила:

— Кончилось моё досужее время. Вы уж простите — сейчас надо в горсовет на небольшое заседание. Надеюсь, заглянете к нам? Через три дня Алёша вернётся.

Она назвала адрес. Я обещал навеститься.

Мы простились на улице Ленина. Надя пошла обратно, а я зашагал вниз к набережной и скоро очутился на площади Парадов. Был предвечерний час, и гавань таяла в сумерках. Только неумолчный говор лёгкой волны напоминал о лежащей впереди морской шире.

Из Севастополя я уехал на следующий день — немного до срока, по вызову редакции. И вот сейчас спрашиваю себя: приеду ли когда-нибудь снова в этот город? Должно быть, приеду. Конечно, приеду! Надо ж поздравить счастливого друга...

Александр РОМАНОВ

ТРОЕ

На стене с твоим портретом рядом
Фотоснимки двух мужчин висят.
На один ты смотришь грустным взглядом:
Снят на нём молоденький солдат.

В гимнастёрке, без погон, в пилотке,
На груди широкой нет наград:
Путь солдата был совсем коротким —
В самых первых схватках пал солдат.

... Пусть уже давно случилось это,
Годы пусть проходят чередой —
Как живой глядит с того портрета
Он, твой первый муж, любимый твой...

Ты теперь живёшь согласно с новым.
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам контужен был в сорок втором.

Он хороший муж, но ты невольно
Сравниваешь с первым, с тем, порой,
И тебе всегда бывает больно,
Если в чём-то не похож второй.

Но об этом не промолвишь даже.
Лишь ему потом, наедине,
Просто, прямо, как товарищ, скажешь,
Промолчав о павшем на войне.

Он поймёт, конечно. Он заметит;
Промолчала ты, ведь, неспроста...
Так живёт незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.

О РОДИНЕ

Отец мой был порою молчалив.
С холма любясь на родные дали,
Где луг лежал в тумане, как залив,
А вдалеке березняки сверкали,
Он выдыхал, волнуясь, только: «Эх!..»
И это слово у него звучало
Красноречивей и нежнее всех,
Хотя их в нашем языке немало.
Быть может, гордость в слове том была
За то, что этих чащ и просек этих,
И этих песен около села —
Уж он-то знал — прекрасней нет на свете.
И было ясным в слове лишь одно:
В нём неизменно всякий раз звучала
Любовь такая к стороне родной,
Что слов для выраженья не хватало.
Да что слова! Он, жизни не щадя,
Сражался на Мамаевом кургане.
Ему об этом каждый раз к дождям
Напоминала штыковая рана.
Но он молчал и лишь стонал во сне...
Он наделил меня любовью этой
К бескрайней, милой русской стороне
Без слов, по молчаливому завету.

★ ★ ★

Опять шумит, шумит пожар зелёный, —
Его не гасят пенные дожди,
А с каждым ливнем пуще, окрылённой
Пылает он — куда ни погляди.
В горячих полднях бронзовеют сосны,
Темнеют липы и роняют мёд,
И лишь к берёзкам в даях сенокосных
Загар опять никак не пристаёт.

★ ★ ★

КОРРЕСПОНДЕНТ

Уже который день кочую
По дальним сёлам и лесам.
В Домах крестьянина ночую,
Порой обед готовлю сам.
Хожу пешком, трясусь в трёхтонке,
В седле качаюсь иногда.
Снежок похрустывает звонко,
Дымится около следа!
Со мной блокнот. А в том блокноте
Имён и встреч не перечсть,
В нём наши новые заботы,
В нём грусть, и боль, и радость есть.
Он весь исчеркан, испомечен,
И любо думать мне о том,
Что после каждой новой встречи
Всё больше тёплых строчек в нём.

* * *

Бывает так: за дружеским столом
Усядутся товарищи мои
И запоют о братстве фронтовом,
Припомнив отгремевшие бои.
Немало песен сложено у нас
Не хуже этой, старой, может быть,
Но первой категории запас
Её никак не может позабыть.
Я знаю эту песню, но молчу:
По молодости не был на войне...
Друзья меня ударят по плечу
И, приглашая, закивают мне.
И я, как равный, подпеваю им.
Ведь в самом деле мы равны сейчас:
В одном ряду, в одном строю стоим —
Все — первой категории запас!

* * *

Я только вспомнил, что мне двадцать пять,
И сердце резко тронула тревога:
Совершенно хорошего немного.
Что сделал я? Что можно рассказать?
И слишком часто в будней тишине

Негаданно, незванно приходило
Ленивое спокойствие ко мне
И силу закипавшую гасило.
А ведь за это не прощают, нет —
У нас забот и трудных дел немало,
И сердцу, на котором партбилет,
Спокойному быть в жизни не пристало!

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Масло верещит на сковородках.
Печка докрасна накалена...
Ты в косынке, в платице коротком
Здесь колдуешь снова дотемна.
Жаришь, паришь, отдыха не зная,
Синий зной качается кругом.
И добро б — семья была большая,
А у вас два стула за столом.
Тот, кому готовится всё это,
За столом сидит уже давно.
Тычет вилкой в жирную котлету,
Разливает белое вино,
Потный, красный, в вылинявшей майке.
Он доволен мастерством твоим.
Ну, а ты — как будто не хозяйка,
А официантка перед ним.
Похвалам его совсем не рада,
Горько улыбаешься в ответ,
И в твоём похолодевшем взгляде
Прежнего сиянья больше нет.
Невдомёк ему, что грустно что-то
Ты встречаешь утреннюю тишь
И, когда спешит он на работу,
Вслед ему ты с завистью глядишь.

ЧУЖОЙ

Окончив университет,
Он заглянуть решил домой
В негромкий свой колхоз «Привет»,
Где жил отец, печник простой.
Вот перед ним уже вокзал.

Сюда брезгливо он вошёл
И, оглядевшись, не признал
Попутчиков из ближних сёл.
Как будто он впервые здесь,
Как будто с многими из них
Не бегал он, мальчишкой, в лес,
Не жёг костров в лугах ночных...
Сел на подводу — и в село.
Вот старый дом и палисад.
Смешное детство здесь прошло,
Здесь всё — как много лет назад.
Он, улыбнувшись, в дом шагнул.
Отец — навстречу, торопясь.
К ногам упал задетый стул.
Пускай! Не до него сейчас.
«Ну, как учёнье?» — «Наконец,
Закончил университет...»
«Ну, поздравляю, — молодец!
Эх, жалко: матери-то нет,
Не дожила, а то б она
Теперь гордилася тобой...»
В стаканы доброго вина
Скорей налил отец седой.
Разговорились обо всём:
О пятом курсе, о делах,
О новостях в краю родном,
О лучших девушках села.
Отец на свадьбу намекал,
А сын кривил губу в ответ.
Я, дескать, подожду пока,
Да и невест по мне здесь нет.
Отец сказал: «Село растёт,
Жить стало лучше, веселей,
Из городов пришёл народ.
И ты останься-ка в селе».
Сын головою покачал
Да рассмеялся лишь в ответ:
Уж, дескать, верно — стар, что мал —
Я ж кончил университет!
... А вечером пошёл он в клуб.
Из окон музыка лилась.
Он тронул галстук, тронул чуб,
Морщинки сдвинул возле глаз.

Увидев в хоре паренька,
На пиджаке знакомый знак,
Гость прошипел издалека:
«Окончил вуз, а здесь... Чудак...».
И пошагал скорей назад.
Вот перед ним знакомый пруд,
С дорожками тенистый сад.
Он постоял с тоскою тут,
Взглянул на звёздный небосклон,
И вдруг над самой головой
В густых ветвях услышал он
Тревожный шум: чужой, чужой.
Он, вздрогнув, пошагал в поля,
Но, только встал над бороздой,
Ячмень, усами шевеля,
Зашелестел: чужой, чужой.
Он, спотыкаясь в борозде,
В луг пошагал, потом домой...
Куда б ни тронулся, везде
За ним несло: чужой, чужой!

П. КУСТОВ

В КОЛХОЗЕ

Полушубок с остистым мехом
Хорошо бы надеть после бани.
Ты не в гости сюда приехал,
Не на дни посевной кампании.
По-столичному снаряжён —
В жёлтых ботиках, в шубке маленькой, —
На сугроб загляделась жена.
Надевай, дорогая, валенки!
Телогрейку по росту примерь,
Позабыв о стыдливости ложной.
Да обей ещё войлоком дверь,
Так-то будет надёжней.
Сам-то я ко всему привык,
Видишь, всюду рубцы и метки.
Чай, не кто-нибудь, фронтовик,
Командир полковой разведки.
Смело дверь распахну в правление,
Пусть оглядываются прохожие,
Строчки вспомнятся из заявления,
На присягу бойца похожие.
И пойду я туда, где хлопотно,
Чтоб на совесть трудиться дó поту.
Пусть пока я ещё неопытный —
Горя мало — накопим опыта!

ЛЕСНАЯ ДЕВУШКА

За ягодою спелую
Бредя с корзинкой новою,

Без счету песни пела я
С подружкой бедовою.
Шмели гудели в клевере
И заяц прядал ушками.
Ах, хорошо на севере
Брести лесной опушкою!
Какие девке тяготы? —
Работает, старается.
А собралась по ягоды —
Как птичка заливается.

Сомкнётся чаща грозная —
Дрожит сердечко детское.
Да всё кругом — колхозное,
Родимое, советское.

Пойду куда угодно я,
Лишь песенкой ведомая,
Весной, зимой холодною —
Всегда, везде — как дома я.
Там рубят лес бригадою,
Тут белка с ветки дразнится.
А я стою и радуюсь,
Что я — всему участница!

КЕДРОВЫЙ БОР

Старый мой друг прислал мне посылку с Дальнего Востока, из тех мест, где когда-то путешествовал Владимир Клавдиевич Арсеньев со своим проводником и товарищем Дерсу Узала. Была в посылке копчёная кета, были манчжурские орехи в крепчайшей скорлупе, поддававшейся только обуху. Друг мой — охотник, и мне, тоже охотнику, прислал хвост фазана: «Смотри, мол, на каких птиц охочусь я в Приморье». Кроме того, на самом дне ящика лежала спелая кедровая шишка.

К фазаньему хвосту я отнёсся равнодушно. Ну, что ж, красив-то, красив, а всё же у нашего тетерева хвост куда красивее — иссиня чёрный, как воронёная сталь, снизу белый, а главное, изогнут-то как — лирой!

А кедровая шишка привела мне на память одни мои поиски...

В нашем селе великим знатоком всех окрестных озёр, рек и речек слыл Дмитрий Иванович Кранов. Повидал он за свои шестьдесят пять лет многое: и в солдатах бывал, воевал, и плотничать приходилось за тридцать земель от дома, но лучше своих родных лесов и озёр ничего не признавал. Мы, рыбаки-удильщики, частенько забегали к нему за советами и справками... Дмитрий Иванович ничего от нас не таил, по-дружески делился с нами своим опытом, знаниями. Всё, бывало, расскажет: и какая рыба в том или другом озере водится, и на что её удить надо, и в какое время, и на какую снасть и приманку.

Зашёл я как-то к нему:

— Иду я завтра, Дмитрий Иванович, в Переволоцкой сельсовет. Никогда я там не бывал. Так вот скажи, брать ли мне с собой лёски и крючки, удастся ли на Переволоцком озере поудить, и где именно?

Отложил старик сетевязную иглу, снял очки, закурил и, подумав, ответил:

— Отчего же лесы с собой не взять? Взять надо. На Переволоцком озере поудить можно. Окунь там жирный, крупный, язв имеется, щука, сорога. Горчит она в это время, травки хватила, так ведь тебе сорога только живцом на шук нужна.

И поучает меня дальше:

— Можно удить там прямо с берега, берега плотные, но лучше с лодки, у отмелей. Хорошая каменистая отмель, луда, есть метрах в ста от Смоляного мыса. Ещё лучше отмель против Кедрового бора.

— Откуда у нас, в вологодских краях, кедры взялись?

— Погоди, не торопись, дай обстоятельно расскажу, а то у воды останешься без рыбы.

Принёс чистый листок бумаги, карандаш и мне карту озера составил, отметил крестиками все хорошие местечки для удильщика.

— Ну, а что о кедровом боре скажешь? — не отстаю я от старика.

— Что знаю, то и скажу. Есть такой бор на Переволоцком. На мысу, что полевее здания сельсовета. Сухой мыс, с камушком. Кедров там сотни три будет, здоровенных. Кора у них, как и у нашей сосны, только тёмная. И хвоя похожая. Шишки крупные, во какие шишки! Видимо, этот бор не самородный, а сажёный, — рядами кедры растут и все как один. Однако увидишь сам.

— А кто и когда их посадил?

— Про это не знаю, я больше насчёт рыбы знаток. А ты спроси в Переволоцком сродственника моего Максима Николаича, он, верно, знает. И ещё запомни: окунь на Переволоцком, особенно на лудах, не столь на червя, сколько на кусочки рыбки клюёт. Разрежь сорожку на кусочки, насади на крючки и забрасывай. Крупные окуни будут клевать.

★ ★ ★

В Переволоцком сельсовете при первой же возможности я познакомился с Кедровым бором. Ровными рядами стояли красавцы кедры на каменистом мысу, что длинной косой

вдался в озеро. Мягкий зелёный мох стлался по земле — ни ломаного сучка, ни какого-либо другого древесного хлама не было на нём; казалось, кто-то строго следит за тем, чтобы чисто было в роще.

Чуть шумели вершины кедров от летнего ветерка. Синело полуденное небо и тихо плыли по нему облачка — не из далёкой ли Сибири они, оттуда, где в тайге стоят такие же могучие красавцы-кедры.

Кто же, когда и зачем надумал посадить кедры здесь, над озером?

В тот же день познакомился я с Максимом Николаевичем. Вслась поговорили мы с ним об уженье окуней, об охоте на белок и глухарей. Стал я выпытывать у старика, не знает ли он чего о Кедровом боре.

— Немного знаю! Посадил его Клим-ткач, а давно ли и зачем — не ведаю.

— Может быть, кто-либо другой из стариков про это знает?

— Вряд ли! Старее меня в деревне никого нет. Одно скажу: уважают у нас этот бор, берегут — заветный! Может, заметил — мусору, лому, да и кустов там нет, кроме можжевельника. Молодёжь наша там вечерами гуляет. Это исстари так ведётся — молодёжь и бор бережёт. Изгородь вокруг бора всегда в исправности, за этим наши ребята следят. И я в молодые годы бор оберегал...

★ ★ ★

Дня через три после разговора с Максимом Николаевичем пришёл я в деревню Глухарёво в том же Переволоцком сельсовете. К моей досаде, председатель колхоза уехал в районный центр и должен был вернуться только поздно ночью. Пришлось ожидать в домике бригадира. Впрочем, и бригадира дома не было, только его мать — рослая говорливая старуха — катала бельё на обеденном столе.

— Посиди, отдохни с дороги, — сказала она, — Вот с бельишком справлюсь, самоварчик поставлю. Одна я сегодня дома — сынок с невесткой в поле, ребятишки по улице бегают, пушай забавляются, им лето — золотая пора.

Скучать со старухой не приходилось — и меня обо всём расспросила, и сама многое рассказала. Так за разговором и работе конец пришёл. Сложила бабушка прокатанное бельё ровной стопой и отправилась самовар ставить.

От нечего делать, взял я деревянный «рубель», которым

бабушка белёе катала, и залюбовался резьбой, украшавшей его спинку.

В вологодских деревнях не редкость встретить тот или иной деревянный предмет крестьянского обихода, украшенный резьбой. Такая резьба попадается, что удивляешься искусству неизвестного резчика — в музей бы иную солонку или ковш!

Но резьба на рубеле отличалась от всего, что мне приходилось ранее встречать. Сложное сплетение кругов, треугольников, квадратиков сплошь покрывало спинку рубеля, и всё это было включено в рамку из мелких цветов — незабудок. Работа была не простого мастера.

— Ивановна! — окликнул я хозяйку. — Кто этот рубель делал?

— Не знаю в точности. Мне он от моей матери достался, а матери — от её матушки, значит, от моей бабушки. Помнится, говорила мне мать, — Клим-ткач этот рубель делал. Сродственник он бабушке моей был.

— Да почему же Клима ткачом называли?

— Ткачом он и был, на фабрике под Москвой работал. Говорила мне ещё мать о нём что-то, да я позабыла. Подросточком я была, когда мать у меня померла. Вот я и позамятовала. А рубель старинный!

Действительно, был рубель от многих прикосновений к нему человеческих рук темнокоричневым, блестящим, словно лакированным. А деревянные зубцы рубеля почти совсем износились.

Рассматривая узор на рубеле более тщательно, я увидел в одном квадратике букву «К», в другом «Г», а в третьем и дату: «1833 год». И всё это было вырезано очень мелко — не сразу заметишь эти буквы и цифры в сплетении узора.

Так неожиданно удалось мне в чём-то связать кедровую рошу, Клима ткача и бабушкин рубель.

* * *

Невесёлое было время — осень 1941 года. Вражеские орды рвались к Москве, вся страна встала на смертный бой с фашистскими захватчиками.

Как-то вечером вышел я на берег нашего озера. На песчаной отмели горел, густо дымя, большой костёр. Я направился к нему.

Оказалось, это жгли ненужные архивы районных учреждений. Бои шли где-то у Онежского озера, могли докатить-

ся и до наших лесов. На всякий случай и мы готовились покинуть на время родные места, — об этом и шёл разговор у костра.

Подвезли ещё одну телегу с бумагами. Это был архив почты — бесчисленные пачки каких-то квитанций на заказные письма, запылённые справочники, «дела» — всё то, что накапливалось в шкафах годами.

Не сразу огонь охватил новую грудку бумаги. И, пока его струйки пробивались сквозь толщу «дел», я успел заметить пачку бумаг, совсем не похожих на современные. Я вытащил эти бумаги из огня. Действительно, были они давними — тридцатых и сороковых годов прошлого века.

— Эти-то как сюда попали? — вслух удивился я.

— С чердака я их принесла, — объяснила мне уборщица почты. — Стали сегодня бумаги собирать, сказали мне — сжечь их надо. Ну, думаю, не попадайся гитлеровцам ни один клочок, все кладовые обшарила и на чердаке побывала. Эти с чердака. Только и было их там. Немного, в одной горсти принесла. Ты прочитай да и брось в огонь!

— Ладно, тётя Катя, брошу я эти бумажки в огонь, не беспокойся, — ответил я и присел на камушек, чтобы разобраться в своей добыче.

Были здесь и рекрутские квитанции по «четыреста рублей серебром» за сданного в армию новобранца, были какие-то квитанции уездного казначейства, копии с «покорнейших» донесений волостного старшины о видах на урожай в 1844 году...

Много чего тут было от давно прошедшей жизни наших дедов и прадедов...

Подошёл ко мне Дмитрий Иванович — руки в смоле, на пиджаке волокна пакли — лодку старик починял.

Рассказал я ему о своей находке.

— Пожалуй, я знаю, откуда эти бумажки взялись, — заметил Дмитрий Иванович. — Почта у нас помещается в том здании, где до революции волостное правление было. Архив правления на чердаке лежал, вывезли его потом в губернский город. Наверное, эти бумажки от архива остались. Вишь, в глине, в грязи без внимания валялись, пока их тётка Катя не подобрала.

И вот в этой пачке старых бумаг нашёл я такую, которая многое мне рассказала, если не о Кедровом боре, так о том, кто его посадил, — о Климе-ткаче. Это было донесение

кого-то кому-то — ни начала, ни конца его не сохранилось, а датировал я его лишь приблизительно, в связи с текстом.

«... крепостной человек, ранее бывший в собственности государственного преступника... работавший на... Клим Егоров Громов самовольно от новой своей владелицы госпожи вдовы коллежского ассессора Анны Измайловны Кураковой в 1827 году из поместья госпожи Кураковой самовольно бежал по слухам в Сибирь по месту ссылки бывшего господина.. к коему его жена дворянка Александра Игнатъевна... генваря 19 дня сего 1834 года опять в своей волости проявился и, бродя по крестьянам, всякие нелепые и вредные слухи и измышления и явно преступные басни рассказывал и многое.. других смущает... живёт, а иные, кои перечислены ниже, потворствуют оному ткачу и его придумки повторяют, и нижайше просим...».

Больше ничего не смог я разобрать на этом листе плотной синеватой бумаги, густо испещрённой пятнами жидкой глины, попавшей на неё при ремонте печных труб на чердаке.

Почему Клим бежал, и бежал в Сибирь, к своему бывшему господину — «государственному преступнику»? Почему Клим счёл нужным вернуться на родину через несколько лет, что такое рассказывал он крестьянам? И, наконец, причём тут Кедровый бор?

Долго сидел я на озёрном берегу, долго пытался хоть ещё что-нибудь узнать из найденной бумаги. Тётка Катя дожгла архивный костёр и ушла, ушёл и Дмитрий Иванович. Солнце садилось за чёрную тучу, лениво вспухавшую над озёрной ширью, сладковато пахли сохнувшие водоросли на обмелевших песчаных косах, копошились в них молчаливые вороны. Тихо было на берегу, тихо было и в селе. И вот оттуда, с северо-запада докатился глухой гул. Это за сто километров от нас били по врагу советские пушки, там, у Онежского озера...

★ ★ ★

Прошла зима. Ранней весной сидел я в правлении одного колхоза и вместе с его председателем разбирался в одном запутанном деле. Колхоз готовился к севу — уже подсыхала на буграх земля, и хотя в лощинах ещё плотно лежал грязный снег и всюю бурлили мугные вешние ручьи, но все знали: ещё неделя — и пора в поле.

В правлении были мы только вдвоём. Председатель вор-

чал на счетовода, заболевшего в самое нужное время, но я понимал, что дело не в счетоводе, а во мне: пришёл и заставил председателя возиться с бумажками, вместо того, чтобы находиться ему либо в амбаре, где готовят семена к севу, либо в кузнице, где от зари до зари гудели меха, ковали молоты, — с ремонтом плугов и борон задержались...

С шумом открылась дверь, в правление ворвалась пожилая колхозница в криво повязанном платке на встрёпанных волосах и с криком принялась обвинять кого-то, а в чём — ни председатель, ни я сразу и понять не могли.

— Да разве это порядок! — наступала она на председателя, — да разве так можно! — поворачивалась она ко мне. — Разве я не работница? Он-то, косой чорт, хорош, ему всё можно! Почему он меня обижает? Нет, не то теперь время, я ходы найду! Вот товарищ из района, пусть-ка он скажет — справедливо это или нет?

Насилу-то мы разобрались, в чём дело. Крикунья работала на сортировке семян, после обеда все вышли, как и наказывал бригадир, к двум часам дня, обиженная — явилась только к четырём. Бригадир не допустил её к работе, резонно предложив идти снова домой и доспать на печи оставшееся до вечера время. Голосистая тётка никак не объяснила причин своего опоздания на работу, а стремилась лишь доказать, что её, вдову, у которой муж погиб на фронте, бригадир высмеял всенародно.

Убедившись, что мы её не поддержим, и выпалив: «Ах, так? И вы с ними заодно! Я концы найду!», тётка с растрёпанными волосами грохнула дверями и исчезла.

— Фу! — председатель вытер вспотевший лоб. — Не баба, а рвотный порошок! Настоящая Курачиха! Гнать бы её из колхоза — первый лодырь, пустомеля. И вовсе она не вдова, — от неё муж лет десять тому назад ушёл, развёлся с ней, на другой женился. Действительно, погиб он на фронте, так у него законная вдова имеется и трое ребят осталось. Это она на вас рассчитывала, что, мол, поддержите вдову солдата. Любит путать людей! Курачиха и есть!

— Это что — её фамилия? — спросил я.

— Нет, её фамилия Копылова. А это в старину, ещё в крепостное время, в наших местах барыня была Куракова. Вместе со своим приказчиком ходила мужиков на работу выгонять. Кто чуть только замнётся или слово поперёк скажет, Курачиха палкой его — раз! Да ещё так отругает,

что не слушали бы уши. И людей порола. Убили её свои же крестьяне.

— А не слышали, кто такой был Клим-ткач?

— Слышал что-то, да позабыл. Ну, так будем продолжать?

И мы опять занялись разбором запутанного дела. А когда покончили с ним и председатель ушёл, я открыл окно.

Был уже вечер с полымем зари на полнеба и одной только бледной звёздочкой в нём. Деревня затихла, наработавшись за день, даже огней не было видно в окнах. Только собаки побрѣхивали скороговоркой и не так по надобности, как по долгу службы, да изредка на чѣм-либо дворе мычала корова, — скот истомился за зиму, рвался на пастбище из душных помещений.

Попыхивая цыгарками, к правлению колхоза подошли два старика, остановились, разговаривая и посмеиваясь над чем-то. И опять я уловил слово «Курачиха».

Деревенские знакомства завязываются быстро — и вот я уже беседую со стариками, сначала о том, о сѣм — не сразу же к делу подходить. Наконец, допытываюсь и до «Курачихи». Но ничего нового, кроме того, что сообщил мне председатель, деды мне не сказали. Верно, была в старину барыня Куракова, поганая барыня, по правде сказать. Максим Ткач? Тоже был такой. Говорили о нём, что он бор в Переволоцком посадил. Из Сибири он семена привѣз. А зачем посадил — деды не знают...

★ ★ ★

Так по крупинкам, по кусочкам собирал я давнюю историю о Климе-ткаче и о Кедровом боре, что был им посажен. Но полной картины не получалось. Да и как составишь её из того, что удалось узнать? Ещё раз-другой пришлось мне слышать о Климе, но только одни упоминания о нём. Впрочем, я узнал и любимую песню ткача.

... В проходной каюте третьего класса, вплотную набитой пассажирами, всех развеселил старичок с такой чистой седенькой бородкой и такими седыми, ну прямо серебряными волосами, что, казалось, чем-то особым был вымыт этот дедушка. Да и одет он был хоть и по-деревенски, но как-то особенно чисто и аккуратно — всё было по нём, и всё на своём месте, даже редкая в наши годы войлочная шляпа. Старичок этот уже несколько раз поведал, что был он в

гостях у внука — мастера железнодорожного депо, и вот едет домой, к своей старухе. Нечего греха таить — выпил две рюмки на дорогу, много ли старику надо, да и вино хорошее, красное, сладкое!

И старик начинал, потопывая ногами, подпевать:

Не последний был красильщик —
Я по фабричкам ходил,
Я по фабричкам ходил,
Кумачи, ситцы красил.
Зарабатывал немало —
Не хватало мне, мальчишке,
Девяносто рублей в год.
Десяти рублей в оброк...

На этом песня обрывалась, старичок опять рассказывал всем, как гостил он у внука, и опять приплясывал, повторяя песню о красильщике.

В третьем классе пассажиры народ простой и благодушный. Никто не обижался на весёлого старичка, а когда допытались, что ему уже сто второй год, то старичку и место полежать устроили, и чайку ему принесли, и каждый старался хоть что-нибудь сделать для старого и такого приветливого человека.

Подсел к старичку и я — хотелось мне записать песню о красильщике — по всему было видно, что сложена она в стародавние времена, ещё при крепостном праве. Старичок охотно пропел мне её и раз, и другой, а потом оказалось, что он из нашего района, Переволоцкого сельсовета, а песню эту певал Клим-ткач.

— Он от худых господ убежал к хорошему барину, тот в Сибирь был сослан царём. И обратно Клим в свою деревню вернулся. Кедровый бор посадил, это точно.

Помнил старичок этот бор, когда кедры всего в два человеческих роста были.

Тут старичок попытался было пропеть ещё раз свою песню, но махнул рукой и стал забираться на лежачее место, в чём мы ему и помогли...

★ ★ ★

«А нет ли чего-нибудь о Климе-ткаче в областном музее, в его архиве?» — подумал я, проходя по улицам своего областного города и увидев здание музея.

— Об этом мы наших студентов спросим, — сказал мне директор музея, когда я рассказал ему о своих поисках. —

В нашем архиве работает несколько студентов. Как раз один из них изучает восстание декабристов.

Мы долго шли гулками и мрачными коридорами старинного здания, построенного чуть ли не во времена Ивана Грозного, нагибаясь пролезали в низенькие двери и, наконец, добрались до архива. Здесь, в угрюмой комнате со сводами, окнами в узорчатых решётках и кирпичным полом, немножко странными казались яркие электролампы и молодые лица студентов, сидевших за столами, тоже какими-то особенными, стародавними. На эти бы столы медные чернильницы и гусиные перья... Впрочем, студенты обходились авторучками.

— Вам очень повезло, — сказал мне студент «декабрист». — Здесь есть дело о Климе-ткаче. Его фамилия — Громов. Дело интересное. Есть только одно обстоятельство, которое меня смущает...

Протрещал телефонный звонок. Моего нового знакомого вызвали куда-то. Он вручил мне синюю папку — «Дело № . . .», извинился и исчез.

До вечера я ознакомился с этим «делом». Состояло оно из разного рода донесений приказчиков госпожи Кураковой, полицейских дознаний и прочего в том же духе. Но история Клима стала мне ясной.

★ ★ ★

Летом 1826 года в одну из деревень Переволоцкой волости явился из Петербурга дворовый человек Яков Батулин, до того бывший в услужении у своего барина-офицера. Офицер этот оказался замешанным в восстании декабристов и после суда был сослан в Сибирь. Одно из его имений, бывшее в Переволоцкой волости, вместе с другими перешло к его родственнице — госпоже Кураковой.

Дворня офицера после допросов была направлена в свои деревни.

Крестьяне Переволоцкой волости, — а она почти целиком входила в одно поместье, — задумались. До сих пор жилось им терпимо — барин держал их на умеренном оброке. А вот если новая госпожа барщину введёт, то это будет совсем плохо.

Глухие вести о событиях в Петербурге дошли и до деревни, но вести эти были путаными, что к чему — никто разобраться не мог, всякое говорили. Поп в одной из проповедей намекнул на бунтовщиков, которые, мол, хотели по-

гибели государству, но царской властью зело покараны, да будет и другим неповадно.

Слыша это, крестьяне в один голос решили, что господа между собой вздорят, и не мужицкое дело в этих спорах разбираться.

Яков Батулин по приезде на родину повёл себя скромненько, лишнего не болтал. Но, видимо, человеком он был знающим и осторожным, поэтому умело, и тому, кому надо, шепнул кое-что. И пошли по волости разговоры с уха на ухо, тайком от одного верного человека к другому:

— Хотели, мол, бунтовщики крестьян из крепостной петли вытянуть!

Осенью того же года в родную свою Переволоцкую волость заявился и Клим-ткач, а по отпускному на работу билету — Клим Егоров Громов. До этого он, бестяглый крестьянин-бобыль, был отпущен барином на заработки в Москву и работал на какой-то фабрике.

Привели Клима по этапу — паспорт у него был просрочен, а новый получить не от кого — барина не стало, барыня ещё не приехала, без неё же староста и приказчик не решились никому давать выхода на оброк за пределы волости.

Наверно, было у Клима за душой и кое-что побольше беспаспортности. Иначе не вызвал бы его к себе приказчик, не сказал бы, погрозив пальцем:

— Смотри, ткач! Знаем и мы про тебя кое-что! Ходи ниже травы, тише воды. А пока — живи, как можешь. Приедет барыня — получишь работу.

Занялся Клим набойным ремеслом, чудесные набойки делал, узорчатые, яркие.

Яков Батулин, тоже человек одинокий и от крестьянства отвыкший, без дела до приезда барыни гулял. И вот, сошлись два бобыля, два друга. Без слов договорились. Ходили вместе по волости — Яков Климу помощник стал, и где побудут, то после них разговоры вполголоса у мужиков хоть отбавляй. Но разговоры эти были не для господ, а про свой расход.

По первому санному пути прикатила в свое именье и барыня Куракова, а проще говоря — Курачиха. Круто взялась она за наведение порядков — барщину завела, конюхов с розгами. Вскоре приказала приказчику:

— Батулина и Громова — ко мне. Оба бунтовщики и крамольными речами народ возмущают. Сидишь ты, приказчик, на тёплом месте, как боров в хлеву, ничего не ви-

дишь и не слышишь! Не знаешь того, что до полиции батулинские да громовские разговорчики дошли. Приготовить подводы — завтра их в город отправим, сдам бунтовщиков в солдаты. С полицией связываться мне убыточно и не к лицу, а так две рекрутских квитанции выправлю!

Пока приказчик старосту вызывал да подводы наряжал — добрые люди шепнули, что надо, Громову и Батулину. Хватились их поутру — ищи ветра в поле!

* * *

Вторая половина дела была занята полицейским дознанием «О появлении в Переволоцкой волости беглых крестьян госпожи Кураковой и о их крамольных речах».

Датировано это дознание было уже не 1827 годом, а 1833.

О Батулине говорилось в дознании немного. На родину он вернулся больным, мечтая умереть у родного озера. И умер он через несколько дней после своего прихода.

Вместе с ним пришёл и Громов. Похоронив друга, он побывал у нескольких мужиков, ещё не забывших его, рассказал, что вместе с Батулиным ходили в Сибирь — хотелось им повидать своего прежнего барина, посоветоваться с ним о горе-горькой крестьянской жизни. Но барина им видеть не удалось — был он в тюрьме, в кандалах. Однако и без барина дело обошлось — такое рассказывал и такое советовал Клим крестьянам, что по мнению уездной полицейской власти надлежало «оного Клина Громова немедля схватить и, связав, как наизлейшего преступника, доставить к господину уездному исправнику».

— Не там Сибирь, где я был, — говорил Клим-ткач крестьянам, — а здесь у вас Сибирь! В Сибири живётся трудно, да народ вольный, а вам живётся трудно и в барском хомуте ходите.

Клим, несомненно, знал, что за смутьянские речи ему от полиции не поздоровится. Поэтому он времени не терял, а громко говорил, что ему хотелось сказать, и вновь исчез из волости, прежде чем староста и приказчик успели его схватить.

Но перед уходом своим вышел Клим с двумя верными мужичками на пустой мыс Переволоцкого озера и посадил здесь ровными рядами четыре сотни семян кедра, принесённых им из далёкой Сибири. А посадив их и прощаясь с друзьями, сказал:

— Берегите эту рошу, не давайте ей погибнуть! Не обо мне в память будет она расти, а вспоминайте тех, кто за простой народ в Сибири страдает, кому кандалы кости переели. Тысячи народу там в рудниках кровью исходят. И ваши братья там есть, и вашим сынам бывать, пока царя и господ со своей шеи не сбросите!

★ ★ ★

— Нашли что-либо новое, интересное? — спросил меня студент, который дал мне «дело».

— Нашёл всё, что мне хотелось узнать, — ответил я, вставая. — Благодарю вас! Но разрешите задать вам только один вопрос...

— Пожалуйста. Какой именно?

— Как фамилия того декабриста, которому принадлежало имя в Переволоцком?

— Представьте — именно это обстоятельство не могу установить. А ведь в этом я заинтересован даже больше вашего. Я же статью о декабристах пишу! Так вот, ни в этом деле, ни в других материалах я не мог узнать, что это за декабрист. Везде его именуют только «государственным преступником», словно полиции был дан строгий наказ — вести дело так, чтобы имя этого «преступника» было навсегда позабыто.

★ ★ ★

Заседание бюро райкома партии шло обычным порядком, как и в тысячах других райкомов. От довоенных оно отличалось только тем, что научились вопросы решать быстрее, определённое, много меньше стало словесной воды.

— Слушается отчёт директора леспромхоза о ходе заготовки и вывозки леса, — объявил секретарь райкома.

Посыпались цифры, цифры. Но члены бюро насторожились. По опыту известно: если человек хочет в чём-то оправдаться, особенно если он незадачливый хозяйственник, то он рассчитывает именно на этот поток цифр, «авось, запутается дело, и я вывернусь».

Но нашего секретаря не проведёшь. Постучал он карандашом по стакану и сказал директору:

— Твои цифры мы в сводке видим. Ты нам скажи, почему у тебя вывозка отстаёт? Весна на носу, с крыш каплет, боробы дерутся, — вот-вот реки зашумят, а у тебя на нижних складах древесины маловато.

Директор поблёл и начал оправдываться. Лесосеки, мол,

лесничество отвело неудачные, далёкие от речных берегов. Подумайте сами — почти восемь километров приходится брёвна возить от лесосеки до склада. А лошадей маловато...

— Ну, лошадей тебе дано ровно столько, сколько по твоему же плану полагается, — перебил его секретарь. — А вот ты скажи, почему...

Одним словом, началась атака...

— Так что же ты намереваешься предпринять, чтобы исправить положение? — спросил секретарь директора, когда тот был вынужден признаться, что, действительно, по его вине в первую очередь занялись только заготовкой, решив, что вывезти лес можно и в конце сезона, особенно если привлечь к этому делу и колхозы.

— Ах, вот на что был расчёт! А помнишь ли ты о том, что у колхозов и своих забот достаточно? Весна, повторяю, на носу! Нет, ты скажи, что надо сделать без расчёта на колхозных коней? — не давал пощады секретарь.

— Есть и ещё один выход, — утирая пот на лбу, заявил директор. — Пусть лесничество отведёт нам делянки поближе к берегу речки Сивельбы и Переволоцкого озера. Точнее — пусть разрешат нам рубку прямо по берегам. Тогда за две недели мы так развернёмся, что сезонный план выполним и по рубке, и по вывозке.

— Не согласен! — прогудел кто-то в углу.

— Лесничий не соглашается, — улыбнулся секретарь. — Почему?

— Не имею права разрешить! По нашим, советским, законам нельзя вырубать леса вдоль берегов рек, — это же водоохранная зона! Знает это директор, но хочет против закона идти, чтобы свои грешки замазать!

— В военное время можно кое в чём уступить, — выкрикнул директор.

— Тише! — Секретарь укоризненно покачал головой. — Наоборот, в военное время законы надо соблюдать так, как солдат устав соблюдает! Ты об этом забыл?

— Пусть так, но берега Переволоцкого озера не входят в водоохранную зону. Мы лес в Сивельбу из озера выведем кошелами.

— Тогда мы не согласны! — со стула у двери поднялся секретарь Переволоцкой территориальной парторганизации.

— Кто это — мы? — спросил секретарь райкома.

— Переволоцкие колхозники! Не туда лезет директор! Забывает о том, что лес на берегах озера тоже в охранную

зону входит. Это раз! Конечно, мы бы не поспорили — нужен государству лес, так сами бы срубили и вывезли его. Так нет — директор прошляпил, а теперь хочет не делом заниматься. Пусть иные выходы находит, а пока что нет надобности этот лес рубить. А то директор своих десятников уж подсылал наши леса осматривать. Да чего там! Кедровый бор — заветное место — и то директор облюбывал, чуть ли не караулить этот бор приходится.

— Всё понятно! Садись, директор, — сказал секретарь. — Это в порядке реплик тебе подносили, а теперь мы как следует в прениях поговорим.

Последним взял слово я и рассказал членам бюро и всем, кто был на нём, историю Кедрового бора.

— Точка, — сказал секретарь, поднимаясь. — Подытожим выступления... Кстати, сообщу. Директора за плохое руководство леспромпхозом трест снял с работы. Вот телеграмма — час тому назад её передали. Поэтому решим, что сделать, чтобы дать лес родине к сроку...

— Мы, колхозы, поможем в вывозке... — откликнулся переволоцкий секретарь.

— Знаю, что колхозники помогут. Правильно это. Но кроме этого надо решить, а что же леспромпхозу делать, чтобы упущенное наверстать.

★ ★ ★

С бюро я вышел вместе с Финогеновым, так звали секретаря Переволоцкой парторганизации.

— Ты вот что, товарищ, — сказал он мне, — обязательно приезжай к нам и поскорее, сделай докладик о Кедровом боре и о Климе-ткаче. Ладно? А этот бор был у нас заповедным — заповедным и останется. А умён был Клим — хорошее дело сделал и вроде как и нас поучил: сажайте, мол, леса, выращивайте их, землю украшайте! Так приезжай, ждать будем!

А. ВЛАСОВ

БАСНИ

ВСЁ ТА ЖЕ МАША

Писатель по фамилии Черкашин
Работал над романом много лет —
И вот произведение «Маша»
Закончено и вышло в свет.
Читали все его — и стар и млад —
Понадобилось новое издание,
Дела Черкашина пошли на лад —
Он получил всеобщее признание.
О славе мировой тая мечты,
Заранее победу торжествуя,
Он книгу написал вторую —
Большую повесть «Маша у плиты».
О ней читатели немало говорили,
Но так её уж не хвалили.
У автора не дрогнула рука —
Писатель наш, нисколько не робея,
К изданию подготовил эпопею
С названьем громким — «Маша у станка».
Едва о том читатели узнали,
Над автором посмеиваться стали,
И ныне говорят кругом:
— Когда ж напишет он о ком-нибудь другом?

ПУСТОЗВОН

Открыты пренья по докладу,
И первым слово взял Гвоздин:
«Мы на село поедем как один!
Серьёзно за колхозы братья надо.

Поедем все: и он, и я, и ты!..»
Он говорил до хрипоты.
Когда же, наконец, он сел на место,
Ему приятель зашептал:
«Ну, брат, скажу тебе я честно:
Сегодня ты неплохо выступал!
Скажи мне: ты уже наметил
В какой отправишься район?» —
И вдохновенный Пустозвон
Вполшопота приятелю ответил:
«Тебе скажу, но только чур: секрет!
Затем я выступаю всюду,
Чтобы иметь авторитет,
А на селе работать я не буду.
Ведь я не агроном, не тракторист,
А городской пропагандист!..
Я говорил сегодня речь,
Чтобы поднять людей, зажечь!
К тому же, под шумок, мне будет легче
Обосноваться в городе покрепче».

БАРСУК

В вечерний час, на совещанье,
Все жители лесные собрались:
Пришёл Медведь, явилась Рысь,
Зайчишка прискакал заране,
Три белки, два оленя, три хорька —
Все собрались от мала, до велика,
Уселись по местам без суеты, без крика,
И стали дожидаться Барсука.
Прошло пятнадцать, двадцать пять минут
В томительном бесплодном ожиданье.
«Давайте начинать собрание, —
Сказал Медведь, — а то заснём мы тут».
«Но что нам делать с Барсуком? —
Все разом вдруг заговорили. —
С тех пор, как стал он нашим вожаком,
Его как будто подменили.
Уж много раз на наш совет
Он с опозданием являлся,
А спросишь: почему? — всегда один ответ:
«Нет, я не опоздал, а задержался».

«У нас зверей незаменимых нет, —
Запальчиво вскричала Выдра. —
На место Барсука я предлагаю выбрать
Кого-нибудь другого в комитет».
От зверя крупного до мелкого зверька —
Все были с Выдрой согласны
И на собрании единогласно
Переизбрали Барсука...

Пора бы уж запомнить нам:
Не дисциплина подчиняется чинам,
А мы подвластны дисциплине
Во всяком чине.

ТЯСОГУЗКА

Увидев Дятла за работой,
Ему однажды Трясогузка говорит:
«Ты с ног до головы опилками покрыт,
А пахнет от тебя смолой и потом.
Давно ль работаешь ты здесь, приятель?»
«Пятнадцать лет, — ответил Дятел. —
Домов, что я построил, и не счесть.
Зато от зверя каждого и птицы
Мне уважение и честь!
А ты чем занимаешься, сестрица?»
«Я — птица лёгкого труда,
Работаю немного иногда,
Но мне везде оказывают честь,
Скажу вам, не моей работы ради,
А потому, что здесь
Моих три тёти знаменитых есть
И два авторитетных дяди...
Люблю я танцы, оперетты...
Послушай, пропою тебе куплеты...».
Но Дятел ничего не отвечал,
Лишь клювом громче застучал.
Хорошая работа у него,
И на болтунью даже не глядел он.
Ничтожны трясогузки для того,
Кто занят делом.

Б. РОМАДИН

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

(Рассказ)

Собрание подходило к концу. Таня Воронцова, оживлённая, довольная, сидя за столом президиума, смотрела в зал радостно смеющимися глазами.

Выступавшие вспоминали построенную комсомольцами спортивную площадку, концерт художественной самодеятельности в подшефном колхозе, культпоходы в театры, кино. И все предлагали признать работу комитета удовлетворительной.

На трибуну поднялся худощавый паренёк в военной гимнастёрке. Заметно волнуясь, он вертел в руках зачем-то захваченный с собой карандаш.

— Я не согласен с мнением выступавших до меня товарищей, — произнёс Андрей хрипло, будто в горле его застрял ком, и трудно было его проглотить. Волнение Андрея передалось в зал. Все насторожённо подняли головы. Таня, не мигая, удивлённо смотрела на него переставшими смеяться глазами.

— Я не согласен признать работу комитета удовлетворительной, — твёрдо повторил Андрей и с силой нажал тупым концом карандаша на трибуну, будто поставил точку.

— Звание комсомольца, — продолжал он, — неразрывно связано с именем Павки Корчагина, и каждый из нас, вступая в комсомол, мечтал, может быть, не о столь героических, но всё же больших и важных комсомольских делах. Чем же важным, значительным мы занимаемся?

Организовали самодеятельность, построили спортивную площадку, провели несколько культпоходов в кино. Я понимаю, всё это не просто увеселительные мероприятия,

они сплачивают коллектив, развивают художественный вкус, выявляют способности, таланты.

Но, мне кажется, это лишь одна сторона жизни комсомольской организации. Другую, более важную сторону — участие в производственной работе — мы совершенно забываем. Многие комсомольцы на плохом производственном счете, контрольный пост за продвижение сельскохозяйственных грузов существует только на бумаге, за год не было ни одного молодёжного рейда по станции. Конечно, контрольный пост, ночные проверки — это не так приятно, ну, скажем, как прогулка в подшефный колхоз; но заниматься производственными вопросами — наш комсомольский долг.

Андрей, видимо, уже успокоившись, обвёл зал внимательным взглядом. Несколько комсомольцев сочувственно глядели на него, секретарь партбюро ободряюще кивнул головой.

— Кстати, о поездках к нашим подшефным, — продолжал Андрей. — Я считаю, что концерты в колхозе надо обязательно совмещать со всесторонней помощью: привезти книг для библиотеки, поставить доклад, лекцию, а, может быть, и самим «артистам» поработать вместе с колхозниками. А у нас был такой случай: один из бригадиров попросил «артистов» до начала концерта помочь колхозникам в поле, однако наш секретарь, — Андрей бросил быстрый взгляд в сторону Тани, — ответила ему, что её дело — организовать концерт, а если нужна помощь колхозу, то она скажет об этом партийному бюро...

... Андрей шёл от трибуны, ощущая на себе тяжёлый взгляд Тани. Он, конечно, был прав. Таня действительно всю комсомольскую работу сводит к развлечениям и её давно пора одёрнуть. Но этот тяжёлый взгляд встревожил его. Не выступил ли он слишком резко?

Андрей обеспокоенно посмотрел в сторону президиума, но Таня уже отвернулась и до конца собрания ни разу на него не взглянула.

После шумных прений собрание признало работу комитета удовлетворительной. Таня вновь была избрана секретарём комсомольской организации, и всё же Андрей никак не мог решиться ни подойти к ней, ни уйти без неё домой.

Как легко и просто всё было раньше! Если Андрей задерживался с товарищами после собрания, Таня терпеливо ждала его, а иногда с милой бесцеремонностью за ру-

кава разводила спорщиков в разные стороны. Если Таня долго не могла закончить свои дела, он спокойно ждал её, зная, что она сама подойдёт к нему, возьмёт его под руку свободно и непринуждённо. Казалось, ничто и никогда не сможет разрушить этого непоколебимого доверия и уверенности друг в друге.

А теперь?

Комсомольцы расходились с собрания. Ободряюще подмигнув приунывшему Андрею и крепко стиснув на прощанье его руку, ушёл Саша, одноклассник Андрея по вечерней школе. За ним, бросая исподтишка любопытные взгляды на Андрея, хлынула целая толпа ребят и девушек.

Он ждал, а Таня, как нарочно, без умолку говорила с представителем горкома комсомола, и, повидимому, ей совсем было безразлично, ушёл Андрей или нет.

«Неужели я ошибся, неужели то, что я знал в Тане, — это ещё не всё, а есть и другое: мелкое, честолюбивое, эгоистичное?».

Стараясь не привлекать к себе внимания, Андрей вышел на улицу.

Таня, конечно, понимала, что Андрей решил поговорить с ней серьёзно, но чем дольше он ждал, тем больше ей хотелось отомстить ему за обидное для неё выступление.

Прорвавшийся в комнату паровозный гудок будто разбудил её. Она вздрогнула и встревоженно обернулась к выходу. Сквозь неплотно прикрытую дверь просачивался морозный воздух.

Андрей исчез.

Таня не могла больше говорить ни о чём. Она рассеянно поддакивала представителю горкома, а сама то и дело пссматривала на дверь.

... Андрей сидел один на запорошённой снегом скамье. В тишине безлюдного в поздний час парка было слышно, как потрескивали промёрзлые деревья, да откуда-то издалека лились полные грустной нежности звуки. Андрей слышал эту мелодию много раз, но раньше она не затрагивала его и не волновала, сегодня же она воспринималась как что-то неотделимое от него самого, от его мыслей, его настроения.

«Теперь всё кончено, — думал Андрей. — Всё кончено. Пройдут дни, годы... А Таня навсегда, навсегда потеряна... Жить без неё? А сердце всё будет ныть и ныть!».

Чья-то рука осторожно коснулась его локтя. Перед ним

вся в инее и от этого ещё более красивая стояла Таня. Андрей, казалось, не обрадовался — он только молча сдвинул брови. Таня тоже молчала: не оправдывалась, не просила прощения. Она просто прижалась к его плечу, не обращая внимания на его хмурый вид, и, как замороженная, слушала чудесную музыку, доносившуюся из репродуктора.

Это был «Элегический полонез» Огинского.

Они пошли по аллее седых, словно изваянных берёз. Неприятный, но холодный ветер обжигал лицо. Таня плотнее прижалась к Андрею, сунула руку к нему в карман.

«Милая, чуткая, единственная моя, и тебя тревожит эта волшебная музыка. Ты тоже любишь меня!» — думал Андрей, с нежностью глядя на осеребрённые инеем завитки её волос и ресницы.

Неожиданно маленький чёрный комочек вынырнул у них из-под ног и испуганно запрыгал по дороге.

— Галчонок, — вскрикнула Таня и бросилась его ловить. Но Андрей уже нагнал обессилевшую от холода и голода птицу и подал её Тане.

— Бедненький, холодненький, — говорила Таня, одной рукой крепко прижимая к себе птицу, а другой согревая её закоченелые лапки.

— Что же ты с ним теперь будешь делать? — спросил Андрей.

— Отнесу домой, согрею, накормлю, а когда поправится, выпущу, — ответила Таня.

— Не забудь напоить его горячим чаем, — пошутил Андрей.

— Что ты смеёшься? Ведь жалко его, бедненького.

— Да, жалко, — ответил Андрей и грустно усмехнулся: — А человека, говорят, не надо жалеть, не следует унижать его жалостью...

— Ну, прости, прости меня, — прошептала Таня.

— Я говорю не только о нас с тобой, — возразил Андрей, пытаясь уклониться от неприятного разговора, но Таня перебила его.

— Ты же сам виноват, Андрей! Ты сам изобразил меня этой выскочкой!

— Ведь я говорил тебе, Таня, я тебя много раз предупреждал, а ты отмахиваешься, будто всё это мелочь.

— Ты мне ничего не прощаешь... Ты просто не любишь меня! — сквозь слёзы сказала Таня. Уже забытая обида вспыхнула в ней с новой силой, и она не могла сдержаться.

— Таня, Таня, ты сама, ведь, понимаешь, что это неправда, — тоже разгорячась, говорил Андрей. — Я люблю тебя и буду всегда любить».

Но Таня не слушала его:

— Тебе не нравится, что я — секретарь, а ты — всего лишь член комитета! Зачем же ты голосовал за меня? Постеснялся поднять за себя руку?

— Таня, перестань! Что ты! — воскликнул Андрей, но Таня уже мчалась к входной двери.

Резко звякнула задвижка, и Андрей остановился перед захлопнутой дверью.

Ветер бросил ему в лицо горсть колючего снега...

* * *

Вечерами, возвращаясь из школы, Андрей и Саша любили беседовать о своих интимных делах. Саша обычно рассказывал о новых увлечениях, которые у него довольно часто менялись, Андрей добродушно подсмеивался над ним.

Познакомясь с пригланувшейся ему девушкой, Саша жертвовал ей всё свободное время, пропускал занятия, даже опаздывал на работу. Но быстро испарялась очередная любовь, и восторженные похвалы сменялись разочарованными изречениями о том, что «у девчат все мысли в конце концов сводятся к замужеству» и что «любви на свете не существует».

Андрей не спорил, но думал, что если у него и будет любовь, то ещё очень нескоро. С первых дней знакомства у него складывались такие непринуждённые, товарищеские отношения с девочками, что и мысль о возможности любви казалась смешной.

Иначе произошло его знакомство с Таней.

Андрею нравилось её повелительное обращение с подругами; какими скромниками становились в её присутствии ребята... Потом и сам он не мог уже относиться к ней так просто, как бывало к другим девушкам.

Таня несколько лет подряд избиралась секретарём комсомольской организации, на собраниях сидела в президиуме, нередко выступала на городских и даже областных конференциях.

Однажды после очередной комсомольской конференции был устроен вечер отдыха молодёжи. Андрей стоял возле входа. Зал ещё только начинал заполняться, и было видно, как то в одном конце, то в другом появлялась лёгкая,

стройная, по-хозяйски суетливая Таня. Вот она разогнала столпившихся в углу ребят, мелькнула среди танцующих пар и остановилась перед Андреем.

— Ты почему без комсомольского значка? — спросила она строго, на ты, несмотря на то, что разговаривала с ним впервые.

Со всеми комсомольцами она держалась подчёркнуто просто, обращаясь на ты и к девушкам, и к ребятам.

Вопрос был неожидан. Андрей вообще не думал, что она его заметит, и смутился. Таня видела это, но не захотела показать, что замечает.

«Вот ещё глупости! — казалось, говорил весь её вид. — Я знаю, что нравлюсь тебе, но я не простая девчонка, а секретарь комсомольской организации. Я имею право делать замечания и называть всех на ты. И нечего от этого смущаться!».

Стараясь держать себя как можно независимее, Андрей ответил:

— У вас такая строгая дисциплина, что некоторые даже на пальто значки носят.

Таня обиженно надула губки, пытаясь сохранить строгий вид, но не выдержала и улыбнулась.

— Не говорите глупостей, молодой человек, — сказала она, — и чтобы больше мне в таком виде на глаза вы не попадались! А сейчас пойдёмте-ка со мной танцевать.

Андрей танцевал, старательно оберегая её от толчков. А Таня беззаботно смотрела по сторонам, да время от времени неторопливо откидывала то и дело сползавший на лоб вьющийся локон.

... В один из последних дней сентября Андрей и Таня медленно брели по опустелому парку. Таня только что вернулась из дома отдыха. На груди её, рядом с комсомольским значком, пестрел маленький, похожий на брошку, значок чехословацкого союза молодежи. Таня очень гордилась им и уже успела всем рассказать про знакомого чеха-студента, серьёзного и очень умного, который в знак особого уважения подарил ей этот значок.

Осень была в разгаре. В пышном яркожёлтом наряде застыли тоненькие берёзы, вдоль ограды красным огнём пылал боярышник. Только высокие, могучие тополи шелестели ещё зелёной листвой. И хотя небо было по-летнему голубое, но в этом разнообразии красок было что-то осеннее, грустное.

Таня шла по тропинке, глядя на шуршащие под ногами жёлтые листья, и густо декламировала:

Унылая пора, очей очарованье,

Андрей в тон ей продолжил:

Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса.

— О, да ты, оказывается, не только хороший математик, как рассказывал Саша, но в душе и поэт, — перебила его Таня.

Поднимаясь меж кустов на невысокую горку, она не то сочувственно, не то насмешливо продолжала:

— Но лучше тебе быть математиком, чем поэтом. У математика всё точно, всё ясно, как и должно быть у настоящего мужчины. А поэты вечно чего-то ищут...

— Ну и что ж, — ответил Андрей, — в этом и счастье! Искать... и находить! По-моему, писатели и поэты самые счастливые люди. Конечно, те, которые находят...

— Во всяком случае, — возразила Таня, — у математиков счастье прочное, ясное, уверенное.

— Неправильное у тебя понимание о математиках. Они тоже ищут, тоже блуждают.

— Вообще, что такое счастье? — помолчав, спросила Таня.

— Счастье? — переспросил Андрей. — А вот счастье как раз в том и заключается, чтобы искать и находить!

— Искать и находить, — медленно повторила за ним Таня.

— Можно представить идеальный случай: спокойная, интересная работа, верная, любящая жена, — продолжал свою мысль Андрей. — Кажется, чего же лучше? Любим, приносишь пользу обществу. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — большего нечего и желать... И всё-таки жизнь с борьбой, с огорчениями, с неудачами, с исканиями — вот какой я хотел бы жизни, а не такой спокойной идиллии. Спокойствие — это счастье для стариков.

Таня рассеянно смотрела с горы на пёстрый, будто обрызганный разноцветными красками парк. Потом, словно стряхнув с себя задумчивость, запела:

— «Не пой, красавица, при мне», — неожиданно вставил Андрей, и оба, взглянув друг другу в глаза, весело и громко рассмеялись. Обоим вдруг захотелось веселиться, бегать среди расцвеченных нарядных кустов, делать что-нибудь детски-озорное.

Что с того, что осень? Мы счастливы, молоды, полны энергии. Надо жить: работать, думать, смеяться, грустить и вновь смеяться! А осень, зима, весна — всё это пойдёт своим чередом.

Таня потянула Андрея за рукав и стремительно побежала вниз. Андрей бросился вслед за ней, но, увидев за кустом акаций её раскрасневшееся от бега лицо, схватился за какой-то сук и, резко повернувшись, неожиданно налетел на Таню.

Рука его неловко обняла её стан. Встретив удивлённый, любопытный взгляд Тани, он густо покраснел и отвёл руку. Тогда Таня спокойно, неторопливо притянула его голову к себе и крепко поцеловала в губы. Андрей обмер от неожиданности, а когда пришёл в себя, Таня уже вырвалась из его рук и с хохотом ринулась вниз, к ограде.

Не зная, как себя вести, обрадованный и смущённый, Андрей не мог взглянуть ей в глаза. А Таня сорвала два листка боярышника и прижала к его щекам.

— Ты такой же красный, как эти листья, — усмехнулась она. — Эх ты, поэт! — и снова поцеловала его в щеку, туда, где был приложен листок.

С тех пор прошло только полгода. И вот сейчас он стоял перед захлопнутой дверью...

«Эх ты, поэт!» — всплыли в памяти насмешливые слова.

Андрей ни в чём не винил Таню и не пытался разобраться, виноват ли сам. Он только ощущал огромную утрату, которая в пылу раздражения представлялась ему окончательной, навсегда.

— Таня, Таня, ну как мне теперь без тебя? — произнёс он шопотом. — Люблю я тебя, Таня. — Потом, будто вслушиваясь в звучание её имени, повторил: — Таня, Таня, люблю...

Кровь стучала в висках. В голове гудело. Он приложил к вискам снег, потом потёр лоб мокрыми холодными руками и, чувствуя, что стало трудно дышать, расстегнул ворот.

На другой день Андрей неожиданно заболел.

Он лежал, закрыв глаза, в забытьи, когда, наконец, к нему забежала Таня. Неловко поздоровавшись с родными, — на этот раз изменило ей обычное умение держать себя непринуждённо в любой обстановке, — она подошла к Андрею и долго стояла, вглядываясь в его бледное лицо. Потом присела на край кровати, положила на его лоб холодные руки.

— Андрюшенька, милый, это я во всём виновата. Я наговорила тебе глупостей, — шептала она, с трудом удерживая слёзы. — Прости меня. Я так себя ругаю. Я сама не знаю, как всё это получилось.

— Ничего, ничего, пройдёт, — прошептал Андрей.

— Я буду часто ходить к тебе, читать тебе вслух, ухаживать за тобой, — продолжала Таня. — Ты знаешь, галчонок у меня совсем поправился и улетел. Так вот и ты, полежишь немного и поправишься, будешь здоровым, весёлым, и мы никогда больше не станем огорчать друг друга. Правда, родной мой?

Она сходила на кухню, принесла мокрое полотенце и положила ему на голову. Потом долго и ласково, как ребёнку, рассказывала про знакомых ребят, про работу нового контрольного поста. Когда Андрей заснул, она на цыпочках вышла на кухню и ещё долго шепталась там с его матерью.

Утром, осунувшийся, но весёлый, он ходил из комнаты в комнату, перебирая свои книги, просматривая принесённые Сашей конспекты. После долгого лежания в кровати не терпелось поскорее выйти на улицу. Он попросил мать пришить к кителю чистый подворотничок и начал одеваться, чтобы самому сходить на приём к врачу, но тот неожиданно приехал и предложил ему немедленно лечь в больницу. У Андрея обнаружился туберкулёз.

Уже из больницы Таня получила от него письмо.

«... Мне всегда казалось чудом, что ты любишь меня, — писал Андрей. — У тебя всегда было столько поклонников, красивых, остроумных! Почему ты выбрала меня, ничем не выдающегося, незаметного, а теперь ещё и «чахоточного»? Иметь больного мужа: он будет чахнуть, постепенно угасать, а ты будешь мучиться своим бессилием ему помочь.

Лекарства, стояние у больничного окна, бессонные дежурства у кровати и вечный страх за здоровье, за жизнь мужа — нет, я не хочу от тебя этой жертвы! Я не могу обречь тебя на такое мученичество! Ты возразишь, что настоящая любовь способна выдержать любое испытание, что в испытаниях она закаляется и крепнет. Но ведь здесь не испытание, а безнадежное, беспросветное самоотречение от жизни!

Прости меня, Таня, за все обиды и переживания, которые принесла тебе моя неудачная любовь! Я такой несчастливый! Считаю, что я умер для тебя. И не пытайся встретиться со мной!

Если ты и придёшь сюда, я к тебе всё равно не выйду», — решительно заканчивал Андрей.

Медленно, однообразной чередой проходили больничные дни. Вместе с горечью неожиданно свалившегося несчастья ушла и былая решительность. Отказ от любви во имя счастья любимого человека, совсем недавно представлявшийся единственным справедливым решением, теперь казался просто красивым жестом, благородным, но неправильным.

Андрей старался уверить себя, что так должен поступать любой честный человек, что нужно собрать всю силу воли, переломить себя, но не дать глупому сердцу испортить жизнь другого человека.

Таня не являлась. И с каждым днём всё больше овладевало им беспокойство.

«Ведь если Таня любит, разве может она быть действительно счастлива без меня?» — эта мысль становилась всё отчётливей, всё беспощадней. Он гнал её от себя, но через мгновение снова перед ним возникала Таня. Праздничная, сияющая, она придёт, несмотря ни на какие его запреты! И только посмеётся над его «благородным» поступком! Как солнце, она придёт и развеет ночной кошмар.

А болезнь? Так, может быть, и правду говорят врачи, что она только начинает развиваться, и ещё можно её вылечить?

Но дни проходили за днями, за окном из-под ослепительно белой снежной скатерти выступали чёрные проталины, а Таня всё не приходила. Андрей выписался из больницы и по совету врача, получив перевод, уехал на одну из станций Оренбургской железной дороги, где у него жили родственники.

Стояла глубокая осень. После докучливых непрерывных дождей ударил наконец мороз.

Ещё вчера грязь хлюпала под ногами, а сегодня причудливо застывшие комки её не таяли, а только с лёгким хрустом прогибались под ногами.

Андрей и Саша, прогуливаясь по скверу, жадно вдыхали сухой, морозный воздух, подставляя лица бодрящему свежему ветерку.

Андрей только что приехал в отпуск. По дороге он уже твёрдо решил, что если Таня и встретится, он отвернётся от неё и уж ни в коем случае не подаст ей руку.

Но всё вокруг было такое прежнее, до боли знакомое: аллея с двумя рядами ровных молодых берёз, скамейка, возле которой два года назад Таня подобрала замёрзшую галку... И даже лужи на тех же привычных с детства местах. Казалось, их можно обойти с закрытыми глазами.

Андрей несколько раз ловил себя на том, что он всматривается в прохожих и ждёт, не пройдёт ли случайно Таня. А Саша либо не понимал его состояния, либо сознательно избегал упоминать о Тане.

— В субботу с одной девочкой познакомился, — посмеиваясь, рассказывал он.

— Надолго ли?

— Наверно ненадолго, — откровенно признался Саша. — Глупая она. Дура дурой, а тоже из себя шибко грамотную изображает. Она, видишь, и на танцы ходит музыку слушать! А какая на танцплощадке музыка?

— Знаешь, что она глупая, так зачем тебе с ней ходить? — спросил Андрей. — Брось — и всё тут.

— И брошу. Только сначала надо другой девчонкой обзавестись!

— Да никем не обзаводись, — возразил Андрей. — Дружи со всеми одинаково. И вообще, любви на танцплощадке не ищут.

Глядя на выстроившиеся вдоль аллей берёзки, Андрей отчётливо, как будто всё это было только вчера, вспомнил прогулку с Таней: и волшебные стихи Пушкина, и первый поцелуй, и огненно-красные листья боярышника. Тогда всё было расцвечено пёстрыми красками ранней осени, а сейчас деревья уже сбросили свой пышный наряд и стояли обнажённые, чёрные, только белые стволы берёз скрашивали их унылое однообразие. Неяркое осеннее солнце силилось,

но не могло растопить тонких корочек льда на оставшихся после дождей лужах.

Внимание Андрея привлёк морской офицер. Он широко шагал прямо через лужи, придерживая левой рукой кортик. Что-то знакомое было в его лёгкой походке, в гордо поднятой голове. Держась за его рукав, за ним едва поспевала молодая, полная женщина. Андрей скользнул взглядом по её лицу в коричневых пятнах и чуть не вскрикнул. Таня!

Так вот почему Саша так упорно избегал о ней говорить! Кровь хлынула Андрею в лицо, он даже ничего не смог произнести в ответ на смущённый кивок Тани. Сердце тревожно дрогнуло и заняло знакомой мелодией «Элегического полонеза». И нельзя было определить: то ли эти звуки приходили откуда-то извне, то ли затаённо в нём жили, то ли воскресила их эта уходившая вдаль фигура, самая близкая когда-то и самая чужая теперь.

— Это Жорка Платонов. Помнишь, курсантом ходил, с гитарой, — как бы стыдясь перед Андреем за Таню, угрюмо произнёс Саша.

Андрею вспомнились отбивающие чечётку ноги в широких отутюженных брюках. Андрей встречался с ним на одной из вечеринок у Тани. Жорка пел какие-то нелепые песенки о «штурмане Билли» и о «японке», аккомпанируя себе на гитаре. Потом лихо отплясывал чечётку.

Андрей тогда отвернулся — ему почему-то неловко и стыдно было смотреть на этот чванный самодовольный облик. Даже тщательно подогнанная форма и с чисто флотским шиком отутюженные брюки производили отталкивающее впечатление.

Андрей тряхнул головой, стараясь отогнать неприятное воспоминание, но в воображении вновь возникла полная, неуклюжая женщина, так непохожая на стройную девушку, которую он когда-то любил. Она плыла, плыла, будто плясь от Жорки...

— Ишь, какого «индюка» поймала, — неприязненно сказал Саша. — Два сапога — пара. А дома постоянно грызутся.

Саша помолчал, ожидая, что ответит Андрей.

— Не стóбит она тебя. Ей лишь бы порхать, как бабочка, и чтобы все ею любовались, — продолжал он. — Да только теперь не любитесь никто. С такой ведь только праздничать хорошо. А случись что серьёзное, так и сле-

тит с неё, как с бабочки пыльца, вся её привлекательность. Останется самая пустая обывательница.

Андрей сидел молча. Саша положил ему руку на плечо.

— А всё-таки завидую я тебе. Я, кажется, вообще не способен любить по-настоящему.

— А может и не было ничего? — наконец произнёс Андрей. — Ну, нравился немножко, а теперь вот нет. — Андрей говорил, пристально разглядывая на земле одну какую-то точку. Потом медленно поднял голову.

Осень. Опадают последние листья. В мутно-сером небе тускло просвечивает солнце. В неярком, скупом свете его что-то прощальное, как последний взмах руки из окна убегающего вдаль вагона.

Ф. ГОЛУБЕВ

РОСТКИ

Ещё ручьи не брали здесь разбега,
И не вскипали воды у реки,
Но я вчера увидел — из-под снега,
Несмелые, проклюнулись ростки.

Под светом медленным зари багряной,
Сердцам людей безмерно дорогй,
Ростки тянулись на простор упрямо,
Вечернему морозу вопреки.

А поутру и солнце появилось,
Лучами приласкало их. И вот
Гляди, как озимь гордо распрямилась,
Нам обещая урожайный год!

ПОД НОВЫЙ ГОД

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали.
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали.

В. Жуковский.

Нет, у нас в селе под Новый год
Девушки о счастье не гадали.
Не бросали туфли, а, наоборот, —
Новые на праздник покупали.

По деревне с песней шли домой,
Тихо звёзды с высоты сияли.

Пела рядом звонкая гармонь,
Женихи на улице гуляли.

Вот они, ребята на подбор!
Лучшие из лучших в сельсовете.
Тракторист, механик и шофёр —
Краше не сыскать судьбы на свете.

Нет, неправда, в этот вечерок
О судьбе девчата не гадали,
Туфелек они через порог,
Как бывало прежде, не бросали.

Что гаданье? Знают наперёд:
Если б не любили, — не встречали...
Наши девушки под Новый год
С женихами в клубе танцевали.

НА РОДИНЕ

Как припсмно всё былое,
Сразу встанет предо мною:
Городок над речкой малой,
Вдаль — болото без конца.
Мой отец сидит усталый,
Курит трубку у крыльца.

Он у самого болота
В небольшом домишке жил.
Честно день и ночь работал —
Всё людей перевозил...
Русский город, до чего же
Изменился ты сейчас!
Стал приветливей, моложе
И милей мне во сто раз.

Я стою. Сверкают воды:
Море Рыбинское спит.
В окнах нового завода
Свет немеркнувший горит.
Скоро утро. Вздурожат
Тишь фабричные гудки.
Чуть волнуясь, диктор скажет:

«С добрым утром, земляки!»
И отец мой спозаранок
Выйдет к морю, на причал.
Он теперь уж капитаном
Корабля большого стал.

НА УЧЕНЬЯХ

Значит снова рассвет,
Значит снова в поход.
Грязь месит сапогами,
Полк гвардейский идёт.

В сизой дымке деревья,
Пахнет свежей травой.
Остаются строенья
У нас за спиной.

Нам учиться в широкой
Степи воевать,
С ходу брать укрепления,
У костра ночевать.

Нам в атаку бросаться,
Бездорожьем идти
И форсировать реки
На опасном пути.

Нам на горы взбираться,
Может, тысячи раз,
Чтобы выполнить с честью
Командира приказ.

Вот взлетела ракета...
«Полк в атаку!.. Вперёд!..»
Где-то грохнула пушка,
Застрочил пулемёт.

И над ближней высоткой,
С ходу занятой нами,
Как заря, заплескалось
Наше славное знамя.

ЖИВОЙ РОДНИК

Он в горах живую струйкой бьёт,
Как струна серебряная, тонкий.
О таёжной стороне поёт
С давних лет и молодо, и звонко.

Я легенду слышал здесь о нём:
В девятнадцатом году метельном,
Партизан в сражении одном
Вражьей пулей ранен был смертельно.

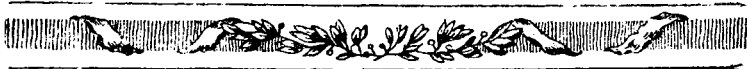
Долго полз без тропок и дорог,
Кровь сочилась из глубокой раны,
И, когда совсем уж изнемог,
Он родник заметил средь поляны.

Шлем армейский с головы сорвал
И в какой-то миг неповторимый
Он губами к роднику припал,
Как ребёнок к матери родимой.

И испил он лишь один глоток,
Радостным волнением охвачен,
Как прошлась по телу, будто ток,
Струйка жизни молодой, горячей.

А потом, поднявшись, он глядел
В небо, что от бури колыхалось.
И ушёл туда, где бой кипел,
Где судьба родной страны решалась.

Говорят, что пуля не брала
Партизана: смерть его щадила.
Потому, что в роднике была
Родины живительная сила.

Н. БЕЛЯЕВ

НОВАЯ ТРОПА

(Рассказ)

Лесным просёлком размашисто шагает молодой человек чуть выше среднего роста. По тому, как он уверенно находит удобную тропинку, чувствуется, что эти места ему давно знакомы, а хорошо пригнанное обмундирование и добротные кожаные сапоги выдают в нём ротного старшину.

Павел Ломов возвращается из армии. До Сосновой Гривы, где его ждут — не дождутся родные и Анята, осталось двенадцать километров. Солнце, выглянувшее почти из-за горизонта, косо брызнуло на лужи, заглядевало дорогу и скрылось. Стало сумрачно. Павел прибавил шагу.

В голове у Павла неотвязные мысли о доме, о решении обосноваться в казахстанском колхозе, где живут родные Буйрабека Шамурзина. Колхоз, рассказывал Буйрабек, крепкий, край привольный, работы много. Всё хорошо, удастся ли только уговорить старушку покинуть насиженные места? Анята, пожалуй, легче согласится. Анята, Анята! И не знаешь ты, как я близко: знала, так выбежала бы встретить...

Помнит Павел, как последней ночью перед отъездом в армию до зари ходили они за огородами у гумен. К утру стало холодно: крупной росой лёг на землю густой туман. Промокшую и иззябшую, согрел Павел Аняту своими большими руками, заглядывая в её счастливые глаза. Помнит, говорил ей тогда:

— У тебя глаза, как этот туман: ни серые, ни голубые.

Она в ответ смеялась, а Павел наказывал:

— Не забывай, Анята!

... Коротки осенние вечера. К Сосновой Гриве Павел подошёл уже затемно. По всей деревне огни. Тёмное небо надвинулось на строения, притискивая их к земле. Яркими косыми квадратами отпечатались на траве освещённые окна. На улице ни души.

Павел завернул к крыльцу своей избы и постучался. Скрипнула дверь, в сенях мелькнул свет, и знакомый голос спросил тревожно и чуть тягуче «кто та-ам?». У Павла сдавило горло, и он хрипло ответил:

— Мам, открой... Это я!

На голос выскочила из комнаты сестрёнка. Нина отодвинула засов, открыла дверь, Павел поднялся в сени, а мать, с лампой в руке, растерянно улыбалась. По морщинистым щекам её текли слёзы.

— Пашенька! Да как же это ты?.. Не написал ничего, заждались мы.

Через полчаса стали собираться друзья. Первым пришёл Николай Глотов. Он демобилизовался на полгода раньше Павла и теперь состоял инструктором райкома комсомола. Недавно Николай женился. Сейчас он был в шевитовом с иголки костюме, воротник шелковой трикотажной сорочки поверх пиджака, ботинки начищены.

Пошли расспросы, переспросы, новости. Павел поймал себя на том, что прислушивается, не зазвучат ли в сенях быстрые Анютины шаги, и спросил шутливо Николая, живы ли девчата.

— Жениться хочешь? — снисходительно улыбнулся Николай. — Живы и здоровы.

И осекся.

— Ты, конечно, знаешь, что Анюта вышла замуж?

— Поди ты? — не удержался Павел.

— И никуда не пойду! Слышал о зоотехнике Конникове? С неделю будет, как они поженились. Ваниха наварила пива ведер пятнадцать. Расписываться, говорят, будут в городе у его родных. Какая она? Да вроде всё такая же, не изменилась.

Павел умолк. Мечта о Казахстане у него была тесно связана с Анютой. Теперь всё рухнуло. И так неожиданно! Нина и Анюта писали ему, что зоотехник поселился у Анютиной матери, но Павел гнал от себя тревожные мысли. И даже весной, когда переписка с Анютой оборвалась, он счёл это недоразумением. Просто забыла ответить или не получила его последнего письма.

— Каково нынче в колхозе? — переменял тему разговора Павел, стараясь не глядеть на Николая.

Николай рассказал, что дела идут худо, весной избрали нового председателя, а он половину времени проводит с семьёй, которая осталась в райцентре; мало людей, в колхозе новый агроном, «та самая Шурочка Мартьянова, которая тогда была девчушкой...». Павел в это время думал об Анюте, какую её оставил: о девушке с туманными глазами, бойкой и насмешливой при людях и нежной наедине... Николай говорил, что в колхозе, где весь заработок — тридцать дней в месяц, Павлу оставаться не след, что на днях сняли агента райфо по Жеринскому сельсовету, так можно устроиться на его место. Практичный человек Николай.

— Нет, Коля, — устало заговорил Павел, — оставаться здесь я не собираюсь. — Махну куда-нибудь подальше. Один дружок-сержант зовёт к себе в Казахстан. Колхозы у них богатые, не то, что у нас.

Николай присвистнул.

— Вон как? Это уже другое дело. А я думал, ты в нашем колхозе хочешь остаться. Шурочка Мартьянова, кстати, уже пугала твоим приездом бригадира Пахома. Погоди, мол, приедет Пашка, покажет, как надо работать.

В сенях послышались тяжёлые шаги. Следом за Ниной в избу ввалился Ириней Лобансв, которого звали в детстве не иначе, как Ринька-Понимаешь.

— Слышу, понимаешь ты, Пашка приехал. Вот, думаю, здóрово! — загремел он, тиская Павла.

Раньше это была тройка закадычных дружков. Но после возвращения из армии дороги Николая и Иринея разошлись. Николай был недоволен тем, что Ириней согласился стать бригадиром по животноводству, разубеждал его, но ничего не вышло.

— — Не удержится, понимаешь, карандаш в моих рученьках, — смеялся тот, показывая свои огромные лапы.

А когда Николай собирался жениться на смазливой учительке начальной школы Зине, чёрная кошка пробежала между ними вторично. Ириней без обиняков высказал свое мнение:

— И что ты в ней нашёл? Наши девчата, понимаешь, куда интереснее.

С приходом Иринея разговор смешался. После первых воспоминаний о службе, Николай попросил Иринея рас-

сказать о Конникове. Павел промолчал, а Ириной расплылся в улыбке: он не любил зоотехника.

— Я, как демобилизовался прошлой осенью, сразу принял ферму. И творилось на ней такое, что чорт ногу сломит. Раз Буянов вызывает меня в контору, а там этот фертик сидит. Тощий, будто год его, понимаешь, не кормили, в новом костюмчике, ходит, заложив руки за спину, и всё смотрится в туфли. Вот, говорят, новый зоотехник, Сергей Конников, познакомься. Поздоровался он со мной, а потом вынул платочек и руки вытер: скобарь, мол, ты, понимаешь... Для начала Буянов посоветовал ему ознакомиться с нашей фермой и дать свои предложения. Пошли мы с ним на ферму, и всё-то ему не нравится: не тот масштаб. А у нас и в самом деле был не тот масштаб: не в туфельках ходить. Затащил всё-таки его в свинарник, а грязи в коридоре — во! И только две дощечки положены. Показываю всё ему, а сам злюсь: вздыхает, как наша Пеструха во сне... Я возьми, да и крикни Марфе, чтобы она убрала эти доски. Почему, мол, новые, да побольше не можешь положить. Она вытащила доски, да и ушла. Показал я свинарник, выхожу оттуда: только грязь из-под сапогов свищет. А он, понимаешь, вышел сам весь белый, а брюки по колено красные. С того дня и на ферму не показывался.

Ириной расхохотался.

— А у Анютки он прижился. Порассказал о городе, о квартире с масштабами, ну и закружилась у девки голова. Теперь в райком написал: встретили, мол, плохо, условий нет. Норовит снова в город оторваться... Ты что молчишь?

— Устал, Ириной. — Павел слабо улыбнулся. — Давайте-ка отметим встречу.

Он встал и принялся помогать матери накрывать на стол. Ириной и Николай говорили о Конникове, но он уже не слушал... Нина откуда-то принесла пол-литра водки, на столе появилась закуска. Села за стол и Александра Фёдоровна.

Заполночь светился огонёк в избе Ломовых: друзья о чём-то спорили.

Александра Фёдоровна сидела с краю стола и, подперев голову ладонью, смотрела и не могла насмотреться на Павла. Гордость за него поднималась в душе матери: не пропали зря годы службы — вырос и возмужал сын.

Слушая разговор молодёжи, который становился всё громче, она радовалась и пугалась.

Громче всех говорили Ириной и Павел. Лобанов наседал на Павла.

— Не заговаривай мне зубы! Ты, понимаешь, струсил, — гремел он.

— Хватит, Ириной! — рубил в ответ Павел. — Слышал уже. Мне надо жизнь устраивать, а свет клином на Сосновой Гриве не сошёлся. Нечего меня учить. Сам учёный, слышишь?

* * *

Сергей Конников и Ирина Гордеева знали друг друга с детства, жили в одном дворе. Нередко, бывало, бойкая Ирка трепала нерешительного Серёжку, который любил задирать её подружек. В старших классах да и поздней, когда стали студентами, они виделись изредка: у каждого были свои друзья. Теперь оба работали в одном районе. Сергей почти в каждый свой приезд в Большедворье заходил к ней. Скучновато было в Большедворье первое время, и радовалась Ирина знакомому.

В этот вечер Ирина составляла план завтрашнего урока немецкого языка в восьмом классе. Сергей сидел рядом, листая альбом с фотоснимками.

Ирина перечитывала фразу про себя, затем читала её вслух, или, как она говорила, пробовала её на зуб и, склонив голову набок, старательно записывала в тетрадь. Неожиданно она рассмеялась.

— Серёга, Серёга! Ты ведь ни черта не смыслишь в немецком языке... Ну, признайся, не смылишь?

— Ну, не смыслю. Я же французский учил.

— А какой это богатый язык! — Ирина закусила нижнюю губу и плутовато ухмыльнулась. — Знаешь, Сергей, в нём есть интересные созвучия с русским. Вот, например, дас пфрпроф, — пробка, значит. Понимаешь?

Сергей ничего не понимал. Он смотрел на вызывающе яркие глаза Ирины, красивый рот, завитки русых волос на лбу.

— А знаешь, что значит «думм»? Слышишь, звучит, как пустая бочка: думм, думм, думм! Ну, как не знаешь? — она так недовольно поморщилась, что Сергей подумал, будто он и в самом деле должен знать, что по-немецки значит «думм».

— Глупый!

— Что? — Сергей робко улыбнулся.

Ирина засмеялась.

— Думм значит — глупый.

— Задира ты, Ирина, — вздохнул Сергей и, быстро придвинувшись, обнял её.

Ирина резко перехватила его руки и освободилась. Она даже не рассердилась, но была удивлена.

— Сергей! Ведь ты женат! И жена хорошая. Что тебе нужно от меня?

— Ира! — взмолился он. — Никто же не будет знать...

Он снова попытался подойти к ней. Ирина поглядела на него в упор. Глаза её потемнели.

— Вот ты каков! Девушку увидел — и слюнки потекли... Уходи сейчас же! Можешь больше меня не навещать! Ну, одевайся!

Она сняла с вешалки его плащ и кинула на стул шляпу.

— Уйди!

На другой день Павел проснулся поздно. В доме уже никого не было. Он умылся, оделся и вышел на улицу. От крыльца врассыпную бросились куры. Крича громче всех, впереди неслись петух. Он взлетел на изгородь, дважды вызываясь хлопнул крыльями и, покосившись одним глазом на Павла, закукарекал. «Ну и храбрый же ты у нас», — усмехнулся Павел.

Стоял один из тех ясных и тихих осенних дней, когда наперекор всем горестям хочется работать, радоваться, жить. Солнце было тёплое, ласковое и непомерно большое.

Павел выходил со своей улицы на дорогу, когда мимо него проехал всадник на рыжем меринке.

— Павлуха, давно ли? — удивился он. — Ну-ка, дай, на тебя погляжу... Здорóво, здорóво!

Павел хорошо знал Петра Николаевича Буянова. Он дружил в своё время с отцом Павла, а после его смерти много помогал матери. Когда Павел уходил в армию, Буянов был председателем соседней артели. Теперь колхозы объединились, и он стал заместителем председателя и секретарём партийной организации... Бывают люди, которых, кажется, не берёт время. Пять лет назад Буянов был точно таким же: та же крепкая фигура, та же густая шевелюра без единого седого волоса. Разве что скулы резче выдаются, да от бессонницы воспалены глаза. «Нелегко, должно

быть, достаётся, а крепок», — подумал Павел, разминая слипшиеся пальцы.

Буянов рассказал, что отправился на исполком, стоит вопрос о сдаче хлеба. Когда Павел спросил, почему не едет сам председатель, Буянов нахмурился.

— Архивариус наш уже три дня в райцентре живёт. Никому не доверяет исполнять колхозные дела: бухгалтеру надо в госбанк — сам едет; меня вызывает райком — и он туда же; совещание агитаторов — опять без Путникова не обойдёшься. Нас в район вызывают, когда нужно и не нужно, а ему предлог, чтобы с женой переночевать... Вот, Павлуха, какие дела... Архивариус почему? — Буянов рассмеялся. — Да это пошло от райкомовцев. До того, как прийти к нам, он был председателем райплана. Чего бы от него ни потребовали, он сразу не скажет «да» или «нет». Сначала пороется в бумажках, да найдёт обоснование. Архивариусом и прозвали его за это.

Слезая с мерина, Буянов вздохнул:

— Тяжеловат я стал для кавалериста... Пойдём-ка, приедем, дело к тебе есть.

Он привязал поводья к колу и, вынув кисет, сел на бревно.

— Куришь?

— Нет, спасибо.

— Молодец! Только курить будешь, — обдумывая что-то, сказал он. — У нас без этого нельзя.

Затянувшись, Буянов повернулся к Павлу:

— Ты ведь бригадиром был до армии, Павлуха?

Павел насторожился.

— Был. А что?

— Вот слушай. Вчера приходил ко мне здешний бригадир Пахом Глотов. Просит: «Ослобони, Миколаевич, от должности: заболел я что-то...». Не иначе, как медвежья хвороба у него: знаешь, бывает с перепугу. Урожай нынче неважный, с хлебосдачей плохо. А ведь колхозники на отчётном собрании спросят... Да нам и не с руки такого держать.

Он повернулся к Павлу и положил ему руку на плечо.

— Принимай-ка, Павлуша, бригаду, — голос его заметно помягчал. — Парень ты молодой, знающий, люди тебя уважать будут. По рукам, что ли?

— Нет, Пётр Николаевич... Ничего не получится. Скоро я уеду.

И Павел рассказал о своём решении ехать в Казахстан. Буянов убрал руку.

— Ты подумай, парень, — голос его утратил задушевность. — На Николку Глотова, что ли, смотришь? Так ведь он сродни Пахому.

Павел вздохнул.

— Не останусь, Пётр Николаевич. Дело решённое.

Буянов поднялся.

— Ну, коли тебе не дорогá родная земля, которая тебя вспоила и вскормила, уезжай, — он глядел на Павла теперь сверху. — Ты уже не писарем ли был в армии?

Буянов повернулся, отвязал поводья и легко взлетел на Рыжка.

— Передумаешь, тогда скажешь...

Буянов, видимо, рассердился не на шутку. Павел почувствовал это и по тому, что Буянов не взглянул больше на него, и как он, никогда не гонявший лошадей, с места пустил меринка вскачь.

На душе было муторно. Не такой встречи ожидал Павел: думал, отдохнёт, побудет вместе с Анютой, поможет матери, поработает немного в колхозе. Теперь он решил уехать немедленно.

«Надо матери сказать», — подумал он и пошёл по деревенской улице.

Сосновая Грива — это деревушка из двадцати рубленых пятистенков, расставленных по обе стороны дороги. Ложбина, которая в половодье и во время сильных дождей превращается в речку, делит деревню пополам. Тридцать лет назад на этом месте шумел бор — «сосновая грива». От этого бора и пошло название деревни, когда в середине двадцатых годов полтора десятка семейств из Корюпина переселились сюда на «починок».

Павел заметил, как обветшала деревня за последние годы. На многих дворах появились соломенные крыши, палисадники запущены. В некоторых домах заколочены окна: хозяева подались на поиски длинного рубля в чужие края.

На улице безлюдно. Лишь возле избы Миши Мартьянова — лесника стоит полуслепая бабка Пашиха и кричит внучке:

— Тамарка! Козлуху уведи в поле!.. Ну, погоди ужо, придёт отец, — она сердито постучала по огороду и, согнувшись, не пошла, а побежала в избу.

Сегодня в сосновогривской бригаде убирают картошку.

В поле шумно и весело, как бывает в деревне в погожий осенний день, когда работы осталось всего на два-три дня. Сюда вышли и школьники, и служащие. Возле весов, поставленных на краю поля, стоит кладовщик дядя Фёдор. Он взвешивает мешки с картошкой, а колхозная машина отвозит их в деревню.

Босоногие деревенские ребяташки, почти все белоголовые, разводят возле изгороди костёр. Так повелось издавна: где взрослые, там и малыши. Хороша картошка, испечённая на костре! Пусть она с одного бока обуглилась, а с другого ещё не допеклась, зато как горяча и вкусна!

Когда Павел подошёл, женщины, сгружавшие мешки, притихли. Он поздоровался со всеми поочерёдно. У весов остановилась машина, из кузова её выпрыгнула девушка с высокой грудью и большими тёмными глазами. Она чинно подошла к Павлу и протянула руку. Это была Шурочка Мартьянова, колхозный агроном.

— Здравствуйте, Павел! Нам поговорить надо. — И отвернулась. — Мишка, ты опять убежал от мамы? Сейчас же иди к ней! Ну?

— Не командуй! — Мишка учился в третьем классе и славился среди ребят своей независимостью. Он медленно повернулся и вразвалочку пошёл по пашне.

— Живей, живей! — приказала Шура.

Мишка обернулся, крикнул «агроном-погроном!» и рванул вперёд. «Наверное, влетает ему от строгой сеструхи», — подумал Павел.

— Чем могу помочь, Шура? — спросил он, сдерживая смех.

— Не могу я управиться одна. Бригадир дал наряд, да и шляется где-то. Убираем картошку с семенного участка, а сортируем плохо, попадает больная. — Заметив улыбку Павла, девушка вспыхнула — заалели и щеки, и уши, и шея. — И Мишка тоже: мама плохо видит, а он картошку печёт, ему хоть бы что...

— Помочь сортировать? Нет, Шурочка, ты мне что-нибудь полегче дай. Вот, например, мешки грузить.

Павел и в самом деле взялся грузить мешки и незаметно включился в работу. Он был доволен собой и чувствовал себя превосходно. Легко перекидывая мешки, ощущал, как застоялась в нём сила, как давно просили мускулы физической работы. Везде он встречался с Шурой, голос которой раздавался то на одном конце поля, то на другом:

то она просит шофёра Михаила поторопить в деревне с разгрузкой, то посылает мальчишек за мешками.

На другом конце участка Павел увидел Ваниху, мать Анюты. У него бешено заколотилось сердце. «Уж не Анята ли с ней? — подумал он. — Не может быть, она же в сельпо работает». И тут же узнал Анюту: она склонилась над корзиной, складывая в неё рассыпанный картофель.

Ваниха взгляделась в ездового и тревожно не то сказала, не то крикнула:

— Анятка!

Анюта обернулась:

— Что, мама? Ой!..

Овладев собой, Павел спрыгнул с телеги, поздоровался с матерью, потом с Анютой. Слезаящими глазами смотрела мать на побледневшего Павла, который был ей больше по душе, на испуганную Анюту и, что-то пробормотав, пошла в сторону...

Анюта уже вчера догадалась о приезде Павла... За окнами была ночь, а ей не спалось. Тихонько, чтобы не разбудить мать, Анюта откинула одеяло и, оправив на горячих коленях рубашку, подошла к окну. Как часто она раньше смотрела отсюда на дом Павла... В этот вечер дольше обычного у них не гас свет. Мимо окон Ломовых к крыльцу прошёл мужчина. Она узнала Иринея Лобанова. Зачем так поздно? У Анюты сразу защемило сердце. Она приложилась горячим лбом к стеклу и неотрывно смотрела на чужие освещённые окна...

Сейчас они молча стояли друг против друга. Павел видел родинку на её лице, лёгкий пушок, ясно заметный на румянце, милые затуманенные глаза. А может быть, это его глаза затуманились?

Анюта вытерла торопливо руки, запачканные землёй, о ситцевый фартук и принуждённо улыбнулась.

— Что так глядишь, узнать хочешь?

— Как же это, Анята, получилось? — неожиданно для себя спросил он. — Красивой жизни захотелось, на город озарилась?

— Не попрекай, Павел, городом... Это дело моё. — Она торопилась, будто боялась, что не успеет всего высказать, и визгливые бабьи нотки, каких он не замечал раньше, поразили Павла. — Рыба ищет, где глубже...

Павел отметил сходство с Конниковым: «не тот масштаб». Он не замечал, что эти мысли похожи и на его

собственные, а если бы ему это сказали, он искренне возмутился бы.

— Век мне прикажешь здесь чахнуть, да? Сам, небось, тоже лёгкой жизни ищешь... Слышала, уезжаешь...

Павел был ошарашен. Вчерашние слова Ирины Лобанова он не принял всерьёз. Мало ли что на шумит Ириной, он бузотёр известный. Но сейчас то же самое сказала и Анюта...

Павел повернулся и молча пошёл к своей телеге. «Вот и встретились после долгой разлуки», — грустно думал Павел, идя за лошадью. На середине загона он встретил Лобанова, пахавшего бугор. Ириной взглянул на него хмуро.

— Не вытерпел! Пришёл, понимаешь, себя показать, — загудел он.

— Пошёл к чорту, Ириной! — тихо сказал Павел и выразительно посмотрел на него.

Ириной так навалился на плуг, что из-под лемеха по полз пласт подзола. Лошадь остановилась.

— Ну, сатана!

Вслед за Иринею отваливал бугор Николай.

— Шумит? — улыбнулся он Павлу.

Николай работал хорошо, на совесть, но так работает человек, который знает, что завтра или послезавтра он займётся своим делом. Когда Шура пожаловалась, что плохо отбирают картошку, он сказал ей:

— Уймись, Шурка, картошки тут хватит на три колхоза...

К вечеру поле стало редеть. Многие женщины под разными предлогами ушли домой пораньше.

Шура подошла к Павлу:

— Видишь? Сейчас на своих огородах будут...

Домой возвращались поздно вечером. Женщины ушли впереди. С ними была и Анюта. Павел больше к ней не подходил. За ними пошли Ириной и Николай.

Только ребяташки остались в поле. Теперь с ними были и подростки. А коноводил Мишка. После ухода взрослых у них началось самое торжество. Они нашли где-то старый чугунок, наполнили его картошкой и, перевернув, засыпали углями. Теперь они ждут, рассевшись вокруг костра. Мишка начинает одну из своих страшных сказок, остальные сидят и ловят каждое слово, каждое движение губ, глаз и рук. И чем страшнее, тем интересней...

Когда поднимались к деревне, Ириной спохватился:

— Где же наш экскурсант?

И, оглянувшись, увидел, что Павел идёт рядом с Шурой с другого конца поля. Шура что-то рассказывала Павлу, тот слушал и смеялся. «Обо мне, наверное. Лучше бы уж он уехал», — тоскливо подумал Ириной.

Разговор в самом деле касался и его. Шура жаловалась, что работают в бригаде плохо, а бригадир — мямля.

— Видел, как наш Пахом прикатил на поле к концу работы? Знал, что Буянов из райисполкома поедет и зайдёт на поле.

— Видел, — ответил Павел. — Прибежал запыхавшийся: «Весь день бегаю, ноженькам покою нет...». А морда заспанная, глаза на белый свет не глядят.

Когда Шура заговорила, что плохо работает комсомольская организация, Павел спросил, кто секретарь.

— Ириной... На МТФ у него порядок, а комсомольский вожак из него не получается. Рвёт и мечет, а пользы мало. Я думаю, собрание созвать надо, да по душам поговорить. И обязательно пригласить Николая и остальных, кто отгораживается.

Павел был благодарен Шуре, что она ни словом не обмолвилась об Анюте, хотя видела, что на нём не было лица, когда он привёз мешки от Ванихи. Она советовалась с ним, как с другом. От этого Павлу становилось легче.

— Погляди на мостик, — снова заговорила Шура, — сломали месяц назад. Недавно тут рессора лопнула у нашей машины. Шофёр Михаил переругался чуть ли не со всеми членами правления, а толку мало. И не исправят, пока машину или лошадь не покалечат.

— Почему же так?

— Бесхозяйственность, понимаешь, — передразнила Шура Ириная, и оба расхохотались.

Павел уже подходил к дому, когда его догнал на Рыжке Буянов. Он обратился к Павлу, будто между ними ничего не бывало.

— Значит, Павлуха, принимаешь завтра бригаду?

Павел почувствовал, что Буянов в хорошем настроении. Ему хотелось засмеяться, но ответил уклончиво:

— Подумаю, Пётр Николаевич.

По губам Буянова скользнула улыбка. И спряталась в усах.

— Подумаешь — значит примешь. Я так и знал. Иначе не могло быть.

И, наклонившись к Павлу, будто сообщая секретную новость, добавил:

— Ведь нашего-то Архивариуса взгрели... Может, и на пользу пойдёт... А ты завтра принимайся, с председателем я говорил, на-днях соберём правление. Всех людей на картошку, а машину — в Корюпино, хлеб везти. Мы ещё должники, Павлуха.

Вечером Николай снова был у Павла. Вспомнили детство, уехавших друзей, поговорили о делах. Павел рассказывал о загранице. Александра Фёдоровна с трепетом прислушивалась к голосу сына и всё боялась, что он вот-вот заговорит об отъезде.

А Павел был весел. Он думал, что скоро напишет письмо Буйрабеку, что завтра Ириной Лобанов, который вечером даже не зашёл, расплывётся в большой и хорошей улыбке: «здорово, понимаешь!..».

Когда друзья ушли, Павел подошёл и обнял мать. Она испугалась: сейчас скажет...

— Мам! С завтрашнего дня я бригадир. Буди меня раньше, пойду наряд людям давать.

Мать заплакала:

— Пашенька, как хорошо-то!

* * *

В трубе тоскливо гудит ветер. На улице разгулялась декабрьская метель. В комнате темно, и только середина её освещена неровным дрожащим светом: в лежанке лениво разгораются поленья. Павел растянулся на полушубке перед лежанкой и, не мигая, глядел на огонь.

Он только что пришёл из колхозной конторы. Правление решило отправить его на шестимесячные курсы руководящих колхозных кадров. Весной будет горячее время, каждый человек на счету, но ничего не поделаешь. Надо учиться, колхозники прочтат Павла в председатели.

Как быстро всё-таки летит время! Давно ли, кажется, он был энергичным, вездесущим старшиной, которому подражали в манерах сержанты и подчас побаивались его, а теперь... Новая работа и новые заботы целиком захватили Павла. Анята уехала, семейная жизнь, говорят, у неё не ладится. Да теперь и Анята уже стала далёкой.

Учиться! Павел поднялся и зажёл лампу. Отодвинув на

край стола стопку книг, он вырвал из тетради листок и на минуту задумался. Неторопливо заскользило перо.

«Буйрабек, чортушка!

Напрасно ты обижаешься, никто меня не опутал. Я нашел как раз то, что мне было нужно: работы горы».

Павел писал, обдумывая каждое слово. Закончив письмо, он встал. Надо зайти к Шурочке: сегодня у неё, наверное, опять было занятие с молодёжью по агротехнике. Узнать, как оно прошло, да... и уезжать ведь скоро придётся.

Заботливо притворив дверь в сени, Павел вышел на улицу. Вьюга бесновалась. Не успеешь пройти, как она заметёт следы. Павел запахнул полу шинели и упрямо пошёл против ветра, прокладывая новую тропу.

С. КОЗЛОВ

АНГЛИЙСКОМУ СОЛДАТУ

Кончив бой, мы вместе пили виски,
Над землёй сгушалась тишина.
Разве ты забыл, солдат английский,
Как закончилась тогда война?
Вспомни горизонт огнём объятый,
Мрачный, полыхающий Берлин,
Где тебя — британского солдата —
Встретил я — советский гражданин.
Было нам тогда легко и просто
Дружески о многом говорить:
О солдатской славе, о героизме
И о том, как надо в мире жить.
Ты сказал, что очень много горя
С детства испытал в родной стране...
И рождалась в нашем разговоре
Правда, что нужна тебе и мне.
Русские летали самолёты —
Улыбаясь, ты кричал: «О кэй!»
Бережно показывал мне фото
Двух твоих малюток-дочерей.
Да, солдат, я не забыл их — помню.
Память у меня с тех пор острее...
Потому подумать нелегко мне,
Что очаг войны в стране твоей.
Может, ты поверил в злые речи
Тех, кто предал твой родной народ?
Ты забыл о той горячей встрече,
В тот победный, незабвенный год?

Нет! Не так. Я не могу поверить.
Ты, я знаю, помнишь обо мне,
Ты пред миром не захлопнешь двери,
Преградишь ты сердцем путь войне.

ОСЕНЬ

Не за грусть твоего листопада,
Не за хмурое небо люблю тебя я,
Не за птиц, что над полем, над садом
Улетают в чужие края.
Я люблю тебя за косматые
Скирды сена за нашим селом,
За богатые закрома твои
С самым лучшим, отборным зерном.
За бензиновый запах над трактором,
За полёт косачей над притихшим леском,
За гуденье далёкого трактора,
Поднимающего чернозём;
И за пламень рябины у дома,
И за солнечный луч на стерне золотой,
За уверенный шаг агронома
По распаханной шире степной.

НАХОДКА

(Рассказ)

В избе пахло вымытым полом и ещё чем-то очень знакомым. От снежнобелой русской печи веяло июньским теплом.

— Проходите, проходите, — говорил певучий приветливый голос, — раздевайтесь, Тамара... как вас по батюшке-то? Уже позабыла. Тамара Сергеевна. Присаживайтесь. — Приземистая круглолицая хозяйка в белой кофте проворно забежала по избе: схватила шаль и фуфайку, лежавшие на скамье, мигом прибрала кое-что на столе, что-то невидимое смахнула полотенцем с жёлтой табуретки.

Снимая тулуп и пальто, Тамара попросила хозяйку не беспокоиться, неловко потрепала закоченелой рукой лохматого мальчугана лет десяти в чёрной ситцевой косоворотке, сказала: «Что смотришь?» — и подошла к зеркалу.

— Сейчас я поставлю самоварчик. Обряжалась ещё вот... Я — быстро. Вы тут по-домашнему, — сказала хозяйка и, схватив одной рукой вёдра, другой — коромысло, вышла.

Мальчуган, подперев досчатую переборку плечом и ногой в подшитом валенке, недоверчиво спросил:

— Ты теперь главная агрономша в мэтэесе? Да?..

— Да, мальчик, я.

— Ты будешь у нас ночевать, да?

— Как тебя звать-то?.. Петей? Пошёл бы ты, Петя, ко мне в помощники? А?

Петя не ответил, и оба умолкли. Внимание Тамары привлёк большой ком чего-то белого в железном тазу, стоявшем возле печи.

«Что же это такое? — подумала она. — Бело, как снег, но не снег!».

Она склонилась над тазом. В следующий миг, подбежав к лампе, она жадно рассматривала содержимое таза: большой белый ком, три сероватых комочка с кулак и такого же цвета порошок по всему дну таза. Петя, с раскрытыми от страха глазами, крался вдоль переборки, прижимаясь к ней спиной. Уронив что-то, он шмыгнул в чулан и вдруг оказался на печке.

— Мальчик, где вы это взяли? Мальчик, где ты? Петя! Ах, ты вон где... Откуда вы это взяли? — Она приподняла таз.

— Это туфанка, — не глядя на Тамару, пробормотал Петя.

— Верно, туфанка, но где вы её взяли?

— Мы печку белить взяли, — уклончиво ответил мальчик.

— Хорошо: белили печь... А откуда достали туф?

Петя молчал. Тамара поставила таз на место и стала ходить взад и вперед по мягкому половику. Петя следил за нею насторожёнными глазами.

— А мы не одни там брали, — негромко сказал он. — Оська Кондрашов тоже брал. Полосухины печку белили... Там и сторожа никогда никакого не бывало. Вот!..

— Где не бывало сторожа?

— На Ключевой горке, где...

— Да?.. Вот оно что. На Ключевой горке... А ну, одевайся. Сведёшь меня к этой горке!..

Наскоро заколов волосы, Тамара стала одеваться.

— Что же ты сидишь? Одевайся. Рубль дам.

— Хы, рубль. До горки, думаешь, близко? Два километра будет.

— У меня лошадь есть. Быстро доедем.

— Хы, лошадь. Твоя лошадь давно уж распряжена и хрукает сено.

— Верно... Хрукает...

У Тамары медленно опустились руки. Так она и застыла на месте, глядя перед собой немигающими глазами, в пальто, накинутом на одно плечо.

... Несколько дней назад, при утверждении плана работ МТС, в райисполкоме обсуждался вопрос о расширении кормовой базы в колхозах зоны МТС.

Павел Алексеевич, председатель райисполкома, тучный

мужчина в наглухо застёгнутом кителе, прочитал внимательным слушателям небольшую лекцию о перспективах развития кукурузы — «этой ценной культуры». Тамара, в одну из напряжённых пауз, поспешно заметила, что очень важно было бы провести изыскания месторождений извести в районе.

— Да, да, — торопливо согласился Павел Алексеевич. — Хорошая мысль... Дельная. — И стал продолжать разъяснение способов протравливания семян кукурузы. Но тут зазвонил телефон.

Когда председатель кончил говорить в трубку, Тамара предложила сейчас же, на месте, решить вопрос о конкретных мероприятиях по организации изысканий.

— Это можно, — согласился Павел Алексеевич. — Почему же нельзя? Можно... Мне вот пришлось это... побывать на Украине. Там я впервые увидел кукурузу. М-м!.. Можете представить себе, какое впечатление она произвела на меня своим ростом?.. Я, знаете ли, долго не мог уразуметь, как может трава вымахать до такого огромного размера!

Первый секретарь заскрипел стулом и, сухо кашлянув, сказал:

— Н-да. Интересно. Так, продолжим, товарищи, обсуждение плана?

После совещания Тамара вновь попросила Павла Алексеевича разъяснить намерения райисполкома. Председатель поспешно ответил:

— Не до того. Пока будем пользоваться привозной известию. А потом --- дело покажет...

... Так и не было принято никаких мер по обследованию района.

И вот она сама в отдалённом от районного центра колхозе увидела газ, в котором находится, может быть, настоящее и будущее района. Известковый туф! Много ли его залегаёт в этой Ключевой горке? О, если бы его было много!

— Собирайся, живей собирайся, Петя, — словно очнувшись, заторопила она мальчугана и стала надевать пальто. Всё равно не заснёт она в эту ночь, если не узнает, где и сколько имеется залежей туфа. «Надо всё разузнать сейчас же», — твёрдо решила Тамара.

— Куда вы, бог с вами? — вскрикнула испуганная хозяйка.

В следующую минуту выяснилось, что до Ключевой горки три или четыре километра, что стемнеет не позже, как через час, и что день обязательно будет мудренее вечера. И Тамара поняла, что действует необдуманно: пришлось бы людей беспокоить в эту пору, искать лопаты, ломы для пробивки шурфов. Нужно ведь непременно узнать глубину промерзания: если пласт окажется с метр или больше, то нечего и думать о внесении известкового туфа на поля этой весной. Его не возьмут ни бульдозер, ни корчеватель, ни экскаватор, имеющиеся в мелиоративном отряде МТС. Но нет! Это её не остановит! Если слой известкового туфа окажется немалым, она взорвёт верхний промёрзлый грунт! А если его обнаружится совсем немного, то и взрыва не потребуется, и придётся другим путём идти к цели.

★ ★ ★

Утро тянулось для Тамары чрезвычайно медленно. Очень долго кипятили чай, мучительно медленно запрягали лошадей и подыскивали инструменты для пробивки шурфов. Наконец, всё было готово. Экспедицию вызвался сопровождать сам бригадир.

— Мигом, матушка, мигом, — говорил он, взбираясь на облучок. — Не торопись-то, подумав, оно завсегда лучше. Н-но, милая, стреми!.. Как вам ноченькою спалось, Тамара Сергеевна? Поди-ко счастливый сон увидели на новом местечке, а?

Откуда-то из-за угла выскочил Петя и прицепился к санкам. С крыльца раздался голос матери:

— Куда тебя, такой-рассякой, гонит, неслух ты этакий?! Слазь сейчас же! Они там, может, до ночи пробудут! Только пропусти мне школу!

Петю дружными окриками отогнали. На краю деревни случилась небольшая авария: лопнул зацеп на оглобле. Пока распрягали лошадь, пока искали другую оглоблю и вновь запрягали, казалось, прошла вечность. Выехали уже в девять часов. Лица обжигал крепкий мартовский утренник. Над чёрно-белыми посадками лениво тянулись к небу в два ряда дымовые столбы. Меж ними ярко сверкало солнце.

К заветной Ключевой горке подъехали не скоро. Это был небольшой холмик метрах в двухстах от дороги, лесная вырубка, примыкавшая к ручью с высоким и крутым пра-

вым берегом, на который взбирались остроконечные ели попеременно с оголёнными осинами.

Не без риска, пешком, перебрались через незамерзающий ручеек. На холмике из-под снега выглядывали редкие пни в белых шапках.

В указанных местах рабочие стали прорубать шурф. Чуть не до пояса увязая в снегу, Тамара напрямик пробиралась к видневшейся яме, откуда, должно быть, и брала хозяйка «туфанку» для побелки печи. Тулуп пришлось сбросить: жарко. Следом плёлся по снегу бригадир в огромных рукавицах.

— Вот это она и есть, Ключевая горка, — в который раз повторял он. — С полгектара будет, коли по всей вырубке числить. Можно, ежели что, карьер в ней устроить. Входит она в лугопастбищный севооборот, но это ничего.

Тамара с тревогой думала о том, что на такой маленький труднодоступный участок вряд ли Прокопий Львович согласится загнать экскаватор. Дело пахнет копеечкой, скажет. Но обязательно ли надо загонять сюда экскаватор? Совсем нет: снег можно будет удалить бульдозером, а промёрзлый слой, если он окажется небольшим, снять корчевателем... Вдруг щетинистый лес и небо качнулись и задрнулись тьмой. Тамара с изумлением поняла, что сидит она на дне ямы. Вверху снежного провала виднелось бледное небо, растопыренные уши рыжей шапки бригадира, и торчали его заиндевелые усы.

— Не убилась, дочка? — торопливо спросил он. — Давай руку. Достанешь ли?

— Обождите. Не упадите сами, — крикнула Тамара и, глянув вокруг себя, замерла от удивления. Сероватые стены просторной ямы, выдолбленной под шар, были, казалось, сплошь известковым туфом. Да, это он! Толщина чёрного слоя земли не больше тридцати сантиметров! Жадно рассматривала Тамара серые стены, рубленные топорами и лопатами. Раскрыв рот, руками в зелёных варежках она сжимала щёки. Ей чудились шелестевшие на ветру высоченные кукурузные стебли. Целый лес стеблей, зелёное море, и она на дне его. Но туфа, ведь, здесь так много! Можно будет его вносить и под пшеницу. И Тамаре почудились бронзовые поля пшеницы, волнуемые ласковым ветром, и весёлое солнце, и ясное небо. «А Павел Васильевич-то как обрадуется, когда я обо всём ему расскажу!» — подумала она о главном зоотехнике МТС.

Вспомнив, однако, и о своих руках, Тамара нашла, что они изрядно окоченели.

Окончательно пришла она в себя, когда возле колен её упал конец верёвки.

— Обматывайся, дочка. Вытащу. Поди, напугалась?

— Пустяки, товарищ Сверчков! — звонко крикнула она. — Спасибо! Как там у вас?

— Пробурили... Не ахти как промёрзло. Сантиметров, эдак, на сорок. Не велика беда.

— Принесите мне, пожалуйста, топор. Надо образцы взять.

★ ★ ★

На другой день Тамара сбивчиво рассказала директору МТС о своей находке и более толково изложила свой план использования известкового карьера.

— Хорошо, хорошо, — потирая руки и посматривая на образцы, говорил Прокопий Львович. — Прибавится урожая. Говоришь, там её до пятнадцати тысяч кубометров?.. Это неплохо, скажу я. Глядишь, в будущем году мы сможем посеять кукурузу гектарах, этак, на трёхстах? А?

— Как это в будущем году? — недоуменно спросила Тамара. — В этом году, под этот весенний сев мы должны будем внести на поля известь. И особенно под кукурузу. Ей ведь не любы кислые почвы нашего района.

— Обязательно под этот весенний, — убеждённо откликнулся Павел Васильевич.

Директор очень горько усмехнулся и, закрыв глаза, отрицательно покачал головой.

— Мне жаль вас, Тамара Сергеевна. Вы же сами говорите, что на этой горке снегу на метр. Была вырубка. Не гнать же трактор по пням... И скалечим его и только. Да и корчевателю, безусловно, не взять. Буксовать будет.

У Тамары сжалось сердце.

Директор продолжал:

— На эти тракторы есть свой план. Выведем их из строя, а потом? Нет... Я не пойду на это. Придёт лето — вот тогда уж разговаривать будем.

— Да, — махнув рукой, сказала Тамара, — я так и знала, Прокопий Львович, что вы станете возражать. Нужно начинать сейчас же, немедленно, не теряя ни минуты. Уже март. А потом учтите: летом вывезти оттуда известь трудно. Кругом ручьи. Нет, разработку карьера нужно начинать немедленно.

Директор, ища поддержки у главного зоотехника, весело сказал:

— Вот и поговори с нею. Ей — одно, а она — другое. Придётся отложить, Тамара Сергеевна. Дорого, рискованно, невозможно.

— Да что вы говорите! — Тамара гневно всплеснула руками. — Невозможного ничего нет! Понимаете? Всё окупится. Можно будет взорвать...

Взгляд Прокопия Львовича беспокойно забегал по столу. Он зачем-то приподнял папку с делами и положил её на то же место.

— Взрывайте, — наконец сказал он, — а тракторов я не дам. Не дам!

— А я вас и не спрошу!

Наступила неловкая тишина. Директор впился в Тамару враждебным взглядом. Она порывисто и гневно отвернулась.

Молчание прервал зоотехник:

— Желательно бы, конечно, Прокопий Львович, карьер использовать под весенний сев.

Директор вобрал голову в плечи, будто ему плеснули за шиворот холодной воды.

— Конечно, желательно, — сказал он, придав лицу изумлённо-непонимающее выражение. — Кто об этом спорит, Павел Васильевич? Всё упирается в целесообразность дела и его осуществимость. Невозможно нашими силами справиться с ним. Кому не хотелось бы именно в этом году получить в колхозах высокий урожай кукурузы?

Хмуро глядя в пол, Тамара сказала:

— Неужели вы не поймёте, Прокопий Львович, что прибыль от карьера в сотни раз будет превышать все затраты? В первый же год. Ключевая горка — золотая, если хотите знать, — добавила она и отвернулась. Ей вдруг захотелось высказать ему своё бурное возмущение, крикнуть, что через райком или прямо через управление она добьётся разрешения использовать тракторы на разработке карьера.

— Ну, хорошо, — сильно сдвигая густые брови, глухо произнёс директор, — попробуем. Посмотрим, может быть, что и получится. Может быть, взорвать придётся. Увидим.

Тамара повернулась на стуле и единым духом выпалила:

— Вы согласны? Вы одобряете, Прокопий Львович? Вы поддерживаете мой план?

Прокопий Львович, смахивая пальцем с пиджака одному ему видимые соринки, не спешил с ответом:

— Ну, что же с тобой поделаешь? — неторопливо бубнил он. — Приходится соглашаться. Вообще-то я просто хотел проверить вашу настойчивость, Тамара Сергеевна, в этом деле. Мне она нравится.

Радость с лица Тамары точно ветром сдуло. Она горделиво приподняла голову, выпрямилась и нахмурила брови:

— Странно, — произнесла она, обращаясь к директору, — зачем это вам понадобилось проверять мою настойчивость? Скорей всего вы добивались не этого... Да и согласились вы так, для вида, чтобы замять этот разговор, отвязаться от меня... Нет уж, — суровым тоном продолжала отчитывать Тамара, не принимая во внимание попытки директора возражать, — не выйдем!.. Давайте сядем и сейчас же наметим план действий!

А. СУШИНОВ

СЕСТРИЧКА

Нос в веснушках. Тонкие косички.
А в косичках ленты, как заря...
Вот уже и младшая сестричка
Постигает мудрость букваря.

Ведь недавно, право, не смешно ли. —
В колыбели я её качал
И, чтоб игры слёзы побороли,
Ей игрушек ворох подавал.

Не узнать теперь плаксуни горькой,
Если слёзы — так накороткё.
А вчера из школы две пятёрки
Принесла сестрёнка в дневнике.

Сколько смеха в доме, сколько шума,
Не спеша стряхнула с шубки снег...
В добрый путь! Учись и больше думай,
В золотых веснушках человек!

НА ДАЛЬНОМ РУБЕЖЕ

Завывают ветра голосистой сиреной.
Снова в море тайфунам реветь, бушевать.
На косматых волнах белоснежная пена
Кружевам вологодским, пожалуй, подстать.

Атакует прибой острогрудые скалы,
Волны с силою молота берег дробят,

И, дразня китобоев, фонтанят финвалы
И на спинах уносят в глубины закат.

А когда, как бумажный рулон, развернётся
И отхлынет, слабея, седая волна,
Слышу ясно, как песня над Родиной льётся,
Как шумит на родимых просторах весна.

Вижу: ловкие парни заводят моторы
И ведут трактора по целинной земле,
По тропинке уходят геологи в горы,
Заседает Правительство в древнем Кремле.

Где-то в сопках мне слышится гром аммонала,
Где-то грузные домны привычно гудят.
Я стою на посту, чтоб страна расцветала.
Я защитник её! Я — советский Солдат!

Н. ВОЛКОВ

ЗА ТЕТЕРЕВАМИ

(Рассказ)

Тёплым майским вечером на станции Морженга с пригородного поезда Вологда — Харовск сошли два охотника. Один — пожилой, широкоплечий, с открытым добродушным лицом, в картузе старинного покроя и в резиновых сапогах с загнутыми наружу голенищами, с туго набитым, затянутым на все пряжки, рюкзаком на спине. Второй — высокий, почти юноша, в коротком не по росту, поношенном пальто и кирзовых сапогах. За плечами его висел тощенький вещевого мешок, а на правом боку — фотоаппарат «Зоркий».

Утихла посадочная кутерьма, поезд тронулся. Охотники закинули ружья за плечи, огляделись по сторонам и пошли вслед удалявшимся вагонам. Когда миновали станционные постройки, тот, что был старше, сказал:

— Ну, Стёпа, смотри, не отставай.

Второй поправил сдвинутую на затылок кепочку и прибавил шагу.

— Нет, нет, Иван Кузьмич, не отстану. Я ведь тоже ходок.

— В нашем, охотничьем деле, Стёпа, только на ноги и надёжа. До шалашей отсюда вёрст десяток, пожалуй, будет, а прийти туда надо засветло.

Степан посмотрел влево, откуда к насыпи тянулись ещё не густые тени берёз, и прищурился на полыхавшее над лесом солнце:

— Успеем. До заката ещё долго. — Потом, подумав, добавил: — А спешить не хочется. Погляди, Кузьмич, как

хорошо кругом. Тишина. Теплынь... А воздух! Так вот и шёл бы до самой ночи...

— Оно, конечно, с городом несравнимо, — согласился Кузьмич. — Да ты погоди, ещё не то увидишь. На охоте, брат, вся жизнь меж лесов да полей проходит. Познаешь их — никакая сила тебя дома не удержит. Охота — такое дело. Уж ежели хватил его — шабаш! По себе знаю. Мне вот уже под шестьдесят, а как начнётся сезон — ни одной ночи не сплю спокойно. Тянет в лес неодолимо. А всё потому — понимаю я в этой охоте прелесть необыкновенную.

Слушая ровную, неторопливую речь старого полесника, Степан широко улыбался и с радостью думал: «Началось! Началось то самое, чего ожидал я так долго... Теперь-то уж я наверняка охотником буду!...». Он погладил рукой ложе ижёвки и вспомнил, как два года назад, после окончания института, брат Фёдор подарил ему, молодому учителю, вот эту новенькую двуствольную бескурковку. Мечта, а не ружьё! А нынче, в феврале, Степан Григорьевич купил у Ивана Кузьмича месячного щенка. С тех пор между учителем химии Грядкиным и столяром городской ремстройконторы Синецким установилась прочная дружба. Кузьмич в неделю раз, а то и чаще, сгал наведываться к новым знакомым. Он ревниво следил за тем, как выращивает Степан щенка, давал учителю свои наставления. И всякий раз намекал: «Придёт пора — двинемся на тетеревов! Жди. А пока готовься исподволь!...».

Но ни в апреле, ни в начале мая сходить на тока не удалось. Все воскресенья были заняты подготовкой к переводным экзаменам в школе, а в будни о тетеревах думать некогда... За это время Кузьмич уже трижды приходил с токов, обвешенный краснобровыми косачами. Встречаясь с ним, Степан лишь с завистью смотрел на богатую добычу старика да тяжело вздыхал. А вчера Синецын зашёл к учителю и решительно заявил: «Послезавтра, Степан, последний день весеннего сезона. Бросай все дела и — собирайся. Не выберешься сейчас — не бывать тебе в лесу до осени. Так и знай!..».

И вот они выбрались!

Вдыхая запах весенней прели, Грядкин широко шагает вслед за Кузьмичом, слушая его нескончаемый рассказ — бывальщину о походах полесников. А поговорить Кузьмич любил. Он помнит несметное множество презабавных случаев, происшедших когда-то с ним или с кем-либо из това-

рищей; с видом знатока может длинно-предлинно рассказывать о том, как натаскивать собаку, беречь ружье, выслеживать лису или зайца, подкрадываться к глухарю...

Для Степана всё ново, поэтому Синицына он всегда слушает внимательно. А сейчас — особенно: ведь Кузьмич преподаёт ему первый урок.

Над головами стремительно пронеслась небольшая птица. Грядкин едва заметил среди осинника её тень, а Синицын проводил птицу взглядом, поднял палец и многозначительно сказал:

— Вальдшнеп! Ты понимаешь — вальдшнеп! На них, этих вальдшнепов, сам Тургенев охотиться любил. То-то же... — И старик пустился рассказывать об охоте на вальдшнепов, о знаменитой, воспетой на все лады тяге, по которой не раз вздохнёшь даже после самой удачной охоты...

Незаметно дошли до поворота в лес. Узнав знакомую тропинку, Кузьмич остановился, скинул ружье, рюкзак, снял картуз и опустилс наземь:

— Садись, отдыхай.

— С удовольствием, — ответил Грядкин, вытягивая на траве свои длинные ноги. — Я-таки порядком устал.

— Рановато, парень. Сейчас вот самое трудное начнётся. Но ты не горюй. За такими тетеревами, как те, — Синицын махнул рукой в сторону густых зарослей, — можно сквозь игольное ушко пролезть.

Степан улыбнулся шутке, но вскоре убедился, что через игольное ушко, пожалуй, и впрямь легче пролезть, чем добраться до шалашей. Едва вступили они в лес, как началось вязкое болото. Оттаявшая и набухшая весенней водой земля раскисла. Ноги проваливались, вязли. Первым шёл Кузьмич. Подняв голенища своих «вездеходов», он ловко перемахивал с корня на кочку, с кочки на корягу. Грядкину было труднее. Непривычный к такому бездорожью, он то и дело застревал в колдобинах, падал, пыхтел. Ему казалось, что каждый куст стремится задержать его, а ветки, словно нарочно, больно хлещут по рукам и лицу...

Наконец, заросли кончились. Впереди, насколько хватал глаз, простиралась равнина. На её глади лишь изредка, в пятидесяти — ста метрах одна от другой, стояли одинокие невысокие сосенки. Степан с облегчением вздохнул:

— Кажется, вышли!

— Смотри — куда, — отозвался Кузьмич. — В клюквенное болото вышли, это верно. Вот по нему-то нам и

надо версты четыре проплюхать. А это, брат, дело не шуточное...

— Тогда, может быть, отдохнём, присядем? — обтирая с лица пот, спросил Грядкин.

— Посидеть, конечно, не грех, только тут негде. Видишь, кругом вода. Пойдём. Уж лучше на месте...

Шли ещё около часу, с великим трудом пробираясь по огромному топкому болоту. Сверху оно казалось таким ровным, приятным для ходьбы, но сколько тайлось коварства под его обманчивым покровом! Охотников на каждом шагу подстерегала затянута прошлогодней травой глубокая яма, или широкие разливы вешняка, через который не вдруг перебрёшь. Вскоре в сапогах Степана противно зачвакала вода, всё выше и выше намокали отяжелевшие ватные штаны.

Кузьмич по привычке шёл первым. Примечая белеющие на сосенках затёски, он, словно старый гончак по свежему следу, пробирался вперёд. «И откуда прыть у него берётся?» — думал Степан, едва поспевая за Синицыным. С половины пути Грядкин стал заметно отставать. Отяжелевшие сырые ноги слушались плохо, спирало дыхание. Очень хотелось присесть, но напрасно он шарил глазами по сторонам в надежде найти островок посуше: всюду вода, вода... Кузьмич всё чаще и чаще останавливался и дожидался Степана, а к концу пути Грядкин совсем обессилел.

— Не могу. Не ступлю больше ни шагу, — тоскливо произнёс он и, шатаясь, ухватился за попавшую под руку чухлую сосенку. — Ты иди, Кузьмич, а я постою, отдышусь...

Кузьмич укоризненно покачал головой, потом свернул в сторону и через несколько минут притащил откуда-то сухую корягу. Приладил её к нижним сучкам сосны, сломал несколько веток и бросил их под ноги.

— Сиди, коли умаялся. А я пойду. Полверсты осталось, не больше. Отдохнёшь — ступай по моим следам. А собьёшься — кричи, я отзовусь...

Когда Грядкин добрался до места ночлега, Кузьмич уже хлопотал около костра. Рюкзак, ружьё и патронташ его были уложены под густой, на редкость высокой здесь сосной. Степан положил рядом свои «доспехи», скинул пальто.

— Устраивайся. Будь как дома, — весело произнёс Синицын. — Здесь не сыро.

Присаживаясь под сосной, Грядкин заметил, что земля вокруг дерева покрыта толстым слоем мягких, пахнущих смолой веток.

— Когда же ты, Кузьмич, успел такую перину устроить?

— Успел, милоч, успел, — ответил старый охотник, прилаживая на таганок котелок с картофелем. — Помнишь, на первой я пропал? То-то же. Так вот в то время я и перину сделал, и дров натаскал, и шалаши поставил. Между прочим, пойдём-ка посмотрим их, пока не стемнело.

Через несколько минут они были у первого шалаша. Кузьмич обошёл его вокруг, потрогал поставленные друг к другу вершинками сосенки и с улыбкой сказал:

— Дворец! Право, дворец! Так бы и пожил в таком тереме, да жаль — со старухой тесно будет! Залезай, Степан, и примеряйся, чтоб удобнее было. А я пойду к своему.

В голубоватой мгле вечера Грядкин в сотне метров от своего шалаша увидел второй такой же «дворец».

Никогда ранее не видавший шалашей, Степан внимательно осмотрел своё убежище, но так и не представил себе, как можно из него увидеть тетерева, а тем более стрелять? Ведь будут мешать ветки. Он долго копошился внутри шалаша, устраиваясь, но всё ему было тесно. Даже стоя на коленях не повернуться. Вскоре подошёл Синицын и помог Грядкину немного раздвинуть верх шалаша, рассказал, как нужно затаиваться, когда делать выстрел, как, на случай, подманивать косачей.

— А охота должна быть генеральская, — сказал он в заключение. — Посмотри: на небе ни облачка; прислушайся: былинка не прошелестит. Значит, утро будет солнечное, тихое... То-то натешимся!

Когда они возвратились и принялись за ужин, на болото уже опустились сумерки. При свете костра Кузьмич разостлал под сосной газету и, пододвинув поближе рюкзак, стал раскладывать на ней свои припасы, нарезал хлеб и среди всей прочей снеди поставил котелок с дымящимся картофелем. Вместо котелка повесил над костром наполненную водой объёмистую жестяную банку, чтоб вскипятить чай.

Степан внимательно наблюдал за Кузьмичом. Старик всё делал весьма старательно и даже торжественно. Всё у него получалось споро, ладно, к месту и во-время. Нала-

див костёр, он извлёк из рюкзака флягу, потряс ею около уха и сказал:

— Не обессудь, Степанушка, а для сугреву надобно. По махонькой. Вот по такому лафитничку, — Сеницын вынул из кармана пиджака завёрнутую в газету небольшую стопочку.

— Не пью я, Кузьмич, — начал было Грядкин. — Не присык...

— Не в привычке дело, а для сугреву, говорю. Небось и ноги мокрые, и дрожь пробирает, а впереди—целая ночь. Это не водка, — коньячок. Не бойся, с него не ошалеешь.

Сеницын налил «лафитничек» доверху и подал Степану. Зажмурив глаза, учитель выпил, передохнул, потом торопливо принялся за еду. Вслед за ним опорожнил стопочку и Кузьмич.

Перекусив, выпили ещё по одной. А после третьей Степан вдруг почувствовал необычный прилив теплоты и бодрости и такой аппетит, что готов был съесть всё, что лежало перед ним на газете. Всё казалось ему таким непривычно вкусным! «Вот бы Зина сейчас на меня посмотрела», — подумал он, вспомнив жену...

Но мысль его нарушил Кузьмич. Он вдруг перестал жевать и, приставив палец ко рту, прислушался. Грядкин тоже насторожился. С минуту всё было тихо, но потом справа донеслось грузное хлопанье крыльев, и в той стороне, где были шалаши, раздалось что-то похожее на чу-фы-ш-шш... чу-фы-ш-шш...

— Прилетели! — облегчённо выдохнул Сеницын. — Это наши с тобой прилетели. У-у, враги мои! — Сеницын погрозил пальцем в сторону, откуда донеслось шипение косачей. — Гуляйте, воркуйте, а завтра мы вам покажем! Вот тут по-другому запоёте, — он похлопал по рюкзаку ладонью и широко улыбнулся. — Эх, и рад же я, Степан, нынешнему случаю. То-то попалим! Для тебя эти тока — заметка на всю жизнь! Что бы ни было, а первая охота навсегда останется в памяти. Так-то, брат...

Размякший Степан с умилением слушал повеселевшего Сеницына и мысленно представлял себе завтрашний день... Вот они бесшумно засели в шалаши, вот неподалёку от них опустились на землю чернопёрые, краснобровые косачи. Они шипят, воркуют, затевают между собой драку, и в этот миг Грядкин стреляет! Один из тетеревов подпрыгнул, слясь улететь, но вдруг перекувырнулся и замертво

упал меж кочек. Степан не подбирает его, он ждет возобновления тока, чтобы стрелять ещё и ещё. Охота закончена. С богатой добычей Степан едет домой... Сколько новых впечатлений, с каким интересом он потом станет вспоминать эту чудную охоту! А как будет рада Зина!..

— Если успеем, я пофотографирую, — мечтательно произносит учитель, пока Кузьмич прикуривает. — Уж очень хочется этюдик сделать. Если не против — сфотографирую и тебя. С тетеревами... Кстати, секретарь редакции газеты просил меня заснять что-нибудь такое... для души...

— И это можно, — согласился Сеницын. — Тут есть что снимать. Особливо, ежели косача щёлкнуть, — редкостный снимок!

За разговорами не заметили, как подкралась ночь. Из-за темнеющего вдали леса выкатилась полная луна и остановилась над болотом. Стало прохладнее. Кузьмич положил на костёр побольше сушняка, собрал остатки еды, затем скомандовал:

— Пора спать! Говорят, утро вечера мудренее. Завтра чуть свет тронемся в шалаши...

Он разровнял под сосной ветки, положил под голову рюкзак, рядом — ружье и, довольный, растянулся на похрустывающем пахучем ложе. Учитель улёгся рядом.

★ ★ ★

Высоко поднявшееся солнце ласково пригрело голову и плечи Степана. Вокруг стояла тишина. Лишь в плотных ветвях сосны звонко попискивала овсянка. Собираясь с мыслями, Степан потянулся, ощупал под боком ружье и тут же получил в спину изрядный толчок. Грядкин быстро сел, взглянул на Кузьмича. Но тот ещё спал, прикрыв голову воротником пиджака. Он лишь изредка судорожно дёргал ногами: левую подтянет, правую — вытянет, и наоборот. Но что такое? Грядкин потянул носом и ощутил резкий запах горелой резины. «Уж не от сапог ли Кузьмича?» — подумал он и тотчас сообразил, в чём дело.

— Кузьмич, ты горишь! — крикнул учитель и принялся неистово тормозить мирно посапывающего охотника.

Сеницын открыл глаза, приподнялся на локоть, но, почувствовав жгучую боль в пятках, вскочил на ноги и бросился к болоту.

— Горю, анафема, горю! Чтоб те пропасть, старому дьяволу, — беспощадно ругал он себя, остервенело топчась

между кочками. Из-под его ног во все стороны разлетались брызги. — И как это меня, старого дурака, угораздило? Ведь сгореть бы мог! А, Стёпа?

Едва удерживаясь от смеха, учитель пожал плечами.

Потом Кузьмич подошёл к костру, присел и внимательно осмотрел свои сапоги.

— Пропали! Совсем пропали! Ты посмотри — обе подошвы лопнули, — сокрушённо произнёс он. — Пять лет носил, и всё — ничего, а тут... Но, постой, Степан, а сколько же теперь времени? — спохватился Сеницын.

— Без пяти минут семь, — ответил Грядкин.

— Батюшки мои! Ведь проспали! Всё на свете проспало! Сапоги — чорт с ними, а вот охота пропала... Эх, — горестно вздохнул Кузьмич. Он торопливо встал, осмотрелся и, стараясь не встречаться со взглядом Степана, упавшим голосом произнёс:

— Собирайся. Пойдём скорее, не то и на поезд опоздаем. А опоздаем — сидеть нам на Морженге до самого вечера...

Через несколько минут они покинули свой ночлег. Кузьмич всю дорогу молчал, проклиная в душе так неудачно сложившийся поход на тетеревов. Едва поспевая за ним, Степан лишь мельком схватывал взглядом прелесть залитого солнцем утра. А оно дышало таким чудесным запахом набухших почек и молодой травки, так сверкало многообразием красок! Грядкин дважды пытался сорвать с плеча «Зоркий» и сфотографировать какой-нибудь облюбованный уголок природы, да где там! Времени было в обрез. С половины пути вдруг стало сильно тереть сапогом правую ногу, и тут уж, конечно, не до снимков.

В вагоне Грядкин несколько раз пытался заговорить с Кузьмичом, но раздосадованный старик уныло глядел в окно и упорно молчал. Лишь в Вологде, выйдя на перрон, он виновато взглянул на учителя и сказал:

— Ты прости меня, Степанушка. Первый раз в моей жизни случилось такое... Одним словом — срамота! Мы уж с тобой в другой раз, осенью...

— Что вы, Иван Кузьмич! Да я, право же, не в обиде. Могло же такое случиться, — ответил Грядкин. Он ещё хотел что-то сказать, но Кузьмич махнул рукой, поправил на плече ружьё и скрылся в людском потоке...

И. ПЕПЕОНКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Яркий свет — спектакль в избе-читальне.

Лето...

Распахнул все окна дом.

Занавес поднялся —

вид печальный:

В зареве пожара Краснодон...

Лай собак за сценой, выстрел гулкий,

Лязг подков замолк.

И дрогнул свет.

В доме Кошевого Радик Юркин

Получает временный билет...

Монолог Олега —

слово в слово —

Заучила наша молодёжь.

... Хоть на комсомольца Соколова

Кошевой на сцене был похож,

Но того никто не замечает...

Чей-то вздох и снова — тишина,

Чьи-то слёзы гордые;

в печали

Проходила сценою война.

«Бис!» — кричали мы своим артистам —

Молодым дояркам, трактористам.

Став на сцену, Соколова мать

Стала сына к сердцу прижимать.

Засмотрелся на ребят народ:

— Молодая гвардия идёт!

Ф. КИРИКОВ

В ДВУХ ЗОНАХ

(Очерк)

Секретарь райкома партии Бобров перелистывал настольный календарь, чтобы записать день и повестку заседания бюро райкома. На прошлом заседании из повестки дня были исключены мелкие вопросы, и некоторые товарищи выразили желание заседать поменьше, но ставить на обсуждение только интересные, узловые вопросы.

Заседать поменьше! — это сознаёт Бобров. Привычка к заседаниям осуждена партией. После сентябрьского Пленума ЦК партии всем стал очевиден её вред. Любители заседаний перевелись. Каждый работник отрицательно относится к излишним заседаниям. У многих вдруг возникла искренняя потребность быть поближе к народу, заняться работой на местах. Это хорошее стремление актива Бобров всячески поддерживал. Но он понимал, что совсем отказаться от заседаний нельзя. В простой беготне по колхозам можно удариться в делячество, потерять ведущую нить в работе. Поэтому нужно осматриваться и думать, что и как получается.

Райком обязан обобщать опыт парторганизаций, находить новое в работе. Это истина. Но как вошло новое в жизнь самого райкома? Что оно дало? Райком имеет теперь две инструкторских группы в зонах МТС. Какой же ими накоплен опыт?

У Боброва возникла мысль: собрать аппарат райкома и обсудить работу зональных групп, не официально, без протоколов и торжественных речей.

Бобров позвонил зональным секретарям, членам бюро. Все одобрили его идею.

Настал назначенный день. В кабинете Боброва собрались все работники райкома. Секретари — Кудрин и Кунавина — уселись за стол друг против друга. Кудрин вёл себя скромно, Кунавина, наоборот, шумела, смеялась. Их настроение передалось инструкторам. Инструкторы зоны Кунавиной уселись у передней стены на диване, а кудринцы — в дальнем углу на стульях. Они волновались за своего секретаря, и на это были некоторые причины. В колхозах зоны, возглавляемой секретарём Кунавиной, хозяйственные показатели повыше. Потому и работники зональной группы держались смелее: нам, мол, есть о чём сказать! А в зоне другой МТС преобладали отсталые колхозы. Кудрин и его инструкторы это знали и потому сидели смиренно, предпочитая слушать других.

На вопрос Боброва «кто начнёт?» Кунавина первая попросила слова. Это была женщина лет сорока, смуглая, черноволосая, с высоким лбом.

Говорила она бойко, но всё время заглядывала в записную книжку. Члены бюро сосредоточенно слушали.

Польщённая общим вниманием, Кунавина заговорила ещё смелее...

— В зоне нашей МТС двадцать восемь колхозов. До самого дальнего колхоза семьдесят километров. Мы подобрали много новых председателей колхозов, тридцать новых бригадиров, шестнадцать животноводов. Со всеми кадрами провели семинары, совещания, беседы.

Мелькали цифры, темы лекций и докладов на семинарах.

Но странное дело: чем больше Кунавина говорила, тем меньше её слушали, — всё давно известно, старó! Редактор районной газеты Верховский, начавший было записывать речь Кунавиной, отложил карандаш и задремал.

Кунавина умолкла. Всем стало ясно, что положительного опыта работы по-новому у неё либо нет, либо она не умеет его обобщить. Бобров спросил Кунавину:

— Расскажи что-нибудь конкретное, с деталями. Как, например, в вашей зоне работают инструкторы?

— Хорошо работают, — последовал бойкий ответ. — Инструктор Шишляков начал в колхозе с укрепления трудовой дисциплины. Там начался падёж скота. Так он стал бывать на фермах ежедневно, и падёж прекратился.

— Почему?

— Кормов дали колхозу. Это же ясно!

— Конечно, ясно: корова наелась и решила в эту зиму не умирать. Падёж скота сам собой прекратился... Плоховато вы знаете положение дел в колхозах.

— Не верно! Мы всё знаем. Наши инструкторы ежедневно бывают в своих колхозах. И я в каждом колхозе бывала по нескольку раз.

— В колхозах бываешь, а вот с секретарями парторганизаций не встречаешься. Антонов из «Красного пахаря» в письме на имя райкома жалуется: Кунавина дважды приезжала в колхоз, заходила в правление, обошла фермы, но не вспомнила, что в колхозе имеется парторганизация. Ни разу не встретила с её секретарём, не спросила, что делают коммунисты.

— В последний раз в «Красном пахаре» я была в такое время, когда две недели усиленно готовилась к лекции о международном положении. Так что у меня не было времени надолго задерживаться в колхозе.

— Ты не агитпропщик, чтобы тратить столько личного времени на пропаганду. Все лекции сама не прочтёшь. Для чтения лекций надо привлекать актив, а самой больше заниматься организаторской работой в колхозах.

— Этим я и занимаюсь по личному плану.

— Как ты его строишь?

— Составляю график: сколько дней я должна побывать в каждом колхозе своей зоны. Например, на август я планировала в колхозе «Красный пахарь» пробыть два дня, в колхозе «Новый путь» — три дня, в «Активисте» — два дня и так далее. Но плана своего не выполнила, не успела побывать во всех колхозах.

— А там, где была, что сделала?

— Ознакомилась с делами основательно.

— Приехала и ознакомилась. А ещё какую цель перед собой ставила? Если пишешь в личном плане: побыть в колхозе «Активист» два дня, то должна же наперёд знать или думать, что будешь делать в эти два дня?

— Наперёд цели себе не поставишь. На месте видней, чем надо в данном колхозе заниматься.

— Ты должна хорошо знать свои колхозы. Нельзя ездить в колхоз с закрытыми глазами и делать там лишь то, на что тебя обстоятельства натолкнут. Надо когда-то действительно начать планировать свою работу, а не заниматься без конца развязыванием аварийных узлов.

— Прежде всего я должна держать колхозы под своим контролем, знать, что там делается, а потом, на основе этого, планировать более оперативно, с большим знанием дела.

— Хорошо! Ты приехала в колхоз по плану, составленному с большим знанием дела, ознакомились там ещё раз с положением, — а потом что произошло?

— Обычно мы проводим в колхозе ряд совещаний и собраний, договариваемся с народом об устранении недостатков.

— Каких именно?

— Недостатков в работе колхоза, бригад, ферм. Их очень много, всех и не перечислить.

— Значит, вы там сразу воюете против всех недостатков!

— При общем отставании колхоза трудно выделить что-либо одно как самое важное. Всё важно, ничего упустить нельзя.

— Значит, ты выступала на собраниях перед колхозниками, говорила им о всех недостатках, указывала ключи, как открыть двери в жизнь, где недостатков нет. Ну, а что же делается там для устранения недостатков?

— За два дня в колхозе много не сделаешь, надо там прожить дней десять, тогда успеешь совершить что-то значительное.

— Так что же мешает? Живи в колхозе хоть десять дней, если надо.

— Наша зональная группа работает по квартальному плану. Его утвердило бюро райкома партии, а мы стараемся выполнить.

— Помню, мы утвердили тебе на бюро квартальный план листах на двадцати. В плане расписано проведение всяких собраний, семинаров, совещаний по вопросам всякой сезонной работы в деревне: что делать, когда наступят сев, уборка сена, силосование и т. п.? Думаю, что мы ошиблись, утвердив такой план, составленный вашей группой. В следующий раз подобных планов утверждать не станем. И на подпись мне их не носи. Планируйте и работайте самостоятельно, более гибко и оперативно. Для такой живой работы, видимо, более подходит месячный план. Он позволяет строить работу на лучшем знании положения дел в колхозах.

— На Кунавину председатели колхозов, да и директор

МТС жалуются, что она ими командует, не слушает никаких советов, — сказал председатель райисполкома Углов.

— А чего ради советоваться? — резко спросила Кунавина. — Мы работаем не на паритетных началах. Я руковожу зоной, отвечаю за неё. Пусть они и выполняют мои распоряжения.

— Ты считаешь себя умней и стыдишься учиться у других. Все должны учиться у тебя. Учти, что чин опыта не даёт, тем более сразу, — заметил Углов.

— Опыт Кунавиной ясен. Послушаем Кудрина, — предложил Бобров.

— За Кунавиной нам, конечно, не угнаться, — начал Кудрин, — у неё и зона лучше, и сама она бойкая. Слушая её, я сравнивал: что сделала она и что мы? Внешне кажется — в работе нет никакой разницы. Цифры и факты почти сходятся, но в той зоне, видимо, дело поставлено солидней. Кунавина совсем не говорила о недостатках в работе группы. У нас же не всё идёт гладко. Недостатков ещё много и ошибок немало. Даже в самой линии плановой работы иногда у нас получается неладно.

— А что у вас не получается?

— Да как-то вот так выходит: задумаем одно, а делать приходится другое. И в планы наши, и в каждый шаг жизнь вносит серьёзные поправки.

— Вполне закономерное явление, — заметил Бобров. — Руководить людьми не значит лезть напролом!

— Начну с подбора кадров, — продолжал Кудрин. — Когда мы пересматривали состав председателей колхозов, у нас сложилось убеждение, что Егорушкина в «Новой жизни» менять не следует. Он потянет. Но вот созвали колхозное собрание. Выступают ораторы и все в один голос говорят: «Не нужен нам больше Егорушкин; плохой хозяин и грубиян! Мы с ним работать дальше не можем. Всю душу из нас вымотал».

— А почему колхозники были им недовольны? — спросил Бобров.

— Егорушкин оказался самодуром, — рассказывает Кудрин. — Он нарушал порядок авансирования хлебом, давал хлеб по запискам. Кто поддерживал его — тому многое перепало сверх заработанных трудодней. Недовольные делами Егорушкина часто оставались без хлеба, попадали к нему в зависимость. Люди говорили: «Мне нужно семью прокормить! У меня — ребята». А он отвечал обычно: «Так

что же я сделаю? Колхоз у нас отстающий, не обеспечивает наших потребностей. В райисполком иди жалуйся, а правление — бессильно».

— Ну, и хлюст! — заметил кто-то.

— Потому его колхозники и сняли. Голосовали за отрешение от должности председателя под бурные аплодисменты, человека два даже «ура» кричали. А одна из колхозниц со вздохом сказала: «Ух! Как гора с плеч! Я думала, царствию Егорушкина и конца не будет». После такого провала Егорушкина я просто растерялся. Стыдно было. Сижу и думаю: кого же рекомендовать председателем колхоза?

Но вот опять выступают колхозники и так же дружно называют фамилию бригадира Карпова. Про него я знаю одно: тихий и скромный крестьянин. Но возражать против Карпова не приходится. Его кандидатуру поддерживает народ. А сила — в народной воле. Избрали председателем Карпова и, кажется, не ошиблись. Человек, в прошлом малоактивный, горячо взялся за дело. О хозяйстве колхоза радеет. Вокруг него образовался актив, на который он опирается. Тот же актив с новым председателем словно породнился. И дисциплина в управлении артелью налажена. Урок отсюда такой: больше советоваться нужно с народом, лучше вникать в его думы и предложения.

Кудрина люди слушали внимательно, даже записывали что-то себе в блокноты. Особенно торопливо писал редактор Верховский. И сон у него как рукой сняло.

— Ошиблись, значит, с Егорушкиным, — смеялся Бобров. — Здорово же его колхозники провалили!

И я поправку колхозников принял с удовлетворением, — ответил Кудрин. — Егорушкин мог бы нам многое напортить. Он подрывал наш авторитет. Однако у нас не одна ошибка такого рода... Бывали и другие. Взять, к примеру, подбор трактористов. Мы с дирекцией МТС первоначально включили в постоянный кадр всех трактористов. И приказ был заготовлен об их приёме, оставалось лишь его объявить. Но тут опять вмешалось народное мнение. В колхозе «Наш Совет» в разговоре о трактористах меня спросили:

«И Ваську нашего возьмёте?». «Возьмём, — говорю. — Всех в штат зачислили». «Напрасно спешите». «Почему напрасно?». «Васька наш — первый лодырь и пьяница. Работает плохо, прогуливает. Не годится он в кадры. Нам обид-

но, что вы такие кадры берёте...». Я бегу к директору МТС, спрашиваю его: «Обнародовал приказ о приёме трактористов?» — «Нет ещё!» — «Порви его. Давай подумаем». — «Что же тут думать?» — удивляется он. «Лодырей в МТС брать не надо. Вычеркни их всех...».

Подумали и пришли к правильному решению: зачислить трактористов в штат после проверки их деловых качеств. Так мы и сделали. Создали комиссию и заявили, что будем брать в штат только лучших трактористов. Пять человек забраковали вовсе, в том числе — Василья Быкова. Мы не ожидали, что это произведёт на трактористов большое впечатление. Они поняли, что тракторист в МТС — особа очень важная, и он должен по-новому относиться к труду. Не принятые в штат загоревали. Василий Быков четыре дня пропадал дома, потом принёс заявление с просьбой принять его в кадры. Парень дал слово оправдать доверие на работе, если его возьмут. Пришлось принять. И тоже не ошиблись. Быков работает отлично.

Кунавина слушала Кудрина с завистью: она не сделала ни одной «кудринской ошибки». Не помнит также, чтобы ей люди что-нибудь советовали.

А Кудрин, между тем, продолжал рассказывать о новых «ошибках» партийной группы.

— Я иногда начинаю сомневаться, правильно ли мы наметили то или иное мероприятие? — говорил он. — Может, надо провести что-то другое? После сентябрьского Пленума мы, как известно, массовую работу с народом начали вести не в районном центре, а непосредственно в колхозах. Провели там много собраний, совещаний, семинаров с председателями колхозов, бригадирами, животноводами, свиноводками, доярками и так далее. Я эти совещания проводил с энтузиазмом, горячо выступал на них. Мне казалось — это и есть настоящий стиль партийного руководства. Но однажды я решил узнать, как оценивают колхозники эти совещания? После одного совещания животноводческих кадров в колхозе «Великое село» спрашиваю доярку, понравилось ли им совещание? Отвечают не дружно и не прямо. А доярка Нина Каткова сказала: «Очень понравилось! Наконец-то я узнала, что корову надо кормить и доить». «Это общеизвестная истина, — говорю ей. — Совещание ставило более широкую цель: как навести порядок на фермах». «Вот и надо порядок на фермах наводить, а не разговоры об этом вести», — заявила она.

Сказала насмешливо. Признаться, я был уязвлён. Чувствую, что терплю поражение. Она, в сущности, права: видимо, мы перехватили по части разговоров. Но и битым оставаться неохота. Стараюсь перевести разговор с общих принципов на твёрдую почву. Вышли на улицу, шагаю с ней рядом. Спрашиваю:

«Нина! А ты знаешь, как навести порядок на ферме?» — «Не знаю!».

«Тогда почему делаешь такие заявления?» — «Я не только делаю заявления, но и работаю».

Обиделась девушка. Она — лучшая доярка колхоза и, должно быть, считала, что с неё и этого хватит.

«Ты очень обидчива, Нина, — отвечаю ей. — Кто не знает, что ты работаешь исправно! Но ты в колхозе одиночка, потому и нет порядка на фермах. Порядок складывается не из добрых пожеланий, а из образцового труда всех животноводческих кадров. У нас же — одни не хотят хорошо трудиться, другие — не умеют... «Научите всех работать как следует», — пересбивает она меня. «Стало быть, ты ждёшь, когда секретарь райкома Кудрин будет учить ваших животноводов, как они обязаны работать?» — спрашиваю её. — Хорошо, я как-нибудь сяду под корову и покажу дояркам, как им следует доить. Жаль, что я сам не умею. Мне самому нужно этому делу учиться. Давай, хоть мне покажи свой опыт, а я его потом другим дояркам передам». — «Я и сама передам, если они хотят».

Из дальнейшей беседы я узнал, что она соревнуется с дояркой Марией Беловой, но совсем не знает, как та работает. Только и могла заявить: «Мы подписали с ней договор, а она его не выполняет». «Так проверь: почему не выполняет?» — советую ей. — Раз начала с нею соревноваться, то в какой-то части ты отвечаешь за Марию Белову. Или тебе нравится, что она отстаёт?» — «Этого ещё не хватало!» — «Тогда соревнуйся по-товарищески, беспокоясь и за себя, и за свою подругу».

Для Нины Катковой беседа со мной не прошла бесследно. Говорят, Каткова пошла к Беловой и стала у той выпытывать, почему у неё коровы дают в сутки мало молока.

Белова сослалась на то, что у неё коровы плохи, а Каткова ей заявила: «Зря сваливаешь на коров. Они всё равно обиду твою не поймут и молока не прибавят, если ты их не раздоишь. Характера у тебя нет, Маша, вот что я те-

бе скажу! Коровы твои самые грязные во всём колхозе. Значит, тебе не стыдно показать свою неряшливую работу!».

Мне колхозники рассказывали, что Белова после такой беседы несколько дней усерднейше чистила своих коров. Потом начала их раздаивать. Жирность молока по её группе поднялась.

Деловое соревнование двух доярок сильно повлияло и на других. За ними стали подтягиваться доярки всего колхоза, не без помощи парторганизации, конечно.

Из опыта доярок этого колхоза я сделал вывод: итоги соревнования нужно проверять возможно чаще. Мы напечатали в типографии специальные дневнички в виде книжек, где можно записать социалистическое обязательство, а также показатели работы за каждую декаду...

Кунавина с усмешкой перебила Кудрина:

— До сих пор на стандартные бланчки мы смотрели, как на продукт канцелярского творчества! Не являются ли и ваши дневнички такой затеей?

— Думаю, что нет, — ответил Кудрин. — В наших книжечках ведь не имеется никаких обязательств, навязанных сверху и заранее. Есть лишь странички, где доярка записывает взятое ею обязательство, а потом сама же учитывает его выполнение.

В разговор вступил Бобров:

— Я смотрю, что у нас Кунавина очень боится сделать невзначай какую-нибудь канцелярскую ошибку. Сидит и думает: как бы не оплошать! Но должен сказать — она накопила богатый опыт по канцелярской части. Вся её речь здесь об этом свидетельствует. Враг канцеляризма, а такое канцелярское сообщение нам представила, что мы еле высидели. Именно высидели, а не прослушали.

— Что же канцелярского я вам рассказала? — не выдержала Кунавина.

— Давай разберёмся, — продолжал Бобров. — У Кудрина в рассказе сквозит жизнь. Он сопоставляет свой опыт с опытом масс, обогащается их знаниями. Мероприятия, которые он намечает, чужды всякого шаблона. Объясняется это тем, что в его мероприятиях участвуют люди снизу, без связи с которыми никакого опыта не накопишь. Другой подход у тебя, товарищ Кунавина. Чем плох твой рассказ? Тем, что он составлен по отчётным данным инструкторов, секретарей парторганизаций. Они дали тебе цифры и факты, не объяснив никак, что за ними скрывается. Сама

ты с народом не общаешься, что делается внизу — не знаешь. Ни личных наблюдений, ни личных связей у тебя нет. Отсюда и в памяти у тебя пусто. Ты ничего не сможешь сказать о работе партгруппы райкома, если отнять у тебя конспект, составленный по бумажным данным. Ни с кем не говорила, не спорила. Вот это и есть чистейший канцеляризм.

— Во время войны на фронте говорили, что отвага воспитывается в бою, — снова заговорил Кудрин. — Мне думается, и роль партийных организаций хорошо поднимать на конкретных делах. Речи и заседания тут слабо помогают.

— Правильно! — поддержал Бобров. — Расскажи, как вы в прошлом году с коммунистами кукурузу в колхозах сеяли?

— О! Это такая история, что про неё хоть фельетон пиши. Первоначально мы никак не предполагали, что посеять кукурузу — довольно трудное дело. Я лично думал, что всё пойдёт проще. Перед весенним севом мы договорились с парторганизациями колхозов посеять для пробы в каждом колхозе гектаров до пяти кукурузы на силос. Привезли семена кукурузы, стали ждать, когда их посеют.

Но вот мне сообщают, что в колхозе «Восход» кукурузу сеять не станут. Председатель правления Большеглазов скормил семена кукурузы курам и сказал, что он это сделает и впредь, если кукурузу в колхоз привезут.

А в колхозе «Зелёный бор» против кукурузы восстал даже агроном Пересидин. Он теоретически обосновал, что кукуруза на севере — факт противоприродный. Научная совесть агронома не позволяет ему терпеть кукурузу на севере, и он не допустит ее в свой колхоз. Или — он, или — кукуруза! Последняя может перешагнуть только через его — Пересидина — труп.

Нашлись противоккурузные вояки и в других колхозах, которые ретиво доказывали нам, что мы осраимся с кукурузой.

Нам пришлось серьёзно с ними потолковать. Снова, на этот раз более основательно, разъяснили колхозникам, что кукуруза нам очень нужна. Выбрали её не случайно. Она даёт обильную зелёную массу на корм скоту, с неё можно получить наибольший урожай зерна. Нет другой такой культуры, которая могла бы на малом участке земли дать столько продукции. Некоторые говорили: «Выгода-то от

кукурузы есть, да дело-то это непривычное. Подождать надо, когда кукуруза хорошенько с климатом освоится».

Чувствовалось, что кукуруза столкнулась с самым консервативным отношением отсталых людей. Надо было этот консерватизм сломить. В колхоз «Зелёный бор» я пошёл сам, вёл там полемику с агрономом Пересидиным. Он выступил с горячей речью против кукурузы: «Наши коровы со времён Батяя привыкли есть луговое сено. Никакой кукурузы не видывали. Зачем силой притаскивать то, что тут никогда не родилось и не уродится?»

Я сказал Пересидину:

«Ты от имени коров не бунтуй. Сообрази-ка собственной головой. Было время, никто в Европе не знал, что такое картофель, а вот открыл Америку Колумб и привёз оттуда первые его семена. Вначале картофель был редкостью. Далеко не все и не сразу встретили его гостеприимно. Долгое время и у нас на Руси отсталые люди относились к нему, как к чему-то греховному, не хотели сеять «земляное яблоко». До бунтов доходило. Пересидину полюбилась картошка, он ест её охотно, но ему не по душе пришлось кукуруза.

На собрании засмеялись. Колхозница Анисья Мушникова спросила: «Неужто люди когда-то против картошки выступали?» — «Выступали», — говорю ей. «Ну и чудачки! Да ведь картошка — второй хлеб».

Нам удалось создать перелом в настроении противников кукурузы. Люди сами начали подсчитывать, какую выгоду получают они от выращивания этой культуры.

Меня радует, когда встречаю поддержку со стороны колхозников. Энергия в тебе сразу удваивается. И перед коммунистами тогда легче ставить задачу. Народ одобряет — значит правильно; давайте работать. В ту весну мы с коммунистами договорились посеять кукурузу обязательно в каждом колхозе.

Хорошо воевали за кукурузу инструкторы нашей зональной группы. Вместе с коммунистами они готовили почву, возили навоз. Такой личный пример очень действен. Им частенько пользуются наши инструкторы и в других случаях. Инструктор Марков так организовал изготовление торфоперегнойных горшочков в колхозе «Заовражье». Здесь очень долго не брались за это дело, всё откладывали. Марков выслушал очередное обещание председателя колхоза Котова и заявил ему: «Меня обещания не устра-

ивают». «Чего ж тебе надо?» — растерянно спросил Котов. «Закрывай свою контору, — сказал Марков внушительно. — Не умел организовать изготовление торфоперегнойных горшочков, — начнём делать их вдвоём с тобой». — «Вдвоём нам не осилить, хлопот много с ними». «Осилим. Привезём торф, навоз, поправим печь в сушилке. Пусть колхозники над нами смеются». «Погоди! Мы завтра сами всё сделаем». «Не могу ждать до завтра. Я две ночи не спал из-за твоих торфоперегнойных горшочков. И сегодня не буду спать. Ты хоть меня пожалей».

Предколхоза мнётся, не понимая: шутят над ним или нет. Марков его снова тормозит: «Я серьёзно говорю: одевайся! Пойдём сейчас же. Я уже знаю, где у вас находится торф. Покажу тебе скотный двор. Там навоза непочатый край. Пришлось Котову и на самом деле вместе с коммунистами в тот же день заняться торфоперегнойными горшочками. Посмеялись потом, но всё сделали во-время...

★ ★ ★

Кудрин говорил долго, но его слушали с напряженным вниманием, не перебивая. Редактор Верховский исписал свой блокнот и очинивал карандаш.

Секретарь райкома Бобров, обычно не очень терпеливый на длинные речи, на этот раз также сидел спокойно и внимательно слушал. В нём родилось чувство гордости за партийных руководителей. Он понимал, что недостатков в их работе ещё много, но перелом сделан. Общих разговоров становится меньше. Люди с воодушевлением берутся за хозяйственное строительство в колхозах.

Бобров посмотрел на Кунавину, не отрывавшую взгляда от Кудрина, и уловил напряжённую работу её мысли. «Как будто и до неё дошло».

РЕКА ТРОНУЛАСЬ

(Очерк)

Весна прошла очень быстро. Кажется, давно ли на Ракуле ломало лёд, по утрам у лесных опушек токовали терева, стаями летали грачи? Давно ли Матвей срывал ранние придорожные жёлтые цветы? И вот уже позеленели луга, почти в четверть поднялись первые посевы, а встанешь под берёзу — не видать голубого неба.

Прошла весна, а в колхозе «Совет», если не убавляет Миляков, ещё не вспахано 50 гектаров.

«Плохи дела в «Совете», — рассуждал про себя зональный инструктор райкома Матвей Авдохин, шагая по обочине большака. — Почему отстаёт этот колхоз? В МТС и райкоме обычно утверждают: председатель слаб, не ладится у него с организацией труда. Милякова, конечно, хватить — погодить, человек он такой: дошёл до канавы — не перескочит. Тихий, спокойный слишком. Когда туго приходится, морщит лоб да пот утирает: «Отдувайся, а я разве виноват? Ничего не поделаешь...» От председателя многое зависит. Каков поп, таков и приход, — говорят старики. Тугодум и неразворотлив Миляков. Но, будь я на его месте, тоже не зашагал бы семимильными шагами. Миляков отчасти возможно и прав, утверждая, что рабочих рук не хватает. Против факта не попрёшь. Но выход-то из положения должен быть найден».

Было около десяти утра, но такая теплая стояла погода, что Матвей расстегнул пиджак и снял фуражку.

«Плохо знаю колхозное производство, — продолжал размышлять инструктор. — С людьми надо больше говорить — просто, по душам. А то всё больше собрания, со-

вещания. Официальщина, формализм! Эх, Матвей, Матвей, работаешь ты в райкоме три года, сам когда-то наприсился в партшколу, а не видать в тебе настоящего партийного работника...».

Сзади донеслось брнчанье порожних фляг; старческий, с хрипотцой голос тянул какую-то старинную песню то ли про купца-молодца, то ли про удалого ямщика. Авдохин обернулся. По рыжей, шустрой лошадедке он узнал анфаловского молоковоза Кузьму Авдеича — чаще его называли просто Авдеичем.

Поравнявшись с инструктором, молоковоз громко поздоровался, приподняв старинного покроя картуз, и весело предложил:

— Не брезгаешь телегой, — так садись, на соложке, словно барина, прокачу. Аль ты не в Анфалово?

У Авдеича борода лопатой, с проседью; под густыми бровями хитро прищуренные глаза.

— В Анфалово, дед. Что ж, подкати.

— Значит, к нам? — тронув лошадь, спросил Кузьма. — Давай, промыль да пропарь наших, а потом — холодной водичкой. Оно полезно.

— Парить, Авдеич, не собираюсь. Колхозное дело общими силами делается. Посоветуемся с людьми: как да что. Один ум хорош, а два лучше.

— Дельно говоришь, парень. Только дела-то у нас, — что верёвка гнилая: как ни вяжи, она всё рвётся.

— Бросить верёвку, свить другую.

— Свить, говоришь? — Авдеич поскрёб под картузом. — Вить-то пробуем, да велики прорехи в хозяйстве, парень. Людей после войны в колхозе втрое меньше стало, а задания даются большие. Не справляемся.

Старик набил трубку, поправил картуз и подхлестнул лошадь.

Некоторое время ехали молча. Авдохин спросил:

— Каковы удои, Авдеич?

— Слава богу, не шибко мерина загружают. — Старик кивнул на бидоны. — В круглую — по шести литров на вымя. Да мы не обидимся на коровушек. Они у нас — рекордистки.

— Шутник ты, Авдеич, — невольно улыбнулся Авдохин.

— А вот и не шучу, Матвей Константинович, — серьёзно заявил молоковоз. — Почитай, с ползимы — на одной

сломе. Ещё диво не дохнут... Спасибо ветеринару нашему, Семёну Карпычу. Душа у него богатая, на всех животных хватает. Вот и живут...

— Кто же виноват, что мало кормов заготовили?

— Где их больше-то взять, кормов-то? Покосы за войну заросли — с топором не пролезешь. До метёлочки выкашиваем. А мало. Не хватает! Вишь ли, парень, скотины-то развели в колхозе — сам председатель со счёту сбивается. Задание такое, план. Да проку-то что из этого? У коров молочко на языке.

Полуобернувшись, Авдеич хотел ещё что-то сказать, но вдруг резко махнул рукой и сунул в рот трубку.

Показалась анфаловская колокольня; раздвинулся лес, подвода выехала в поле. Налево, в низине, искрилась на солнце шаловливая, быстрая Ракула; впереди, на косогоре раскинулась большая деревня Анфалово.

— Пашут, — Авдеич показал в сторону двигавшегося по полю трактора и сокрушённо покачал головой.

Авдохин промолчал.

У околицы Кузьма свернул к скотному двору, а Матвей пошёл разыскивать председателя. Оглянувшись на гремевшую подводу, Авдохин подумал: «Задиристый старик, а говорит интересно. Скажи так Селифанову — не иначе отрубит: «Объективные причины. В каждом колхозе есть не использованные резервы». Но попробуй, найди их! Факт налицо: колхоз не может обеспечить кормами плановое поголовье скота...».

Милякова инструктор отыскал в поле. В распахнутом поношенном пиджаке, грузный, сутулый, он шёл по меже с агрономом Фоминым, который, размахивая длинными руками, громко говорил:

— Сил у меня больше нет, Николай Парменыч. Глазам глядеть больно. Нельзя больше сеять, ни одной сотки! Ведь лето, настоящее лето! Земля-то примет, да что она даст? Худенькую соломку.

— Ничего не поделаешь, Никита Петрович, — шумно вздыхал председатель. — План — есть план. Кабы МТС дюжее помогла, да кабы побольше плугов от колхоза... Не успеваем.

— «План», «кабы», — покривился агроном. — Пойми ты: сроки истекли!

— Что ты меня на преступление толкаешь, Никита Петрович?! — простонал председатель.

— Преступление? Эх, ты-ы... За центнеры надо бороться, а не за гектары!

Увидев Авдохина, Миляков дёрнул за рукав агронома. Поздоровались. Матвей глянул в запавшие глаза Фомина, дружелюбно спросил:

— О чём речь, Никита Петрович?

— Сев надо кончать. Не справились во-время — значит не справились. Зачем мучить людей? Впустую сеем: осенью семена не соберём.

— Сегодня обсудим на партсобрании, — пообещал инструктор, а про себя подумал: «Верно, надо прекратить пахать. Не стану настаивать».

Милякова совсем разморила жара. Он то и дело утирался платком. Сели перекурить на придорожные камни. Несмотря на предупреждение Милякова, Фомин продолжал объяснять инструктору:

— А с севсорботом что получается? План ярового сева четырёхста восемьдесят га, да озимых — сто восемнадцать. А земли, пригодной для посева, если исключить ту, что под озимью, пятьсот сорок гектаров. Где будем сеять шестьдесят га ржи? Спросите у Николая Парменовича.

У Милякова лицо — словно печёное яблочко. Он рад бы сейчас посидеть, отдохнуть, а тут этот Никита с разными каверзными вопросами напирает.

— Посеем как-нибудь, — отозвался председатель.

— Вот-вот: как-нибудь, — подхватил Фомин. — Как и в прошлом году: уберёшь ячмень — и со спокойной душой покатишь рожь рассеять по этому полю. Как такая «агрономия» называется?

— Ничего не поделаешь, — развёл Миляков руками. — Залежи затаило лесом. Никто не виноват.

— Мы виноваты! Замазываем, подтягиваем под поставленные цифры...

Фомин в сердцах сплюнул и, глубоко затянувшись несколько раз, отбросил окурочек в сторону.

... После собрания люди разошлись не сразу. Любят мужики, собравшись вместе, потолковать о своём житье-бытье, высказать наболевшее, поделиться своими думами, чаяниями.

Сидевший рядом с Авдохиним за столом секретарь партийной организации Семён Поярков говорил:

— Свиноводство у нас в загоне. Я служил в Прибалтике. Там в колхозах таких громадин выкармливают — пу-

дов по двадцати! И у нас на Севере не хуже условия. Но всё как-то получается: концы с концами не сходятся. Хряк-то только в тело пошёл, жир бы ему копить, а его — на бойню.

— Ой уж и жир, — вмешался Фомин. — Что-то немного я жирных видал. Посмотришь — ужас берёт: одно рыло на длинных ногах.

— Кормов не хватает, — согласился Поярков. — И то с планом поголовья не управляемся. Надо бы картошки больше, да уход за ней настоящий. А нас зерновые замутили. Картошка — на задний план.

Фомин глубоко вздохнул:

— Да, там — гектары давай, тут — головы...

А в это время дед Авдеич толковал с кузнецом Никифором Грачёвым:

— Ты говоришь: не может у нас люцерна расти? Жаль, право, жаль. Большая трава, в сажень! Я на картинках видал.

Кузнец поскрёб своей прокопгевшей пятернёй чёрную, давно не бритую бороду и густым басом не спеша проговорил:

— Люцерна — что. Мне один друже из-под Ленинграда пишет. Петром звать, вместе Берлин штурмовали. Кукурузу сеют они. С гектара, говорит, на шесть коров снимают. Стеблей, это, на силос.

— Да ну! Кажись, ты, Никифор, немножко приврал.

— Зачем врать? — обиделся кузнец; человек он серьёзный, шутить и болтать зря не любит. — Шестьсот центнеров с гектара силосу да зерна по сорока. Они её на ста тридцати гектарах сеют. Вот и посчитай.

— Шестьсот центнеров?!.. Ребята! — засуегился дед. — Никита Петрович, вы слышали? Нам бы... Да мы бы...

— Кукуруза? — присоединился к разговору Фомин. — Это южная культура. Но её начинают сеять и на Севере. Нынче некоторые колхозы посеяли и в нашем районе. Для пробы, так сказать.

— А мы? Почему у нас не посеяли?

Сидевший у окна Миляков отмахнулся:

— Пустое вы всё говорите. Картошка, кукуруза... Плана нам никто не изменит...

— Очень жаль, — перебил его Фомин. — Что для нас выгоднее всего? Свины, молочный скот. Да ещё лён!.. А ячменя да пшеницы совсем бы не сеять.

— Ну, ты, Никита Петрович, не то предлагаешь... Кто разрешит?

— Доказать надо!..

... Стенные часы пробили одиннадцать... половину двенадцатого... Зажгли лампу. Бригадир третьей бригады Иван Боков, присев со своей табуреткой к столу, сказал Авдохину:

— Верно, МТС — главная сила. Но у вас в МТС ещё недоделок куча: простои, поломки на каждом шагу. Договоры не выполняются. Больше половины полевых работ — колхозом делается. А в районе это не учитывают. Начнётся уборка — летят в колхоз грозные телефонограммы: хлеб — государству! Разве нельзя слабому колхозу скидку сделать: вначале убрать — потом хлеб сдавать?!

— Иные председатели так и делают, — улыбнулся Матвей.

— А им за это — выговор с предупреждением, — вставил Миляков. — Раз сделаешь — больше не захочешь.

— Нет, — возразил Боков, — надо, чтобы законно.

Дед Авдеич пододвинулся к говорившим:

— И ещё вот чем, скажу вам, колхоз обижают. Зимой в колхозе — тоже работ край непечатый. А тут лучшую силу — в лес. Лес-то нужен, понятно, но без хлеба да без мяса-то и лесу не нарубишь. Старики говаривали: щей с мяском похлебаешь — устатку не знаешь...

Авдохин пошёл ночевать к Фомину. Стояла тёплая ночь. Полночная заря разливала мутный свет. За Ракулой щёлкал соловей. Матвей думал о людях, которые только что сидели с ним, курили, говорили. На следующей сходке они, наверно, опять будут рассказывать о своих думах, выскажут немало хороших мыслей. И не пойдут их чаяния дальше прокуренной избы. Справедливо ли это?..

Фомин бросил через плечо:

— Спасибо тебе, Матвей Константинович.

— За что?

— Не настоял пахать под яровые... Ну, а как, согласен с тем, что слышал?

— Как видишь: не возражал.

— М-да... Народным думам, Матвей Константинович, надо дорогу дать. А то вы там, в районе, как погляжу, по циркулярам живёте, в бегах за цифрами. Обоняние плохое стало у вас, народного пота не чувствуете, не тревожит он вашего мозга.

II.

Фомин не ошибся: с севом озимых в «Совете» затагнули до сентября и последние двадцать гектаров сеяли по полю, с которого только что убрали ячмень; уборку яровых завершили, когда хмурые, низкие тучи обещали со дня на день побелить землю первой порошей и потемневшая Ракула по утрам у берегов покрывалась тонким, прозрачным льдом.

Никита за лето осунулся и ещё больше пожелтел (из-за малярии он и выехал два года назад из Предкавказья, где работал в зерноводческом совхозе). До боли сжималось сердце агронома, когда он смотрел на не прополотый, заросший сорняками лён, когда на его глазах в холодную, ждущую зимы землю сыпалась отборная рожь, когда поникшие колосья, заждавшись уборки, роняли десятки центнеров перезревшего зерна.

С уборкой затагнули, но не все колхозники работали напряжённо. Фомин, не сдерживаясь, нередко вступал в перепалку с машинистами, с отвозчиками снопов. Както он в присутствии Авдохина наскочил на Дмитрия Чулкова, выехавшего отвозить снопы часов в девять.

— А чего ты кричишь, Никита Петрович? — спокойно возразил Чулков. — Тебе что: всё равно своё получишь. А я хоть убейся — пятьсот граммов.

— Что? — горячился Фомин. — Да ведь это же хлеб! Пойми ты, Дмитрий, хлеб!

— Понимаю, что не еловые шишки. Только кричать на меня нечего. Не твоё это дело.

Чулков тронул лошадь.

— Видел? — обратился Фомин к Авдохину. — А посули ему пять килограммов — с восходом солнца выедет в поле...

— А ведь можно, — говорил агроном. — Можно добиться: десять, пятнадцать, даже двадцать рублей на трудодень! Только бы дали нам волю самим решать: что выращивать, разводить. Лён и животноводство, животноводство и лён — вот... Помнишь, весной, после собрания, засиделись?

Не только помнил Матвей, — он часто думал: «Поговорить бы с секретарём да написать в обком».

— Да, надо побеседовать в райкоме, — пообещал тогда Авдохин.

— Давно бы надо. В лоб не дадут.

Не совсем по душам, но всё же откровенный разговор между инструктором и секретарём райкома по зоне Прашинской МТС Селифановым произошёл однажды в начале зимы.

Возвратясь из колхозов, Селифанов пригласил в кабинет Авдохина.

— У Милякова — безобразия, — сказал он. — К зимовке скота не подготовились, двадцать гектаров льна осталось на лугу. Привлечём к ответственности. Надо подыскивать кандидатуру. Завтра поедешь туда, соберёшь материал, уточнишь факты.

— Я готов, — сказал Матвей.

— Давай.

Секретарь, полагая, что инструктор незамедлительно покинет кабинет, вопросительно посмотрел на Авдохина.

— Разрешите несколько слов? — спросил Матвей.

— Ну, ну.

— Миляков слаб, точно, — начал Авдохин, сдерживая волнение. — Но ему, Василий Владимирович, мало дано свободы действий...

— Защищаешь? Ещё не хватало. — В голосе секретаря прозвучали грозные ноты.

— Нет. Но... нашим председателям мы не позволяем развернуть собственной инициативы. Они скованы...

— Чем это? — ещё больше нахмурясь, насторожился Селифанов.

— Планами, Василий Владимирович.

— То есть?

— Надо бы как-то учитывать особенности колхозов, считаться больше с мнениями председателей, колхозников. Может скидку какую сделать отстающему колхозу.

— Не понимаю.

— Ну, вот, скажем...

И Матвей рассказал, что слышал от советских колхозников, от Фомина, что видел сам.

— Причины объективные, Василий Владимирович, но сегодня они являются одним из тормозов для колхоза. Написать бы в обком, — заключил Матвей.

Селифанов слушал, плотно сжав губы и угрюмо глядя перед собой. Когда Авдохин кончил, он поднял глаза, резко проговорил:

— Не годишься ты, товарищ Авдохин, в партийные ра-

ботники. Да, да. Ты смотришь с анфаловской колокольни, а не с государственной высоты. Да ты понимаешь, к чему ведёт твоя умозрительность?! — повысил голос секретарь. — Твоя маниловщина? К разложению колхозной дисциплины!

Отчитав покрасневшего до мути в глазах молодого инструктора, Селифанов отшатнулся к спинке кресла, закурил.

— Надеюсь, ты понял меня?

— Понял, — опустив плечи, тихо сказал Матвей.

— Так вот, учти: планы составляют умные люди. Наша задача — выполнять их.

— Убедил, ничего себе, — тяжело вздохнул Матвей, выйдя в коридор. Прав Фомин: такие руководители не чуют народного пота, им меньше всего дела до того, что у крестьянина на уме. «План спущен — наша задача выполнять его», — вот формула, которая стала для Селифанова законом жизни. Всё, что не подходит под эту формулу, — вне закона. Трёхголовый, — покосился Матвей на дверь кабинета.

Как-то одному директору школы, державшему себя не робко во время отчёта на бюро, Селифанов, покрасневшись как рак, бросил: «Поскромнее, товарищ Звягин! Учти: каждый здесь присутствующий на три головы тебя выше». С тех пор так и пошло о Селифанове: «Трёхголовый». Да так крепко прилипло это прозвище, что теперь наверно до конца своих дней не отряхнуться ему от него. Крепко пристало, потому что себялюбивый бывший начальник штаба полка ни с кем в работе не хотел ставить себя на одну половицу.

Рядовые люди, понятно, не любят зазнавшихся и чёрствых чинуш. Не известно, как об этом думает Селифанов. Он далёк от разных «сентиментов». Он знает, что у него без помарок личное дело, что о нём и в обкоме «пока неплохое мнение». Чего ему больше надо?

Авдохин не стал спорить с зональным секретарём. Он понимал: раздует Селифанов из мухи слона, соберёт чёрные пятнышки в одну кляксу — и получай не за нюх табака репутацию. Как-никак, Селифанов — член бюро райкома, депутат райсовета. А кто такой Авдохин? Всего лишь начинающий работать зональный инструктор.

Но всё же в душе не смирился Авдохин. Он верил, что должна наступить пора, когда не райкомовец будет говорить понуро сидящим на собрании колхозникам, что и как

нужно делать, а Авдеичи да Никифоры станут решать, как лучше наладить колхозное производство. И слова Устава КПСС «... Сила нашей партии в её неразрывной связи с народом» волеются в живые дела всех партийных работников, кто хочет считать себя настоящим ленинцем.

... Селифанов и Авдохин провели партсобрание в «Ниве», затем прибыли в «Совет», где намечалось отчётное колхозное собрание.

Отчитывался Миляков. Более обычного и сутулясь и обливаясь потом, он, словно нитки из спутанного клубка, вытягивал одно за другим «мероприятия», проделанные им и правлением, называл цифры за цифрами. Колхозники терпеливо слушали, кое-кто втихомолку дремал.

В середине доклада зашёл письмоносец. Фомин взял «Правду», взял газету кузнец Никифор и кто-то ещё.

Тут произошло такое, что никогда не бывает на собраниях. Вначале у читавших оживились лица, потом началось перешёптывание, которое становилось всё громче и возбуждённое.

А едва Миляков кончил доклад, встал Фомин с места и, с помолодевшим лицом, не в силах сдержать дрожь руки, в которой держал газету, срывающимся голосом проговорил:

— Товарищи, друзья, знаете что в газете?!..

... Как ни пытались Селифанов, секретарь парторганизации Поярков и Миляков восстановить порядок, однако возбуждение было так велико, что пришлось прервать собрание. Фомин с начала до конца прочитал материалы январского Пленума ЦК КПСС. Особо он выделял те места, где говорилось об увеличении производства животноводческих продуктов, о возделывании кукурузы и о необходимости изменить планирование.

Люди забыли о собрании. Горячее обсуждение постановления затянулось. Говорили между собой, подымались с мест. Каждому хотелось высказать свои мысли, поделиться с товарищами своими мнениями. Никита, с испариной на лбу, подсев к Милякову, горячо доказывал, что теперь кукуруза будет основной кормовой культурой, и что рожь больше не будут сеять после яровых, как в прошлые годы.

— А мне что? — утирался Миляков платком. — Я последние часы председатель. Снова за своё дело — ветеринарять.

— Но ты же советский человек! — кипятился Фомин. — Неужели не щекотнуло твоё оплывшее сердце?!

— Рад, конечно... хорошо.

Авдохин, со сбившимся в сторону галстуком, беседовал с заведующим животноводством Ерёминым, который никак не мог понять, что не обязательно держать определённое количество скота, а колхозу будет дозволено разводить его столько, сколько выгодно.

Один Селифанов как-то оказался вне общего разговора. Никто к нему не обращался, и он, плотно сжав губы и сдвинув сросшиеся брови, внимательно перечитывал газету. Авдохин взметнул на него взгляд: «Почитай, почитай, да повнимательней, Василий Владимирович».

А вскоре вышло специальное постановление об изменении планирования. Жизнь в «Совете» забурилась, словно ретивая Ракула в весеннее половодье. Не было колхозника, который бы отмалчивался при обсуждении плана развития колхозного производства на 1955—1960 годы. Дед Авдееч заставлял перечитывать одно и то же место по нескольку раз. Подумает, потеревит бороду и опять спросит:

— А сколько думаете молочка-то надоить в пятьдесят девятом году?

— По две тысячи шестьсот литров. Я же читал, — говорил новый председатель Свиридов, бывший управляющий межрайонной конторы «Консервмолоко».

— Нет, тут надо обкумекать. Коров-то породистых у нас немало...

И Кузьма начинал доказывать, что если «убавить» таких коров, которые по три года «холостыми» ходят и дают удой, что коза у никудышной хозяйки, да снять кукурузы по четыреста центнеров, то не к шестидесятому, а уже на следующий год можно надоить без малого по две с половиной тысячи литров.

Кузнец Никифор настаивал этой весной посеять кукурузы не менее восьмидесяти гектаров.

— Не осилить, — возражали ему.

— Когда человек верит в полезность труда своего — всё осилит, — стоял на своём кузнец.

Бригадир Иван Боков утверждал:

— Я считаю, надо так разработать план, чтобы каждому колхознику было ясно, что он делать будет и что за это получит.

Три недели обсуждали колхозники будущие дела сво-

его колхоза. Наконец, перспективный план был составлен и отослан в райисполком.

Весна затянулась нынче. Ракула вскрылась лишь 26 апреля... День стоял ясный и тёплый. Фомин и Авдохин шли по тропинке к реке. Веяло крепкой, весенней свежестью. На деревьях насвистывали скворцы. Жаворонок, наверно только что прилетевший, заливался звонко и радостно.

На Ракуле ломало лёд, вода прибывала, захлёстывая берега, заливая пойму. Река, словно богатырь после долгого отдыха, напирала, бурлила и неслась неудержимо вперёд.

— Тронулась, — полной грудью вздохнул Матвей. — Красота!

— Да, тронулась, — мечтательно отозвался Никита. За последнее время он словно помолодел. Ходил опрятно одетый, гладко бритый.

— Тронулась, матушка, — повторил он.

Постояли молча.

— Признаюсь, Матвей Константинович, — снова заговорил Никита, — я было втихомолку начал тужить: напрасно оставил ставропольщину. А теперь... Да мы такую жизнь закрутим! Всё в наших руках!

— А я, Никита Петрович, вчера подал заявление, — сказал Матвей. — Председателем хочу работать.

— Председателем? — без удивления переспросил Фомин. — Что ж, из тебя председатель получится. Валяй, может, к нам в колхоз угодишь.

— Я бы не прочь: народ у вас хороший.

— Вот, вот... А Свиридова зря выдвинули на руководство колхозом. Тут нужен человек особого склада, такой, чтобы и во сне ему колхозники да колхоз снились. Зачем силком человека ставить, если он не чувствует никакого призвания...

— Теперь этого не будет.

Они долго стояли на берегу, беседуя меж собой и любясь могучей силой весны.

Н. ВОЛКОВ

БЛАГОРОДНОЕ ПРИЗВАНИЕ

(Очерк)

Под вечер одного знойного июньского дня 1941 года в отдел кадров Вологодского паровозо-вагоноремонтного завода вошла невысокая русоволосая девушка. Опалённая солнцем, просто одетая, она в нерешимости остановилась среди большой светлой комнаты.

— Вы к кому? — спросила девушку сотрудница отдела.

Вошедшая тихо ответила:

— Хочу поступить на работу.

— А на какую? Ведь ты почти дитя, — ласково проговорила другая женщина, внимательно глядя на девушку.

Но та подошла ближе и твёрдо сказала:

— Мне пятнадцать лет. Я сильная и могу делать всё...

— Посмотрим. Откуда ты, как твоё имя?

— Я из деревни. Из Ананьина, Вологодского района.

А моё имя Лида Колобова.

Лиду усадили на стул, и она стала рассказывать о себе. Её родители живут в деревне. Нынче она закончила шесть классов, перешла в седьмой и мечтала поступить в педагогический техникум. Так и мама хотела. Всё шло хорошо, но вот началась эта страшная война, многие односельчане в первые же дни её ушли на фронт. Не прошло и недели с той поры, а фашисты уже разрушили много наших городов и сёл, убили тысячи ни в чём не повинных советских людей. С ужасом слушала Лида по радио сводки о боевых действиях, о варварских налётах немецких бомбардировщиков на нашу мирную землю, и ей страстно захотелось отомстить врагам за их злодеяния. Но как? На фронт не

возьмут, а в деревне, ей кажется, не велика от неё польза. Посоветовались в семье, и папа сказал: «Ежели тебе, Лидушка, и впрямь дома сидеть невмоготу — иди на завод. Там люди всегда требуются, а сейчас особенно. Небось, паровозы и вагоны для фронта позарез нужны. Поступишь пока без специальности, а потом присмотришься, может и станок доверят. Только поучиться надо. Так-то, дочка...».

— И вот я пришла к вам на завод, — закончила свой рассказ Лида. — Пошлите меня на любую работу, туда, где я могу пригодиться. Справлюсь....

На второй день она пришла в материальный цех, куда её назначили на должность разнорабочей. Кроме неё там уже было около десятка новичков, и бригадир, собрав всех вместе, послал их выгружать из вагонов строительные материалы.

С той поры для Лиды Колобовой началась новая жизнь в большом производственном коллективе. Первое время ей было очень трудно. Да и понятно: человек без специальности на любом предприятии может выполнять лишь чёрную работу, требующую зачастую большой затраты сил. Вместе с остальными членами бригады Лида развозила на вагонетках по цехам металл, обработанные детали, дерево, краски, разгружала автомашины и вагоны, распаковывала громоздкие ящики. Иногда работать приходилось по полторы-две смены подряд: этого требовала обстановка. Придя на квартиру и наскоро закусив, Лида падала на кровать. Но уснуть не могла — так сильно ныли натруженные за день ноги и руки, болело всё тело. А чуть свет, девушка, забыв усталость, уходила на завод...

Так прошёл год. Колобова полюбила кипучую жизнь ремонтников, радовалась, что и она нашла себе место в этом огромном рабочем коллективе и вместе со всеми вкладывает свой труд в общее дело победы над ненавистным врагом. Но, бывая в цехах, Лида часто останавливалась около станков и разных машин, долго и пристально смотрела, как работают на них опытные производственники. «А почему бы и я не смогла? — подумала она однажды. — Ведь есть совсем молодые токари, сверловщики, строгальщики. В самом деле, работать на станке гораздо легче, интереснее, и потом — это всё же профессия...». Эта мысль не покидала Лиду несколько недель, и чем дальше, тем сильнее укреплялось в ней желание работать на станке. Наконец, она не выдержала и пришла в отдел кадров.

— Хочу учиться. Пусть даже без отрыва от работы, по ночам.

— Зачем по ночам? — ответили ей. — У нас сейчас много свободных станков, а специалистов не хватает: воевать ушли. Особенно нужны сверловщики.

Колобову послали в тендерный цех учиться мастерству сверловщицы у опытной производственницы Олимпиады Копыловой. С невыразимой радостью девушка принялась за учёбу. Целыми днями не отходила она от станка, стараясь перенять приёмы работы своей старшей подруги, расспрашивала её, училась разбираться в чертежах, постепенно осваивала устройство станка, а вечерами допоздна засиживалась над книгами по технике. Ей хотелось как можно скорее и лучше овладеть специальностью, перейти на самостоятельную работу.

Через месяц-другой её мечта осуществилась: успешно сдав зачёты, Лида получила станок.

С той поры цех стал для неё вторым домом, так как большую часть времени она была на работе. Ей хотелось больше сделать для фронта, для разгрома врага. Всё меньше и меньше становилось людей в цехе, с болью в душе она смотрела на простой осиротелых станков. А из-за этого страдал весь завод...

Эти мысли привели Лиду к начальнику цеха Петру Михайловичу Станкевичу. Она объяснила ему, что уже в совершенстве овладела сверлильным делом, всегда перевыполняет задания и теперь решила учиться на строгальщицу.

— А кто же будет работать на сверлильном станке? — подумав, спросил Пётр Михайлович.

— Я.

— Это как же так?

— Управляюсь. Учиться новой специальности буду вечерами, после работы, а когда закончу — буду обслуживать два станка. Ведь есть же на заводе многостаночники.

— Есть, конечно, есть, — неторопливо ответил начальник, — но там другое дело: и станки рядом, и люди постарше, поопытнее. А у нас даже станки в разных концах цеха стоят... Впрочем, попробуй, не отговариваю...

Через два месяца Лида попросила принять у неё зачёты. Члены квалификационной комиссии с большим интересом слушали хорошо продуманные ответы девушки по теории строгального дела. А когда она начала пробную ра-

боту на станке, все удивились её ловкости, отличному знанию технологии.

С той поры Колобова постоянно работала на обоих станках. Ей приходилось выполнять самые разнообразные заказы, иногда по полторы-две смены не уходя из цеха. Слов нет, иногда бывало трудно управляться за двоих, Лида поэтому часто забывала о своей личной жизни, но зато как много радости, душевного утешения доставлял ей труд! Молодую производственницу всегда ставили в пример, ею законно гордился коллектив тендерников.

После победоносного окончания войны работы в цехе стало ещё больше. Страна быстро восстанавливала разрушенное интервентами хозяйство, а вместе с этим росла потребность в паровозах и вагонах. На завод стали возвращаться фронтовики, пришли выпускники железнодорожных училищ, но специалистов всё-таки не хватало. В тендерном цехе особенно остро недоставало крановщиков. Из-за этого часто приостанавливалась работа бригад, срывался график сборки. Руководители цеха начали поговаривать о необходимости подготовки новых крановщиков, но свободных людей для этого не находилось.

— А не приобрести или мне ещё специальность? — сказала как-то мастеру Колобова. — Станки, конечно, я не заброшу, обеспечу все заказы и, кажется, не стóит жалеть времени, чтобы стать крановщицей.

Вскоре вопрос об учёбе Колобовой был решён. На этот раз передавала ей свой опыт Александра Аполлоновна Опалёва. Ученица оказалась способной и через полтора месяца уже свободно управляла краном. В отделе кадров на Лиду завели третью квалификационную карточку, а затем, по просьбе начальника цеха, перевели на должность крановщицы. Девушке жаль было расставаться со станками, но ей сказали, что это не надолго, и она успокоилась.

... Нередко случается, что крановщику нечего делать. Перевезёт с места на место деталь, поможет рабочим что-либо поднять и снова сидит на приколе. Иногда перерывы в работе длятся десять, тридцать минут, а то и час. Не сидеть же ему в таких случаях в кабине крана под крышей цеха, теряя время попусту. И вот, в свободные от работы минуты, Лида стала наведываться к своей подруге по цеху — токарю Ольге Гарозе. Уж очень ей нравилось смотреть, как быстро и как-то по-своему красиво управляла Оля станком. Закрепит деталь, вставит в суппорт резец, на-

жмёт синюю кнопочку на краю станины, и через какую-нибудь минуту завьются перед глазами раскалённые кольца металлической стружки...

Наблюдая за работой подруги, крановщица однажды сказала:

— Так бы я и поучилась твоему ремеслу. Правда, хорошо быть токарем?

— Что ж, попробуй, — ответила Оля. — Только не понимаю, зачем тебе понадобилось токарному делу учиться. Ведь ты и так имеешь три специальности. Или ещё и этого не довольно?

— А вдруг и четвёртая пригодится? — улыбаясь, сказала Лида. И, немного помолчав, уже серьёзно добавила: — Ты не подумай, Оля, что токарем я хочу стать из-за заработка. Нет, я и без того зарабатываю достаточно, а мне хочется больше знать, быть полезной на любом участке производства. Чтобы любое дело из рук не валилось. Да и правда: какой интерес всю жизнь выполнять одну и ту же работу? Ведь надоест чувствовать свою ограниченность.

— Это, пожалуй, верно. Я тоже иногда жалею, что умею работать только на одном станке, но не могу выкроить времени, чтобы получить ещё одну специальность. А ты — молодец, решительная, настойчивая, у тебя всё выйдёт.

— Иначе нельзя, Оля. Ты видишь, в какое горячее время мы живём: замкнись, отстань от действительности — и жизнь станет неинтересной...

Недели через три после этого разговора Гароза позволила Колобовой обточить какой-то болт. К тому времени Лида уже изучила устройство станка, умела затачивать резцы, и вот решила испробовать свои знания на деле. На первый раз не обошлось без конфуза. Болт, вместо цилиндрического, получился конический, до смешного уродливый. Но каждый новый урок приносил девушке уверенность, она всё точнее и красивее обрабатывала детали. Однажды Колобова на несколько дней заменила Гарозу, а затем успешно сдала зачёты на звание токаря.

У нового станка прошёл ещё один год её работы. Лида и здесь показывала образцы в труде. Этому способствовала кипучая, напряжённая жизнь цеха. Борьба за досрочное выполнение плана ремонта тендеров требовала большой надёжности рабочей силы, умелой расстановки её, поэтому Колобовой время от времени приходилось работать

на сверловочном или строгальном станках, подниматься в кабину крана.

Сейчас она снова работает строгальщицей.

* * *

До начала смены Лидия Михайловна проверила исправность станка, смахнула с него забытую сменщиком стружку, затем подняла на станину чугунную отливку буксы. Кажется, это — двадцатая с начала месяца, — прикинула она в уме и тут же решила: «Надо спешить. Цех создаёт задел деталей, и мне отставать нельзя — без букс тендер из ремонта не выпустишь...».

Когда над крышей тягуче и громко дважды прогудело, Колобова привычным движением включила станок. Станина вздрогнула и, неся на себе буксу, скользнула под резец. Строгальщица взглядом определила толщину стружки, прислушалась к монотонному говору частей машины. Всё было в норме. Затем она взглянула на часы и правой рукой взялась за маховичок суппорта.

Сегодня Лидия Михайловна решила обработать шесть букс вместо четырёх по норме, поэтому надо было точно рассчитать время и с выгодой использовать каждую минуту. Когда шла на завод, ей почему-то особенно отчётливо припомнилось недавнее цеховое собрание, посвящённое итогам работы в первом квартале. Оно прошло бурно, необычайно активно. Выступили даже те, кто любит отмалчиваться. А говорить было о чём. Завод вступил во второй квартал завершающего года пятой пятилетки, и ко всему коллективу предприятия сейчас предъявлялись повышенные требования. Ремонтники решили выполнить пятилетний план выпуска валовой продукции к первому ноября и выдать до конца года продукции сверх программы на 18 миллионов рублей. Поставили задачу отремонтировать дополнительно к заданию четыре паровоза, на два процента превысить плановое задание по повышению производительности труда, намного снизить себестоимость продукции, потери от брака.

Одним словом, задачи большие. И выполнение их во многом зависит от того, как будут работать тендерники. Они обязаны всегда помнить: каждый паровоз должен быть с тендером. Значит, нужно приложить все усилия, использовать все внутренние резервы, а с заданием справиться. Вот об этом-то и говорили на собрании. Было вне-

сено много разных предложений, но всё сводилось к одному: надо ещё выше поднимать производительность труда, улучшать технологию производства. Без этого не достигнуть цели.

Увлечённая думами и срочной работой, строгальщица не заметила, как шло время. К одиннадцати часам уже были готовы две буксы. Лидия Михайловна поставила на станок третью, но тут к ней подошёл мастер Александр Семёнович Кузнецов. Наклонившись над её ухом, он сквозь грохот прокричал:

— Выручай, Лида! Что-то случилось с крановщицей Ниной Сташевской, она ушла на медпункт, а в бригаде Gladkova надо перевернуть тележку. Сделай, пожалуйста, иначе ребята без работы простаивать будут.

Колобова кивнула головой и остановила станок. Через две минуты она уже была в кабине тридцатитонного электрического подъёмника. Уверенно включила рубильник, взглянула на приборы, затем повела кран туда, где работали слесари бригады Gladkova. Но переворачивать пришлось не одну тележку. То же самое Лиду попросили сделать в другой бригаде, а в третьей бригаде обязательно надо было переставить тележку на другое место, чтобы освободить пути.

После обеденного перерыва строгальщица снова принялась за своё дело. Пришлось до предела уплотнить рабочее время, чтобы наверстать около сорока минут, затраченных на кране в первой половине дня. И цель была достигнута: к концу смены около её станка, поблёскивая свежестью металла, выстроилось в ряд шесть готовых букс.

На другой день, ещё до начала работы, Лидию Михайловну у станка встретили начальник цеха Алексей Иванович Зародов и мастер Кузнецов.

— Есть у нас к тебе, Лида, общая просьба, — озабоченно сказал начальник. — Сегодня клепальщики должны закончить ремонт тележки, но она не совсем подготовлена для клёпки: ночью не успели просверлить отверстия. А нужны они дозарезу. Как видишь, пришли к тебе с просьбой: помоги клепальщикам. Знаю, что тебе хочется иметь задел букс, но придётся отложить. Так нужно в интересах цеха.

— А букс пока хватит, — поддержал Александр Семёнович. — Дня три продержимся на старом запасе, а там снова примешься за своё дело.

— Ну что же, если надо — значит пойду сверлить, — с улыбкой ответила Колобова. — Только одного не понимаю: что я буду делать три дня около одной тележки? Там всего на полсмены работы.

— Правильно, на полсмены, — ответил Зародов, — но мы решили подогнать токарный участок. Цеху нужно иметь побольше шкворней, болтов, нырля и других деталей, и одному токарю с заданием, пожалуй, не справиться. Вот и решили тебя на подмогу послать.

Лида вынула из ящика моток чистой обтирки, затем быстро пошла в инструментальную за сверлами. Проводив её взглядом, мастер, словно продолжая неоконченный разговор, произнёс:

— Вот и говорю я вам, Алексей Иванович, золотые у неё руки. Право, золотые. И душа хорошая: что ни попросишь — всё сделает. Шутка сказать: четыре специальности приобрела; кроме неё, ни одного такого человека в цехе нет, а ведь никогда не кичится. На всякое дело идёт с охотой. И я всегда уверен: если Лида за что-либо взялась — значит не подведёт, задание будет выполнено в срок и без огреха...

★ ★ ★

О Лидии Михайловне Колобовой можно сказать больше. И главная заслуга её не столько в том, что она в совершенстве владеет четырьмя специальностями и является необходимым человеком в цехе. Колобова — новатор. Но её новаторство своеобразно. Она ничего не изобрела, пока не внесла ничего нового в усовершенствование технологического процесса.

Раньше в цехе были люди, которые считали, что иметь две, три профессии, да ещё женщине, не только не нужно, а даже вредно. Это, мол, ведёт к разболтанности, к путанице в распределении и учёте труда, ко многим другим помехам. Колобова не раз горячо выступала против таких утверждений, доказывая, что так могут рассуждать только те, кто боится нового, привыкли держаться около одного станка и вовсе не думают о нуждах предприятия. Все мы, — говорила она, — должны стремиться к тому, чтобы овладеть культурой производства, быть полезными Родине всегда и везде. Одним из признаков этого стремления и является совмещение профессий, приобретение новых специальностей.

Правоту своих слов Колобова убедительно подтвердила

делами, жизненным опытом. Нет нужды рассказывать о том, что она в цехе теперь всеми уважаемый товарищ, знатный передовик, важно другое: по её инициативе, по её прекрасному примеру среди тендерников началось движение за овладение вторыми и третьими профессиями. Первыми за это взялись котельщики. Дело в том, что в цехе нет своих газорезчиков, они, как говорят, не предусмотрены по штату. А по условиям ремонта тендеров газорезчики крайне нужны. Поэтому за ними всегда ходили в другие цеха, что зачастую приводило к простоям целых бригад. Иногда газорезчик и нужен-то всего на полчаса, а ждать его приходилось час, бывало и хуже. Долго так перебивались котельщики, а потом собрались и решительно заявили:

— Будем сами осваивать профессию газорезчиков!

Начальник цеха поддержал стремление рабочих, и вскоре были организованы курсы. Руководить обучением будущих газорезчиков согласился начальник сварочного цеха В. Жеромский. Занятия проходили с большим увлечением, и через два месяца десять котельщиков получили новую специальность. Особенно успешно сдали зачёты Кенсорин Куваев, Пётр Груздев, Борис Смирнов и другие производственники.

Теперь котельщики не ходят в другие цехи за газорезчиками, а все работы выполняют сами. Кажется, не велико новшество, но как много даёт оно пользы всему коллективу цеха! Наличие смежных профессий у котельщиков создало новые возможности оперативно использовать рабочую силу, не только своевременно выполнять производственные планы, но и значительно перекрывать их. Благодаря этому тендерный цех на заводе по праву считается одним из передовых.

Но это лишь начало большой работы по овладению вторыми профессиями. Хорошая инициатива Лидии Михайловны находит широкое распространение не только среди тендерников, но и во многих других цехах.

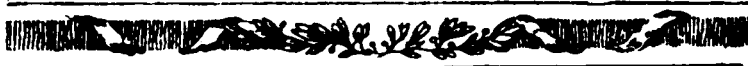
Ценно также и то, что Колобовой, как и всякому передовику, свойственно стремление передавать свой опыт другим, учить людей новым приёмам труда, в любое время прийти на помощь товарищу. Так, например, под её наблюдением молодой рабочий Герман Иванов овладел профессией строгальщика. С помощью Колобовой Любовь Кудряшова научилась управлять электрокраном.

В числе знатных людей завода Лидия Михайловна в

апреле 1955 года выполнила пятилетнее производственное задание и с той поры трудится в счёт новой пятилетки. Она, как всегда, проста, скромна и трудолюбива, готова выполнить любое задание по любой из своих четырёх профессий. Когда её спрашивают о планах на будущее, Колобова отвечает:

— Теперь главным в своей работе я считаю неустанное совершенствование мастерства, увеличение выработки. А для этого не только важна прилежность в труде, нужны и новые знания. И я учусь. Задумываюсь над улучшением технологии некоторых операций сверловки и обточки деталей. Пока трудно сказать, как это осуществится на деле, однако сдвиги есть, чувствую, что стою на верном пути. Моё призвание в жизни — не останавливаться на месте, не довольствоваться нажитыми знаниями, а всегда идти вперёд, как бы иногда это ни было трудно...

Хорошее, благородное призвание! Хочется верить, что и впредь всем творческим замыслам передовой советской женщины будет сопутствовать счастливая удача.

ПО РОДНОМУ КРАЮ

В лаборатории природы

Когда в Устюжне мы стали собираться в обратный путь, местные краеведы посоветовали:

— Поезжайте на катере вниз по реке Мологе до пристани Борок, а оттуда пароход доставит вас по Рыбинскому водохранилищу до Череповца. Путешествие будет очень интересным. Обязательно посетите Дарвинский государственный заповедник. На его территории происходят удивительные перемены в растительном и животном мире нашего края...

В Вологду из Устюжны можно возвратиться по железной дороге и на автомашинах, но мы всё-таки избрали более длинный маршрут — по водному пути. Ведь каждый из нас не раз уже мечтал побывать в Журавлином краю, там, где по воле советских людей возникло новое море.

Садимся на речной катер. Путь, по которому он пойдёт, значительно сократился. В одной из географических карт Российского государства сообщается:

«... А от Устюжны река Молога поворотила на полудни и течет до Волги 180 верст».

Советские люди внесли поправку в эту старинную карту. Теперь Молога впадает не в Волгу, а в Рыбинское море.

Катер плывёт то меж лугов и полей, то меж холмов и сосновых рощ. Местность вокруг удивительно живописная. Создается впечатление, что мы как будто проходим по залам великолепной картинной галереи.

Молога ширится, наливается, полнеет. Вбирая в себя воды многочисленных притоков, она как бы спешит скорее отдать их Рыбинскому морю.

За Вёсьёгонском стали попадаться острова. Издали они похожи на чудовищных великанов, стерегущих вход в реку. Катер, словно пугаясь их, сворачивает то влево, то вправо.

Ветер крепчает. На ровной, кажущейся неподвижной, как стекло, водной поверхности появились белые разводья пены. С каждым километром всё сильнее ощущается дыхание Рыбинского моря.

Обогнув один из островов, катер подходит к пристани «Борок». Вдали показались ветряный двигатель, приборы метеорологической станции, несколько построек, а у причала — вывеска: «Дарвинский государственный заповедник».

Сойдёмте на берег и постараемся проникнуть в происходящие здесь по воле советского человека явления и процессы.

Что же представляет собой заповедник, кто в нём обитает, каковы первые результаты научных исследований?

Дарвинский государственный заповедник, созданный в 1945 году, находится в северо-западной части Рыбинского водохранилища, на полуострове в Молого-Шекснинском междуречье. Это крупное научно-исследовательское учреждение. В противоположность другим заповедникам, здесь изучаются результаты изменений природы, вызванные активным вмешательством человека.

Площадь Дарвинского заповедника занимает свыше ста тысяч гектаров. Природные условия его чрезвычайно своеобразны. Ввиду резких колебаний уровня моря в разные времена года, береговая линия периодически смещается. Поэтому даже обычное подразделение территории на воду и сушу здесь весьма затруднительно. Около берегов, окаймленных полосой затопляемых лесов, всплыли торфяники. Они представляют как бы переходную зону между водоёмом и сушей, достигающую в некоторых местах нескольких километров.

Наиболее интересна жизнь самого водоёма. В настоящее время он находится в стадии становления. Это проявляется в бурном взаимодействии залитой почвы с водой. Обрывистые песчаные берега подмываются волнами и с каждым годом отступают на несколько метров. На дне моря происходит интенсивный процесс гниения остатков сухоходольной растительности. А это, в свою очередь, непосредственно влияет на условия жизни рыб. В отдельных местах водоёма из-за малой проточности воды и недостатка кисло-

рода почти совсем исчезли стерляди, голавли и подусты, привыкшие обитать на быстринах. Потребовалось активное вмешательство человека в формирование рыбного стада.

Научные работники заповедника, изучив гидробиологический и гидрохимический режим водохранилища, предложили разводить новые виды рыб. В соответствии с их указаниями рыбоводы выпустили в воду большое количество инкубированной икры сига и ряпушки, мальков сазана и зеркального карпа. Все эти рыбы прижились и обильно размножаются. Из Белого озера пришёл сюда снеток, а из Каспия — осётр. Однажды рыбаки поймали осетра весом 64 килограмма! В полях и заливах начинают попадаться караси, лини, ельцы. Рыбное стадо из года в год возрастает. Особенно большое промысловое значение приобретают судак и лещ.

На территории, затопленной водой, раньше не было водных растений и поэтому дно нового моря, ввиду особого гидрохимического режима, зарастало очень медленно. На помощь природе пришёл человек. Искусственным путём были увеличены заросли водных растений. В прибрежной части появились рогоз широколистный, рдест, гречиха земноводная, дикий рис, завезённый с кубанских плавней, водяной орех, тростник и т. д. Для наиболее ценных видов рыб образованы специальные нерестилища. Всё это открывает большие перспективы для дальнейшего пополнения рыбных запасов.

В зоне временного затопления растительность формируется почти заново. Вместо малоценных болот создаются богатые луга из бекмании, высокого райграса, кустовых кобров и других трав. Таким образом на месте исчезнувших лесов, полей и огородов появляются своеобразные водные растения.

Коренной переделке подвергаются также суходольные и заболоченные луга побережья. В соответствии с решениями партии и правительства о крутом подъёме сельского хозяйства, научные работники заповедника помогают колхозникам в освоении целинных земель, в выращивании новых сортов культурных растений. Интересные опыты проведены по внедрению в севообороты кукурузы, фасоли, фацелии и горчицы.

Большие исследования проводятся по выявлению действия водохранилища на леса в зоне подтопления и окружающих районов. В результате этой работы намечаются

пути лесохозяйственных мероприятий. Так, например, для укрепления размываемых волнами берегов рекомендуется садить определённые породы ив. Ивы могут служить также сырьём для изготовления кустарных изделий и в дубильном производстве. В зоне заповедника акклиматизируются новые ценные древесные породы.

Территория заповедника покрыта в основном сосновыми борами и обширными моховыми болотами. Они обильно заселены пернатыми и зверями. Около старых вырубок, зарастающих гарей и бывших ручьёв часто можно встретить красавца северных лесов — лося. Лоси, ранее хищнически истреблявшиеся, получили благоприятные условия для размножения. По скромным подсчетам, их здесь имеется уже свыше пятисот. Всё чаще и чаще стали встречаться уссурийский енот и другие ценные звери.

В лесах заповедника водятся также зайцы, лисицы, барсуки, белки, ласки, кроты, куницы, выхухоль, выдры, медведи, волки. С волками и медведями, как хищниками, ведётся борьба.

Над водохранилищем появилось множество птиц. Ведь для них столько здесь обильного корма и простора! Серые цапли образовали огромные колонии, нередко насчитывающие до трёхсот и более гнёзд. Следует отметить, что раньше у нас они встречались очень редко. Во время перелётов у берегов останавливается бесчисленное количество уток. Многие из них тут же остаются и на гнездование. Кряквы и чирки-свистунки устраивают гнёзда в лесу под мелкими ёлочками, а шилохвосты, широконоски и хохлатые чернети селятся на открытых песчаных островах. Над всплывшими торфяниками нередко можно увидеть орлана-белохвоста, парящего высоко в воздухе. Этот крупный хищник стал здесь постоянным обитателем. Неплохо себя чувствуют северные морские птицы — гагары, чайки-клуши и поморники, редко встречавшиеся в наших краях. Осели на жительство пролетавшие ранее мимо серые гуси. На некоторых участках стаи их состоят из трёхсот и более птиц. Подобных скоплений серых гусей в средних широтах Европейской части СССР нигде не наблюдалось.

Очень много в заповеднике глухарей. Весной даже вблизи посёлков можно набрести на их тока. Новыми поселенцами в зоне Рыбинского моря являются лебеди-кликуны. Это редкие гости в нашем краю. Наконец, на территории заповедника появились чёрные аисты. Вначале учё-

ные полагали, что аисты остановились здесь временно. Но, оказывается, нет. После обстоятельной разведки чёрные аисты даже избрали места для своего гнездованья.

Много нового и интересного узнали мы в природе, лабораториях и музее заповедника. Научные сотрудники поведали о том, как они в целях увеличения численности диких уток, скворцов и зверьков-дуплогнёздников сделали искусственные дуплянки и скворечники. В первый же год из 107 утиных дупел, вывешенных у воды, 27 были заняты гоголями, 2 — лутками и 44 — скворцами. А в одном из ящичков, оборудованном для мелких птиц, белка вывела даже бельчат. Мы видели, как приручённые людьми дикие утки мирно расхаживали вместе с домашними вокруг пруда.

Работники заповедника рассказали также об образовании движущихся дюн и пловучих торфяных островов. Оторвавшись от грунта, торфяники нередко срываются с «якоря». Ветер приводит их в движение и уносит в открытое море.

В дождливые годы местные жители уверяют, что под влиянием нового моря климат в тех местах, якобы, стал влажнее. Учёные этого не подтверждают. Водохранилище расположено в местности с умеренным климатом и избыточной влажностью. Солнце здесь греет не так часто и не так жарко, как, скажем, на Кубани. Поэтому увеличение влажности воздуха не могло произойти. Ведь испарение из болот, которые погрузились на дно водоёма, было значительно больше.

Следует отметить положительное влияние водохранилища на климат прибрежных районов. Большая масса воды уравнивает колебания температуры. В связи с этим потепление нарастает более постепенно, а осенью, наоборот, похолодание значительно замедляется. Вот почему реже стали наблюдаться весенние и осенние заморозки. За время существования нового моря среднегодовая температура повысилась на целых два градуса! Таким образом изменения в климате удлиняют вегетационный период в окрестных колхозах и создают более благоприятные условия для развития здесь сельского хозяйства.

В зоне Рыбинского водохранилища имеются метеорологическая станция, оборудованная совершеннейшими самопишущими приборами, рыбоводно-мелиоративная станция, постоянная база Всесоюзного института озёрного и речно-

го хозяйства. Усилия всех этих научно-исследовательских учреждений, возглавляемых Академией Наук СССР, направлены на всестороннее использование сил природы на благо народа. Вскрывая происходящие процессы на море, в море и вокруг него, научные работники указывают пути предотвращения вредных в хозяйственном отношении явлений и рационального использования громадного искусственного водоёма. Разнообразные прогнозы и исследования помогают речникам, рыбоведам, энергетикам, лесоведам, труженикам сельского хозяйства вносить поправки в практику, направлять развитие растительного и животного мира.

Советские люди, свято выполняя завет великого русского ученого И. В. Мичурина, не ждут милостей от природы, а всемерно заставляют ее служить своим целям. В этом мы еще раз убедились на многочисленных примерах из жизни Дарвинского заповедника.

... Пароходный гудок зовёт в путь. Значит, наше путешествие по лесам и болотам заповедника заканчивается. А жаль! Не хочется покидать эту удивительную лабораторию природы.

ВОЛНАМ НАВСТРЕЧУ

Снова стучит судовой двигатель. Чуть вздрагивая всем корпусом и разрезая податливую грудь воды, пароход выходит на просторы Рыбинского водохранилища. Берега постепенно раздвигаются и, наконец, вовсе исчезают в густой туманной дымке. В стороне от судовой линии-из-под воды вынырнула колокольня церкви, которая напоминает о том, что мы плывём над одним из затопленных населённых пунктов. Вокруг выются стаи птиц. Как-то не верится, что всего двадцать лет назад тут жили люди, шумели леса, зеленели луга, над дорогами клубилась пыль.

Капитан, поднявшись на мостик, проверяет путь судна и приказывает рулевому:

— Так держать!

Паренёк с обветренным лицом, в матросском бушлате, время от времени посматривая на приборы, крепко держит в руках штурвал. Курс — на Череповец.

Пароход вышел на широкий водный простор. Внизу слышится приглушённый, ворчаливый рокот. Набегая одна на другую, волны бурлят, пенятся, грохочут...

Море живёт!.. Желая подробно узнать его «биографию», мы обращаемся к капитану и спрашиваем наперебой:

— Каковы размеры Рыбинского водохранилища?

— Куда переселился город Молога?

— Часто ли бывают штормы?

— Где раньше проходило русло Шексны?

Вопросы сыплются без конца. Капитан, проплававший на судах не один десяток лет, неторопливо повествует о первых партиях изыскателей на дне будущего моря, о строительстве Щербаковской гидроэлектростанции, о рождении водохранилища, о жизни на новых берегах. Это увлекательный рассказ о покорении природы советскими людьми, о преобразовании родной земли.

... Образуя на своём пути много заводей, стариц и пойменных озёр, Шексна и Молога с незапамятных времён несли свои тихие воды к великой русской реке — Волге. Между ними лежала обширная низина, простиравшаяся с северо-запада на юго-восток почти на полтораста километров. На географических картах это место обозначалось светлозелёным заштрихованным цветом. Ведь здесь было непроходимое болото, которое даже летом не просыхало. Ольховые топи чередовались с раздольными заливными лугами, лесами и песчаными гривами. На гривах, как на островах, располагались населённые пункты. Крестьяне облюбовывали для своих домов места повыше, но вода в половодье добиралась и до них. Из одной деревни в другую нередко приходилось перебираться на лодках. Весной сюда прилетало множество пернатых гостей. Недаром местные жители называли междуречье «журавлиным краем».

В 1933 году в район Шекснинско-Моложской низменности прибыла комплексная экспедиция Академии Наук СССР. В её состав входили отряды геоморфологов, почвоведов, геоботаников и других специалистов. По берегам рек в разных концах раскидывались палатки и разводились костры. Учёные обследовали берега, дно, грунт, делали теоретические подсчёты, а потом десятки раз проверяли их в лабораториях. Были построены специальные модели каналов, шлюзов, турбин. Русло миниатюрной Волги перегораживалось плотинами. Словом, всё делалось так, как в скором времени должно было осуществиться.

Ещё на дне будущего моря паслись стада коров, в лесах и болотах вили гнёзда птицы, по просёлочным дорогам тя-

нулись подводы, а проектировщики уже вычислили подъём воды, обозначили на картах границы водохранилища, сделали экономические расчёты. В 1936 году исследовательские работы в основном были закончены.

Рассмотрев и проверив представленные по материалам экспедиции проекты, Советское правительство вынесло постановление приступить к сооружению сразу двух мощных гидроузлов на Верхней Волге — Угличского и Рыбинского. Научных работников в районе междуречья сменили строители. Около крохотной деревушки Переборы, в нескольких километрах от Рыбинска, появились буровые вышки, землеройные машины, транспортёры. Жители окрестных деревень с любопытством рассматривали не виданные в здешних местах механизмы.

Журавлиный край постепенно оживал.

Строительство основных сооружений гидроузлов развернулось в низменной пойме. В первую очередь были вырыты глубокие котлованы, а потом на забитые в их дно металлические сваи укладывался бетон. На многих заводах страны для электростанции изготовлялись турбины, электрооборудование, конструкции для шлюзов. Большие работы проводились по подготовке к затоплению низменности. Предстояло перенести десятки населённых пунктов и даже город Мологу на новые места — в Ярославскую, Калининскую и Вологодскую области.

На дне будущего водохранилища вырубали леса, сносили постройки, вывозили материальные ценности. Все расходы по переселению государство приняло на себя. В проектах предусматривалось также укрепление берегов от возможных размывов, переустройство рыбинско-посехонской шоссейной и Северной железной дорог, сооружение дамб и т. д. Словом, всё было взвешено и рассчитано.

В один из осенних вечеров 1940 года, когда все подготовительные работы были завершены, началось перекрытие русла Волги. По сигналу начальника строительства сотни людей, давно ожидавших этого часа, вступили в схватку с водной стихией. С обеих сторон в реку посыпались глыбы камней, которые непрерывно подавались по транспортёрам из дальних карьеров. Всю ночь здесь стоял неумолчный гул.

Русло реки к утру было перегорожено. Над каменной грядой, выросшей из-под воды, строители стали возводить плотину. Обузданная река сердито крутила водовороты.

Строители молча наблюдали, как водная лавина, встретив на своём пути непреодолимое препятствие, хлынула в водосливные отверстия.

Весной 1941 года, за два месяца до Великой Отечественной войны, пролёты плотины были закрыты, и началось наполнение чаши будущего моря. Полые воды, наткнувшись на преграду, стали растекаться по низменности. С каждым часом они поднимались всё выше и выше. Лишь кое-где на поверхности оставались небольшие островки, на которые устремились встревоженные звери. Может быть, все они погибли бы, если бы на помощь не пришли спасательные отряды. Взобравшись на заранее подготовленные плоты, звери совершали несбыточное путешествие к новым берегам. Таким образом было спасено много лосей, зайцев, лисиц и других обитателей наших лесов. А когда перелётные птицы вернулись к своим гнездовьям, то застали их уже под водой.

18 мая 1941 года на созданном по воле советских людей Рыбинском водохранилище был поднят флаг навигации. Из Москвы до Каспия через новые шлюзы открылся кратчайший водный путь, имеющий огромное народнохозяйственное значение. Впервые в истории волжского судоходства в верховьях реки судам не грозили мели и перекаты.

Водоохранилище создавалось настолько большое, что в первый год вешние воды не смогли полностью наполнить его ложе. Для этого потребовалось ещё несколько лет.

Нападение на нашу страну фашистских полчищ не дало возможности закончить строительство в срок. Хотя по новому морю плыли уже суда, но гидростанция к пуску не была готова. По призыву партии строители с ещё большим энтузиазмом продолжали работу. В ноябре 1941 года, когда на полях и в лесах Подмосковья кипели жаркие бои, закончился монтаж первой турбины. Собранные в водохранилище воды устремились на её лопасти. От Рыбинска к Москве протянулись мачты высоковольтной передачи. Белый уголь Волги, Мологи и Шексны, превращённый в электричество, стал ковать победу над врагом на промышленных предприятиях Ярославской, Ивановской и Московской областей. В то время, когда фашисты разрушили Днепрогэс, Рыбинская гидроэлектростанция была самой крупной в стране.

А сколько грузов для фронта и тыла перенесли на своей груди воды нового водохранилища! За время войны Рыбинский шлюз пропустил через свои ворота более 25000 су-

дов, наполненных боеприпасами, военным снаряжением, хлебом и другими товарами.

Наступила весна 1945 года. В тот год особенно широко разлились Волга, Шексна и Молога. Они с шумом несли свои воды в юное море. Наблюдатели водомерных постов, круглые сутки дежурившие на гидроузле, каждый час делали пометки в журналах. Вода прибывала и прибывала и, наконец, достигла заветной красной черты. А в то время по радио из Москвы передавали торжественные марши. Окончание создания Рыбинского моря совпало со знаменательным праздником — Днём победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Так в Журавлином краю возникло огромное искусственное водохранилище. Оно раскинулось на площади Вологодской, Ярославской и Калининской областей. Только в нашей области оказались под водой значительные площади Уломского, Мяксинского, Пришекснинского и Кадуёвского районов.

По затопленной низменности, там, где раньше были непроходимые топи да болота, пролегли глубоководные судоходные трассы. Водный путь от Москвы до Щербакова сократился на 1100 километров, от Углича до Череповца — на 142 и от Череповца до Щербакова — на 77 километров.

С пуском в эксплуатацию Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина открылась самая длинная на всём земном шаре внутренняя голубая дорога между пятью морями, омывающими родную землю. Часть этой дороги пролегает по Рыбинскому водохранилищу. Вот почему нередко сюда заходят посланцы пяти морей — Балтийского, Белого, Азовского, Чёрного и Каспийского. Они плывут от студёных берегов Северного Ледовитого океана к советским субтропикам и обратно. Путь кораблей стал значительно короче.

Советским мореходам отпала необходимость ходить из Архангельска в Одессу «кружным» путем — огибать Скандинавию и Англию, пересекать Средиземное море, пробираться по Дарданеллам и Босфору.

Необозримы просторы Рыбинского водохранилища. Размеры его таковы: длина 120 километров, ширина 60 километров, площадь 4650 квадратных километров. Среди искусственных водоёмов это самое крупное в мире. Ведь оно в пятнадцать раз больше Московского моря и глубже Азовского. В своё время американцы бахвалились водохранили-

щем Кентукки, но это водохранилище вчетверо меньше Рыбинского. А когда заполняется водой Сталинградское и Куйбышевское моря, то наше море по сравнению с ними также покажется маленьким.

Водосбор водохранилища слагается из стока верхней Волги, Шексны и Мологи. Раньше воды этих рек во время весеннего паводка бесполезно сбегали в море, а теперь служат источником энергии для промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

— Несбъятно и богато наше славное море, — продолжает рассказчик. — Шутка ли — общий объём его 25 миллиардов кубометров. Трудно даже себе представить, как это много. Ведь воды водохранилища вполне достаточно для того, чтобы заполнить канал шириной в сто метров, глубиной в три метра и такой длины, что им можно трижды опоясать земной шар по экватору...

Большие изменения произошли не только в природе, но и в жизни людей на новых берегах. Около Рыбинского моря возникли рыбозаводы, рыболовецкие колхозы и артели. По данным Всесоюзного научно-исследовательского института озёрного и речного рыбного хозяйства, за первые десять лет в новом водоёме добыто более 150000 тонн рыбы. В распоряжении рыбаков имеются мощные катеры, моторные лодки, траулеры, закидные неводы, капроновые сети. Уловы бывают очень большими. Рыбаки колхоза «Городище», например, за одно притонение поднимали по 20—25 тонн первосортного леща.

Десятки колхозных сёл и деревень, бывших ранее на площади нынешнего водохранилища, переселились на более удобные места. Обновлённые и помолодевшие, они, как на смотре, стоят на приморских берегах. Из окна домов льётся электрический свет. Этот свет появился в Междуречье с возникновением моря.

Зажиточно живут колхозники прибрежных Мяксинского, Уломского и Череповецкого районов. Год от года развивается и крепнет общественное хозяйство колхозов. Многие из них стали миллионерами.

Далеко за пределы области идёт слава о мяксинских льноводах. Не раз они одерживали победу во Всесоюзном социалистическом соревновании. Комсомольско-молодёжное звено Пани Груничейвой из колхоза «Ленинский путь» в 1953 году получило от 10 гектаров посева льна 89230 рублей дохода. Выращиванию высоких урожаев этой культуры

здесь способствует тёплый и влажный «приморский» климат.

Рыбинское море становится базой водного спорта, туризма и отдыха трудящихся. В погожие летние дни сотни отдыхающих и экскурсантов заполняют верхние палубы комфортабельных красавцев-теплоходов и отправляются в путешествие. В самом деле, хорошо прокатиться по широкому водному раздолью, по гребням вздымающихся волн!..

Заканчивая свой рассказ, старый капитан, выдавший на старой Шексне ещё бурлаков и познавший счастье новой жизни, не без гордости говорит:

— Да, велики и многообразны перемены, происходящие в природе водохранилища и на его берегах. Своими глазами мы видим, от какого неприглядного прошлого избавила наш край советская власть.

... Вечереет. Раскалённый медно-красный диск солнца спускается в воду. Впереди блеснул огонёк и погас, а через несколько секунд вновь вспыхнул. Это маяк. Вдоль трассы на бакенах мигают рубиновые лампочки, указывающие путь судам и предупреждающие об опасностях.

Ни днём, ни ночью не прекращается движение по большой водной дороге. Вахтенный то и дело тянет на себя ручку sireны, чтобы отсигналить встречным судам. Над водой раздаются пронзительные гудки: «Ту! Ту! Ту-у-у-у!» Вот наш пароход поравнялся с широкоплечим ледоколом «Дон», а за ним — вереница барж. Счаленные стальными тросами, они вытянулись в колонну почти на полкилометра. Одна, две, три, четыре, пять... Двадцать барж тянет за собой этот речной великан.

На горизонте замелькали светящиеся точки пассажирского парохода, идущего по направлению к Щербакову. Через несколько часов он пересечёт все Рыбинское море, а затем по волжским просторам направится к Москве.

На палубе мы провожаем короткую летнюю ночь и встречаем утро. Перед рассветом подул порывистый северо-западный ветер, над головами нависли тяжёлые свинцовые тучи. Показывая на вспененные волны, кто-то сказал:

— Чайки носятся над водой. Быть шторму...

Ветер крепчал. Началась сильная качка. Объявляется аврал. Штурман, склонившись над приборами, всё чаще проверяет курс парохода. Блеснула молния, и воздух потрясли раскаты грома. Волны нарастают. Сердитый ветер с дож-

дём сечёт лицо. Море превращается в клокочущий котёл, Судно кренился, и палуба словно уходит из-под ног...

Несколько часов длилось дикое разгулье разбушевавшейся стихии, причинившее речникам немало хлопот.

Шторм прекратился так же неожиданно, как и начался. Пробившись сквозь тучи, вдруг засверкали ослепительные солнечные лучи. Волны унялись, но всё ещё на поверхности воды колыхалась мёртвая зыбь. Наступало утро — розовое, светлое, ласковое...

Так вот оно какое, Рыбинское водохранилище! Оказывается, бури, возникающие здесь внезапно, доходят до десяти баллов, с огромными трёхметровыми волнами, способными опрокинуть и пустить ко дну большие суда. Теперь понятно, почему народ величает водохранилище морем и почему не каждому речному пароходу разрешается сюда входить!

В приморском городе

Когда пароход, обогнав полуостров, вошёл в полноводное устье Шексны, мы ощутили приближение портового города. Десятки судов, переключаясь пронзительными гудками, бороздят реку. Вдали, на правом возвышенном берегу, открылся зелёный массив, а на фоне его — многоэтажные здания и фабричные трубы. Это Череповец — крупный промышленный и культурный центр Вологодской области.

Пассажиры, приготовясь к выходу, поднялись на верхнюю палубу.

— Взгляните, как разросся наш город, — говорит один из старожиллов Череповца. — Ведь несколько лет назад вон там, на месте новых домов, были поля и огороды...

— Да, растём! — с гордостью отзывается другой.

Перед глазами пассажиров постепенно развёртывается панорама города. Всмотриваясь вдаль, они любуются прибрежными рощами, корпусами новых предприятий, окутанных клубами дыма, многоэтажными зданиями. А по берегам длинной вереницей тянутся склады, биржи, причалы.

Сделав крутой разворот, пароход подходит к большой двухэтажной пристани. Вот мы и у цели нашего путешествия — в Череповце. Давайте познакомимся с некоторыми страницами истории этого города.

... На берегах Шексны, нёшей свои тихие воды к могучей русской реке Волге, много тысячелетий назад горели костры первобытного человека. У городищ на песке лежали

выдолбленные или выжженные из древесных стволов челны. Об этом свидетельствуют находки советских археологов.

В XIII веке Череповецкий край принадлежал Белозерскому княжеству. Вольные новгородцы на своих лёгких стругах плавали по Шексне в сказочный Багдад, а также на Урал и в богатую Сибирь.

В XIV веке Белоозеро и прилегавшие к нему волости вошли в состав Московского государства. Русская земля в то время переживала период феодальной раздроблённости. Между удельными княжествами нередко разгоралась упорная борьба за новые владения. Московские князья с целью упрочить свою власть насаждали монастыри. Один из таких монастырей — Воскресенский возник в лесу на Череповси¹⁾. В качестве земельного дара ему было отдано село Федосьево — ядро будущего города.

Предприимчивые монахи выбрали для своего монастырского хозяйства высокий берег реки Ягорбы. Здесь, в глухом лесу, в изобилии водился пушной зверь, а в водах — множество рыбы. Было чем поживиться чёрному духовенству!

Череповецкий монастырь, являвшийся вотчиной московских митрополитов, а позднее — патриархов, быстро превращался в крупное феодальное хозяйство. В XVI веке в его владениях находилось уже около двадцати тысяч десятин земли, а также многочисленные рыбные ловы на реках и озёрах.

Вольготно жилось «духовным отцам». В 1725 году в монастыре числилось 32 монаха, а работало на них население 56 деревень. Прожорливые тунеядцы, облагая непосильными поборами своих подданных, раздули монастырское хозяйство до невероятных размеров. За высокой оградой были построены три церкви с колокольнями, жилые дома, житницы, амбары, погреба, а в подмонастырской слободе — скотные дворы, мельница, рыбный двор и т. д.

Во второй половине XVIII века федосьевские купцы обратились в сенат с ходатайством об обращении их посада в город. Екатерина II, не имевшая точных сведений о местоположении села Федосьева, 4 ноября 1777 года дала следующий наказ:

«... Всемилостивейше повелеваю в Новгородском наместничестве, на устье реки Суды (как видно, Екатерина

¹⁾ Череповси — древнейшее название местности.

не утруждала себя изучением географии Российского государства — на самом деле речь шла о реке Ягорбе, впадающей в Шексну), учредить при Череповецком монастыре для пользы водяной коммуникации город именованном Череповец, а при возобновлении выборов в оном наместничестве в начале будущего года приписать к сему новому городу уезд и учредить в нем судебные места...».

В состав нового города вошли село Федосьево и подмонастырская слобода. В то время там насчитывалось примерно пятьсот жителей. Среди них — купцы, дворяне и их дворовые, крестьяне, мещане и, наконец, духовенство.

Сначала Череповец рос очень медленно. На Рыбной горе долго ещё стоял дремучий лес.

Тихо протекала жизнь в маленьком провинциальном городке. При наличии трёх церквей и трёх кабаков никаких культурно-просветительных учреждений в нём не было. Жители занимались главным образом ремеслом, а купцы переправляли товары по Маринской водной системе.

В 1833 году в Череповце открылось уездное училище. В этом училище не было даже классной доски. Учитель-немец, с трудом изъяснявшийся по-русски, обучал детей письму, чертя буквы палкой на песке.

Не менее безотрадную картину представляло здравоохранение. На весь уезд, раскинувшийся на сотни вёрст, имелся только один лекарь. Так можно ли было думать в то время о получении медицинской помощи?

С развитием капитализма в России жизнь в Череповце несколько оживилась. Этому способствовало положение его на важном водном пути, связывавшем Поволжье с Петербургом. В летнюю пору по Шексне, являвшейся одним из звеньев Маринской системы, тянулись вереницы купеческих барж.

Развивавшаяся внутренняя торговля вынуждала местное купечество искать пути к сокращению сроков перевозки товаров и к снижению транспортных расходов. Прimitивные суда уже не соответствовали их запросам. Выход из этого технического тупика был найден в реконструкции Маринской системы и в применении буксирования барж тугами.

В 1860 году на Шексне появился первый пассажирский колёсный пароход «Смелый». Впервые в Шексинском бассейне на линии Рыбинск—Череповец—Чайка было открыто пассажирское движение.

Несмотря на благоприятные условия для экономического расцвета, до Великой Октябрьской социалистической революции Череповец оставался глухим и отсталым провинциальным городком Новгородской губернии. В одном из дореволюционных справочников указывается, что «город имеет пять церквей, несколько учебных заведений, окружной суд, земскую больницу на 38 кроватей, завод сельскохозяйственных орудий и машин (175 рабочих). В торговом и промышленном отношении значения не имеет».

По-иному сложилась судьба Череповца в нашу советскую эпоху. За короткий срок он превратился в один из крупных социалистических городов на Европейском севере РСФСР.

Особенно большие перемены произошли в Череповце с тех пор, как возникло Рыбинское море. Исстари сухопутный город стал приморским, а это, в свою очередь, сказалось и на жизни людей. Потомки пошехонцев-отходников и шекснинских бурлаков строят теперь речные суда, водят по Волго-Балтийскому водному пути быстроходные корабли, ловят траулерами рыбу.

... Распрощавшись с пароходом, выйдем на пристань, а потом поднимемся на Красную горку. Отсюда, с высокого холма, поросшего могучими вековыми деревьями, открывается прекрасный вид на Шексну и Ягорбу, на заречную сторону, на новые рабочие посёлки.

Центр Череповца сохранил в основном свой внешний вид таким же, как в тридцатые годы, но городские окраины разительно изменились. Границы жилых кварталов раздвинулись на запад и на восток, на север и на юг. Только за последние четыре года территория города увеличилась более, чем вдвое. Жилая площадь за это время возросла на десятки тысяч квадратных метров. В 1954 году возведено свыше двадцати благоустроенных многоквартирных домов.

Перед нами — большой порт. Снуют катеры и речные трамваи, гордо шествует красавец-теплоход, направляющийся в столицу нашей Родины — Москву, степенно проходят самоходные баржи и пловучие краны с поднятыми вверх стрелами.

Каких только грузов нет на причалах Череповецкой пристани! Сельскохозяйственные машины из Ростова-на-Дону, минеральные удобрения из Воскресенска, трелёвочные трак-

торы из Ленинграда, бакинская нефть, хлопок из Ташкента, стандартные дома из Архангельска.

Череповец стал важным пунктом перевалки грузов с водного транспорта на железнодорожный путь и обратно. Около складских помещений подняли свои могучие хоботы подъёмные краны. Перевалка грузов не прекращается ни на минуту. Одни из них из трюмов барж перегружаются на платформы, другие — из вагонов в крупные волжские суда. Грузооборот с каждым годом возрастает. Только один знатный механизатор А. В. Черепанов перемещает своим пловучим краном столько грузов, сколько давала вся пристань в «доморскую эпоху».

Городу стало тесно на отведённой ему ранее площади, и он перешагнул через реку. На левом берегу Ягорбы десять лет назад стояло несколько почернелых от старости крестьянских изб, а сейчас там высятся десятки красивых благоустроенных домов. В них живут судостроители, железнодорожники, механизаторы пристани — люди самых разнообразных профессий.

Ознакомимся с достопримечательностями города. Спустившись с Красной горки, мы попадаем на площадь Революции, где стоят трибуна и памятник В. И. Ленину. В дни революционных праздников здесь происходят демонстрации трудящихся.

От площади Революции начинается главная улица Череповца — Советский проспект. Рядом с большими каменными зданиями доживают свой век деревянные дома. На месте их скоро появятся новые — высокие, красивые, с просторными благоустроенными квартирами.

Советский проспект, почти в два километра длиною, начавшись от берега Шексны, оканчивается на противоположной окраине города, в районе железнодорожного вокзала. По обеим сторонам его тянутся аллеи молодых деревьев, посаженных после войны.

Череповчане очень любят красавицу-липу. На бульварах, в скверах, в городском парке и около жилых домов можно встретить этого зелёного друга. Когда жарким летом липы начинают цвести, воздух в городе надолго пропитывается тонким благоуханием.

Проходя по главной улице Череповца, мы особенно ощущаем деловой будничный ритм жизни одного из многочисленных советских городов, растущих вместе со всей страной. Снуют грузовики со стройматериалами, ящиками,

мешками, бочками, степенно проезжают жёлто-красные автобусы, стремительно проносятся лакированные «Победы» и юркие «Москвичи», хлопают на тугих пружинах двери магазинов, спешат прохожие. Где-то вдали возникла песня и, нарастая, приближалась. Мимо нас промчались два автомобиля, в кузовах которых сидели ученики школы ФЗО. Это будущие строители города.

На Советском проспекте сосредоточены учреждения, магазины, мастерские бытового обслуживания, культурно-просветительные и учебные заведения. Приезжие невольно обращают внимание на четырёхэтажное здание с колоннами, с большими светлыми окнами. В этом здании помещается средняя школа № 1, носящая имя великого русского писателя А. М. Горького. Свыше тысячи учащихся овладевает здесь основами знаний.

У входа в ярко освещённый клуб строителей толпятся девушки и юноши. Они пришли на спектакль артистов областного драматического театра, приехавшего сюда на гастроли. Череповчане любят театральное искусство. В недалёком будущем в Череповце будет открыт свой театр.

Свернув с Советского проспекта налево, пройдём по улице Ленина с маленькими уютными домами, прячущимися в густой листве деревьев, минуем оживлённый базар и попадаем на площадь Metallургов. Посреди площади — сквер, молодые деревья за резной решёткой, фонари с цветием белых шаров.

Перед нами грандиозный архитектурный ансамбль с красивыми многэтажными домами, окрашенными в радостные светлорозовые тона. Сотни семей трудящихся переселились в новые квартиры.

Строители позаботились об удобствах новосёлов. Зайдите в любую квартиру, и хозяйка вам обязательно покажет удобную кухню с плитой, ванную комнату, водопровод. Об электричестве и говорить не приходится — оно прочно вошло в быт. В нижних этажах жилых домов размещены магазины, почтовое отделение, кафе, столовая, сберегательная касса, физиотерапевтические кабинеты городской больницы, детский сад.

На улицах Верещагина, Энгельса, Володарского, идущих от площади Metallургов, также построено много больших домов. Не узнать стало здешних мест! Не окраиной, а центром в недалёком будущем назовут череповчане свой новый строительный район.

Череповец продолжает строиться. Отодвигаясь всё дальше и дальше на запад, он заставляет потесниться окрестные деревни. Некоторые из них уже влились в городскую черту.

Свернув с площади Metallургов на улицу Верещагина, мы попадаем на одну из строительных площадок. На площадке всё в движении. В открытые ворота один за другим въезжают самосвалы. Беспрерывно работает растворомешалка. Башенные краны, передвигающиеся по рельсам, подают на любой этаж железо, бетонные плиты, контейнеры с кирпичами, металлические конструкции. Сколько бы раньше потребовалось времени и людей, чтобы выполнить все эти работы? Тысячи! Ведь тогда основными орудиями труда строителей были топор да пила, тачка да лопата. А ныне одна комплексная бригада, состоящая из 20—25 человек, возводит четырёхэтажное многоквартирное здание в четыре-пять месяцев.

За годы советской власти Череповец не только вырос, похорошел, но и превратился в один из крупных промышленных центров Вологодской области. В нём насчитывается уже свыше пятидесяти предприятий и артелей промысловой кооперации.

Там, где в Шексну вливаются воды Ягорбы, возвышаются массивные каменные корпуса судоремонтно-судостроительного завода. Это одно из крупных предприятий города. Возникло оно в трудные годы Великой Отечественной войны, когда враг ожесточённо рвался в глубь нашей страны. С тех пор череповецкие судостроители спустили на воду немало судов и барж. Вот и сейчас на слипе кипит напряжённый труд. Ослепительно сверкают огни электроварки, беспрерывно раздаются удары молотков, слышится лязг металла. Одни рабочие производят настил днища баржи, другие заняты на обшивке боков, носовой и кормовой части, третьи ведут монтаж отдельных узлов. Весь производственный процесс организован по поточному методу.

На заводе повседневно внедряется новая техника и совершенствуется технология. В последние два года введены в эксплуатацию металлорежущие станки, термическая печь, мощные башенные краны, передвигающиеся по рельсам, перепланированы производственные площади, оборудованы пескоструйные камеры, освоена сварка чугуна холодным способом, внедрена механическая окраска судов и т. д. Всё это позволило до предела сократить ручной труд, освоить

производство сложных деталей, ранее поступавших с других предприятий, повысить качество работы.

Далеко за пределами Вологодской области известен Череповецкий завод автогаражного оборудования. Возник он на месте маленьких полукустарных металлообрабатывающих мастерских. На берегу Шексны вновь созданы просторные и светлые корпуса литейного, механического, слесарно-сборочного и других цехов. Для представления о росте завода достаточно сказать, что в 1954 году по сравнению с 1927 годом он выпустил продукции в 40 раз больше.

Далеко вперёд шагнула техника. На заводе внедрены комбинированные штампы, кокильное и центробежное литьё, механические прессы. Все станки переключены на индивидуальные электромоторы и оснащены низковольтным местным освещением. Всё это дало возможность значительно повысить производительность труда.

Благодаря возросшей технической вооружённости коллектив металлостроителей успешно освоил производство таких сложных изделий, как бензонасосы, водомаслогрейки, маслорегенерационные установки, баки для консистентных смазок, автофургоны для разъездных мастерских и перевозки продовольственных товаров. Более ста таких фургонов отправлено на целинные земли.

Завод автогаражного оборудования продолжает строиться. В ближайшие два-три года производственная мощность его увеличится втрое-вчетверо.

Значительно расширены, пополнены оборудованием и успешно выполняют производственные планы железнодорожная станция, пристань, порт, паровозное и вагонное депо. Сотни железнодорожников и речников за самоотверженный труд награждены орденами и медалями Советского Союза.

В Череповце широко развиты отрасли легкой и пищевой промышленности. Они представлены такими крупными предприятиями, как обувная, швейная, кондитерская фабрики, хлебокомбинат, ликеро-водочный завод, горпищеккомбинат, молокозавод, горпромкомбинат и другие.

На окраине города, за линией железной дороги, в 1954 году вступил в эксплуатацию мясокомбинат, который ежемесячно выпускает десятки тонн колбасных изделий. Основные и вспомогательные цехи нового предприятия расположены более чем в двадцати каменных зданиях.

В прошлом в Череповце было немало кустарей-одино-

чек, за бесценнок сбывавших свою продукцию перекупщикам. Сейчас они объединены в артели промысловой кооперации, обслуживающей бытовые нужды трудящихся. Таких артелей в городе имеется свыше десяти. Труд кустарей в основном механизирован.

Добрая слава идёт о небольшом, но дружном коллективе артели «Красный ткач». Череповецкие ткачихи изготавливают изящные пикейные одеяла, скатерти и другие изделия, пользующиеся у населения широким спросом.

Большие работы ведутся по благоустройству и озеленению Череповца. На улицах Луначарского, Володарского, Заря свободы и некоторым другим созданы бульвары, а около новых домов разбиты скверы. Только в 1954 году силами трудящихся посажено 25 тысяч деревьев и кустов. Улицы, площади и тротуары одеваются в асфальт, прокладываются канализационные трубы, расширяется автобусное движение и т. д.

Гордостью череповчан является краеведческий музей, известный далеко за пределами Вологодской области. Сюда приезжают учёные и экскурсанты из Москвы, Ленинграда, Риги, Вильнюса, Киева и многих других городов страны.

Что же влечёт людей в этот, казалось бы, тихий уголок? Прежде всего проникновенный, опирающийся на характерные цифры и примеры показ достижений промышленности, сельского хозяйства и культуры местного края. Может показаться странным, что обо всех интересных событиях в Череповце и в Череповецком районе мы узнаем именно в музее. Работники музея люди энергичные, активные, любознательные. Стоит только появиться чему-нибудь новому, как они берут его на заметку, выясняют, наблюдают, изучают. Так из множества фактов складывается общая картина больших изменений, происходящих в жизни и природе у нас на севере.

В настоящее время в музее собрано около ста тысяч экспонатов — диаграмм, схем, лучших образцов продукции, макетов и моделей, документов, фотографий, портретов и т. д.

Особый интерес посетителей вызывает отдел, посвящённый жизни и творчеству нашего выдающегося земляка В. В. Верещагина. В этом отделе сосредоточены редчайшие материалы о знаменитом живописце-баталисте: портреты членов семьи, детские и учебные рисунки, исполненные художником в первый год пребывания в Петербургской ака-

демии художеств, документы. Тут же, на стендах, висят его ранние этюды 1860—1866 гг., сделанные в период первых творческих исканий. На полотне воспроизводятся люди труда — крестьянка за прялкой, бурлаки, крестьянский мальчик.

Последовательно показывается дальнейшее творчество В. В. Верещагина — Отечественная война 1812 года, Туркестанская, Балканская войны, путешествия по Индии, Японии. Посетители могут ознакомиться с репродукциями и фотоснимками с картин художника.

В одной из витрин выставлены документы, знакомящие с последними днями В. В. Верещагина. Вот перед нами его письмо к племяннику К. Н. Верещагину, датированное 30 марта 1904 года, русские и иностранные журналы с посмертными статьями о знаменитом живописце-баталисте.

При музее имеется ботанический участок с 22 тысячами растений. На участке ставятся опыты по выращиванию прядильных, масличных, силосных и других культур. В летний период сюда приходят сотни экскурсантов, юннатов и садоводов. Одни из них интересуются результатами проводимых исследований, другие работают на грядках, третьи просят древесных саженцев для посадки.

Череповец стал городом учащейся молодёжи. Ранним утром по его улицам шумными стайками идут школьники и студенты. В воздухе звучат звонкие детские голоса, смех, шутки. В городе сейчас две начальных, пять семилетних и шесть средних школ, три ремесленных училища, три школы рабочей молодёжи, два техникума, музыкальная школа, медицинское училище, школа фабрично-заводского обучения. По сравнению с 1912 годом число учащихся увеличилось вшестеро.

В большом просторном здании на улице Луначарского, где помещается пединститут, около трёхсот студентов овладевает педагогическим мастерством. Им созданы все условия для плодотворной учёбы и разумного отдыха.

В здании пединститута в своё время получили образование Герои Советского Союза Е. Н. Преображенский, М. И. Сорокин, В. И. Малыгин. Своими героическими подвигами они вписали немало ярких страниц в историю Великой Отечественной войны.

На высокую ступень поднялось народное здравоохранение. Вместо единственной земской больницы, имевшейся в городе перед революцией, открыто 35 разных медицинских

учреждений. Среди них пять поликлиник с различными лечебными кабинетами, семь здравпунктов, четыре санатория, широкая сеть детских садов и яслей. На охране здоровья трудящихся стоят 450 врачей и медицинских сестёр. За успехи, достигнутые в области здравоохранения, тт. Корсаковой, Лохичевой, Стасову присвоено почётное звание Заслужённого врача РСФСР.

В Череповце сохранилось несколько мемориальных зданий и установлены обелиски на могилах выдающихся людей нашей страны.

На Социалистической улице стоит двухэтажный деревянный дом с резными наличниками. Здесь родился и жил В. В. Верещагин. Череповчане свято чтут память своего выдающегося земляка. 13 апреля 1954 года в день пятидесятилетия со дня гибели художника, на доме, в котором он провёл немало лет своей жизни, укреплена мемориальная доска. Лучшая улица города, застраиваемая многоэтажными каменными домами, названа именем В. В. Верещагина. Это же имя присвоено одной из средних школ.

В садике, находящемся по соседству с площадью Революции и обнесённом металлической оградой, под тенистыми деревьями воздвигнут мраморный обелиск Герою Советского Союза А. Н. Годовикову. Отважный лётчик-истребитель на подступах к городу Тихвину протаранил вражеский самолёт и погиб смертью храбрых.

На берегу Шексны, там, где начинается улица Труда, стоит кирпичное красное здание. Около входных дверей — мемориальная доска. Золочёными буквами на ней написано:

«В 1916—1918 годах
здесь учился
Герой Советского Союза
ЧКАЛОВ
Валерий Павлович»

В этом здании прежде помещалось техническое училище, а сейчас там лесомеханический техникум. Отсюда, с откоса реки, юный Чкалов любовался Шексной и подолгу просиживал над водой с удочками.

А как же будет выглядеть Череповец в недалёком будущем? Ответить на этот вопрос мы попросили главного архитектора города.

Перед нами карта-план Череповца со множеством условных значков. Не посвящённому в городские дела человеку все они кажутся одинаковыми. Но это не так. Присмотревшись, мы замечаем, что условные значки, словно сигнальные лампочки, окрашены в разные цвета. Одни обозначают дома, в которых уже давно поселились жители, другие — новостройки, третьи — запроектированные объекты...

Вооружившись указкой, главный архитектор, то и дело обращаясь к карте, рассказывает:

— Да, вы правильно подметили, что наш город развивается очень быстро. В повседневной текучке дел мы даже не замечаем, как всё вокруг изменилось. Недавно, в связи с выборами в Верховный Совет РСФСР, агитаторы попросили подготовить некоторые сведения за последние два года. Когда подсчитали, то оказалось, что жилая площадь за этот период увеличилась на 45 тысяч квадратных метров. В дальнейшем размах строительства станет ещё шире. Так предусмотрено генеральным планом. Раньше у нас строили главным образом одноэтажные и редко — двухэтажные дома. А теперь Череповец стал приморским городом, значит придётся ему подыматься выше. Четыре, пять этажей — вот какие будут у нас новые здания.

В скором времени в городе откроется трамвайное движение. Трамвайные линии вначале будут проходить по улицам Железнодорожной, Красноармейской и Металлургов, а потом уже — в посёлок водников.

А сколько новых красивых общественных зданий появится в городе! Вот здесь, на улице Горького, на месте бывшего питомника, будет воздвигнут кинотеатр. В при вокзальном районе вступят в эксплуатацию больница, поликлиника, родильный дом. На улице Ленина намечено построить Дворец культуры, а в центре города — клуб речников.

Вместе с ростом жилой площади и культурно-социальных зданий значительно увеличится сеть торгово-бытовых помещений, столовых, кафе, бань, прачечных, ателье и т. д.

Особенно много работ будет проведено по внешнему благоустройству города. Центральные магистрали и тротуары покроются асфальтом. На улицах и площадях увеличится количество зелени. Берёзовая роща, находящаяся в центре нового строительного района, будет превращена в парк. На западной окраине вместе с новыми домами появятся бульвары и скверы. Город украсят скульптуры, фон-

таны, белые шары на столбах уличного освещения. Через два-три года едва ли останется без электрических фонарей какая-либо улица, сквер, площадь или парк. В вечерние часы город будет залит электрическим светом. Резко увеличатся радио и телефонная связь. На перекрестках улиц появятся электрочасы, светофоры, обеспечивающие безопасность движения.

— Всё это только краткий перечень тех работ, которые будут проведены в Череповце в ближайшие годы, — говорит в заключение главный архитектор. — Городу предстоит расти и расти. Такая уж у него большая судьба...

Поздно вечером мы покинули кабинет главного архитектора и вышли на улицу. После душного помещения хорошо на свежем воздухе. Вдоль Советского проспекта светятся фонари, проносятся автомашины, из кинотеатра выходят зрители, спешат прохожие. Несмотря на поздний час, жизнь в городе не замирает. Пульс у него, как говорят врачи, хорошего наполнения...

ИЗ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Песни Севера

«Сказка — складка, песня — быль».

«Не я пою, душа поёт».

И много-много существует в народе поговорок и пословиц, определяющих характер русских песен, характер русской души, вылитой в песнях, в их бесконечном разнообразии.

И ещё говорили в старину:

«Бедный песни поёт, а богатый только слушает».

Народная песня — достояние тружеников.

Общеизвестно, что нигде, ни в одной стране нет такого богатого народного песенного творчества, как у нас в России, и особенно на Севере.

Народная поэзия, бытовавшая сотни лет и бытующая по сей день в деревнях ближних и отдалённых районов Архангельской и Вологодской областей, проникнута глубоким нравственным содержанием, человечностью, отображает волевой и сильный дух русского простого человека с его настроениями и душевными переживаниями.

«Покажите мне народ, у которого бы больше было песен, — писал Н. В. Гоголь, — наша Украина звенит песнями. По Волге от верховьев до моря, на всей веренице влекущихся барок, заливаются бурлацкие песни, под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни бабы пеленается, женится и хоронится русский человек».

Богата песнями наша советская родина. Каких только песен не поёт народ и на работе, и на отдыхе!

Песни бывают разные: любовные, лирические, истори-

ческие, былинные, плясовые, хороводные, свадебные и по- сиделочные, балагурные — скоморошья; есть песни, подни- мающие дух боевой, есть песни, слезу вышибающие.

Гениальный художник слова Тургенев в своём замеча- тельном рассказе «Певцы», изображая двух представите- лей устного народного творчества, показал чудодействен- ную силу умело и страстно исполненной песни.

Классики русской поэзии Пушкин, Некрасов, Никитин, Кольцов росли под влиянием народных песен — этого бо- гатейшего наследства русской культуры.

А разве наши современные поэты не прибегают к живи- тельному источнику народной поэзии?

Лучшие песни современных поэтов, благодаря такой взаимосвязи с фольклором, становятся народными.

В дни Отечественной войны песни наших поэтов и ком- позиторов силой своего воздействия увлекали бойцов на совершение героических подвигов, придавали храбрость, воспитывали бесстрашие и способность к самопожертвова- нию.

Наличие русских песен в сокровищнице народного твор- чества поистине огромно. Например, известно, что только в сборниках А. И. Соболевского, П. В. Шейна и П. В. Ки- реевского опубликовано свыше десяти тысяч песен, не го- воря уже о других многочисленных сборниках. И всё- таки, — как утверждает известный знаток русского фольк- лора академик Ю. М. Соколов, — всей массы напечатан- ных текстов для суждения о народной песне недостаточно, ибо песенное богатство во много раз больше имеющих публикаций.

Песенные богатства Севера недостаточно изучены, за- писаны лишь крупницы всего сохранившегося. Опубликован- ные записи песен (как, например, «Шенкурские песни», со- бранные П. Мокеевым в предреволюционные годы) явля- ются теперь библиографической редкостью.

Песенницы, пришедшие в Северный русский народный хор из Пинеги, с Мезени, из Лешуконья, из Карпогор и других северных уголков, внесли в репертуар хора северные русские старинные песни.

Немало талантливых исполнителей и хранителей народ- ных песен было и есть на Севере. Недаром и не случайно приезжают на Север за песнями исследователи-фольклори- сты. Существует изрядное количество сборников русских народных песен, и в большинстве их видное место зани-

мают песенники-северяне. Долгое время песни записывались от безымянных хранителей, не придавалось значения выявлению наиболее поэтически одарённых личностей, не было попыток создавать коллективы исполнителей народной песни из людей, любящих это дело, знающих множество текстов и напевов старинных русских песен.

Известно, что сказители бывают разные: одни — просто добросовестные хранители устного архива, дошедшего до них из глубины веков. Не допуская в песню посторонних слов, они бережно передают изустно в незабываемом, нетронутым виде то, что знают. Другие, творчески одарённые, не ограничиваются узкой ролью хранителей фольклора и в старые песенные и былинные формы смело вносят новое содержание. Прекрасной хранительницей северного народного эпоса, умевшей артистически устно передавать и, уместно импровизируя, видоизменять сказы и песни, была известная сказительница М. Д. Кривополенова.

В воспоминаниях О. Э. Озаровской о ней говорится: «И поехала бабушка со мной в Москву. А в Москве не одной мне, а многим тысячам показала, какая она артистка. Маленькая, сухонькая, а дыханье, как у заправского певца! Три зуба во рту, а произношение чёткое на диво...».

Семидесятивосьмилетней она выступала в Москве, Ленинграде, Харькове и многих других городах. Выступила перед широкой публикой сто тридцать пять раз! «Как не растерялась старая нищенка перед лицом тысячной толпы?» — спрашивает Озаровская и находит, что это тайна артистической власти. Пусть она неграмотная, нищая, а в первых рядах сидят знатные, богатые, учёные, но бабушка властвует над ними, потому что в эту минуту чувствует себя и богаче, и учёнее всех слушателей. Она поёт «Небылицу», эту пустую, забавную чепуху, и так властно приказывает всем подтягивать, что тысячная толпа, забыв свой возраст и положение, в это мгновение полна одним желанием: угодить лесной старушонке. Обаяние её личности, твёрдой, светлой и радостной, выкованной дивным Севером, отражается в её исполнении.

Среди песенниц Северного хора в Архангельске есть пинежанки, которые хорошо помнят бабушку Кривополенову и считают за счастье быть хоть немножко похожими на эту чудесную, неповторимую обладательницу крупнейшего самородного таланта.

Большую роль в собирании северных песен и их испол-

нении на сцене, эстраде, в различных аудиториях и перед микрофоном в радиостудиях выполняет получивший широкое признание хор северной народной песни.

С самого начала организации хора была занята правильная линия в подборе участниц хора из деревенских девушек и женщин, уроженок тех районов Севера, где в изобилии бытует песенный фольклор, где не забыты старинные напевы.

В старинных северных песнях, имеющих в репертуаре хора, преобладают любовные, лирические. В них то слышится девичья сердечная тоска по милому ясоку-соколику, улетающему куда-то далеко; то выражается горькая обида на дружка, легкомысленно бросившего девушку, и тут же обращение к окружающим с просьбой не злословить, а научить, как мила друга забыть. Отметим, что ни в одной из старинных любовных песен не встречается пошлого слова «дроля», которое нередко мелькает на Севере в частушках более позднего времени. В старинных северных песнях девушка, обращаясь к милому, называет его ласково, нежно: соколик, голубь сизой, воркуночик, соловейшко залётный и т. п.

В одной из песен девушка-северянка, выпевая свое горе, обращается к пташке, просит её слетать к милому дружку и сообщить ему:

Да довела меня участь горька
До горюшка до беды,
Да до горюшка до беды,
До немецкой слободы.

Очевидно, эта песня своим появлением и содержанием связана с периодом засилья иноземной торговли в Архангельске, когда значительную часть города занимала так называемая «немецкая слобода» с факториями немцев, англичан, голландцев и других торговых представителей, методично подрывавших экономику нашей страны. В ту пору многие девушки-северянки были вынуждены идти на работу по найму к иностранцам, у которых нелегко жилось, поскольку «почиталось за великую беду попасть в немецкую слободу».

В шуточных северных песнях (не редких в репертуаре архангельских песенниц) изобилует весёлый незлобивый бытовой юмор. Есть основание полагать, что шуточные песни и скоморошины появились на Севере благодаря следу-

ющим обстоятельствам. Из ряда исследований известно, что песня и пляска существуют на Руси испокон веков и что до самых преобразований Петровской эпохи со стороны церкви, не терпевшей светского развлечения, долгие годы тянулось обличение «бесовских» песен, уличение и преследование их исполнителей — скоморохов. Ещё при Грозном в «Домострое» указывалось: «... Гусли и всякое гудение и плясание и плескание и скакание и всякие игры и песни бесовские, якоже дым отгонит пчелы, такоже отыдут и ангели божи от той трапезы и смрадные беседы и возрадуются беси...».

Преследование весельчаков-скоморохов и песенников доходило до того, что в Москве по повелению патриарха отбирались и сжигались музыкальные инструменты. В обыходе оставляли только безобидную пастушескую берестяную свирель. И всё же потребность русского народа в песнях и развлечениях была настолько велика и сильна, что ни церковная аскетическая проповедь, ни преследование и гонение на скоморохов, ничто не мешало зарождаться, жить и широко распространяться русской песне. Весёлая, остроумная и едкая скоморошья песня вместе с её носителями была загнана на Север и там сохранилась до настоящих дней.

* * *

В детские и юношеские годы приходилось мне наблюдать, как на смену старинным песням приходили в деревню новые песни и распевались под гармонь и просто так. Сейчас я жалею о том, что не записывал тех песен; да и до записей ли было, когда казалось, что есть песни «печатные» в полных сборниках? На самом же деле многих тех песен в сборниках не доставало.

Вспоминая о том, как песни с годами менялись, могу сослаться на примеры и наблюдения из деревенской действительности. Сошлюсь на своих предков.

Прадед мой Кондрат, которого хорошо помнили мой отец и дядя Михайло, — знал очень много песен. Часть песен он, очевидно, усвоил от предков, кое-что вынес из долголетней солдатской службы. Много песен перенял от Кондрата и его внук — мой дядя Михайло и при хорошем настроении, чаще всего подвыпив, исполнял их. Мне запомнились отрывки песни о Платове. Песня начиналась так:

Платов брат нам и отец.
Совьём Платову венец.

Ему на голову взденём
Да и песню запоём...
В его армии служили,
Ни о чём мы не тужили.
Ружья, порох выдавали,
Чтоб французов убивали...
Начинали тут ребята
Палить с правого крыла,
Да ты скажи-ка, неприятель,
Каковы твои дела?..

Дальше в песне рассказывалось о храбром и смелом атамане Платове, который на своём вороном коне в качестве лазутчика ездил в неприятельский штаб и там разговаривал с самим Наполеоном о... Платове. Наполеон обещает «бочку золота» тому, кто укажет, где рыщет в тылах у французов неуловимый казак Платов. Песня заканчивалась словами ловкого и смелого героя:

Ворона ты, ворона,
Французский король!
Не сумела ты, ворона,
Сокола в клетке держать.
Так уж где тебе, ворона,
В чистом полюшке поймать...

Для моего прадеда и деда песня о Платове не была ещё исторической: они пели её с таким же, вероятно, чувством близкого понимания событий, как в наше время поются песни о партизане Железняке или о Чапаеве.

Из исторических песен-былин, унаследованных от прадеда Кондрата, в нашей деревне долго бытовала песня о том, как Иван Грозный намеревался сделать город Вологду второй столицей. Много раз в долгие зимние вечера мне приходилось слышать эту песню от дяди Михайлы. Случалось, ему не хватало голоса, тогда, прерывая пение, он вставлял от себя далеко не совсем точные пояснения — исторические справки. Между прочим, эта песня-былина среди наших усть-кубинских старожиллов считалась одной из самых популярных:

Как на той реке на Вологде,
Во Насоне¹⁾ было городе,
Где доселе жироваз грозен царь.
Основать хотел престольный град,

¹⁾ В старину Вологда, якобы называлась Насоном.

То для царского для могущества.
Окружил он град стеной каменной
Со высокими со башнями,
С неприступными бойницами...

За крепостными стенами царь велел построить собор
наподобие Московского Успенского, самолично надзирал
за работой строителей, чтоб те строили храм скоро и проч-
но. И вот:

Когда царь о том кручинился,
В храме новом-то похаживал,
Как из свода из высокого
Упадала камень на голову,
Во головушку во буйную,
В мудру голову Иванову.
Грозный царь тогда спрогневался,
Взволновалась кровь во жилушках,
Ретиво сердце вскипело тут.
Покидал он храм недостроенный,
Уезжал к себе в каменну Москву,
Насон город проклинаячи
И с рекой славной Вологодой...
От того ль проклятья царсква
Стали там болота топкие,
И река-быстра та Вологда
Стала мутною, стоячею,
И покрылась она тиною,
Скверной зеленью да плесенью...
Не суждено нашему городу
Быть другой столицей каменной,
Быть сестрою своей сверстницы —
Златоглавой Москвы-матушки...

Вспоминается мне одна историческая песня-баллада о
Петре Первом и кузнеце, песня более позднего происхож-
дения. Её часто распевал мой отец, от него переняли её охо-
чие до песен соседи-сапожники и нередко пели хором.

Лет пятнадцать тому назад я запрашивал об этой песне
известных фольклористов Ю. М. Соколова и Н. П. Андре-
ева, и оба они ответили, что такой песни и похожей на неё
ни в одном варианте они ещё не встречали. Помню, дядя
Михайло говаривал, что эту песню занесли в устькубинские
края бурлаки и землекопы, ходившие по Мариинской си-
стеме в Питер на заработки. Привожу часть текста этой
песни, записанной мною в 1940 году от А. Н. Труновой,
проживавшей в селе Усть-Кубинском (кстати сказать, эта
песня мною использована в «Повести о Федоте Шуби-
не»):

Приехал барин к кузнецу,
Силач он был не малый,
Любил он силою своей
Похвастаться бывало.

— А ну-ка, братец, под коня
Скуй ты мне подковы,
Железо крепкое поставь,
За труд тебе — целковый.

Кузнец на барина взглянул:
Барин тароватый:
«Давай-ка, барин, услугу.
Не по работе плата».

Кипит работа, и одна
Подкова уж готова,
Рукой подкову барин сжал —
Треснула подкова.

— Мне эта будет не годна,
Куй, кузнец, другую, —
«Ну, что, давай, ещё скую,
Скую тебе стальную».

И эту барин в руки взял,
Напружинил жилы,
Но сталь упруга и крепка,
Сломать её нет силы.

— Вот эта будет хороша.
Куй по этой пробе...
Меня охотники там ждут
Давно в лесной труппе.

Теперь я смело на коне
Отправлюсь на охоту.
А на-ко, братец, получи
Целковый за работу... —

«Ах, барин, рубль твой не добёр,
Хотя он и из новых».
Прсмеж пальцами, как стекло,
Сломал кузнец целковый.

Тут подал барин кузнецу
Вдобавок два целковых.
— Вот эти будут хороши.
Хотя и не из новых. —

«Ах, барин, хрупок твой металл,
Скажу тебе по чести».
Кузнец и эти два рубля
Сломал, сложивши вместе...

«Конец песни забыт, его надо досочинить самим, —
сказала А. Н. Трунова и добавила: — Смысл там был та-
кой: барин хоть не сказался, кто он таков, а кузнец всё же

распознал в нём Петра Первого. Понравилась Петру сила кузнецова, и вместо двух рублей он сунул за подковку четвертной билет. Вот как было-то!..».

Редкая, совершенно неизвестная в записях песня оказалась забытой только потому, что «старые песни стали не в моде».

Новые времена, новые люди, новые песни!

В девяностые и девятисотые годы с ростом и развитием лесной промышленности на севере, с увеличением отходничества на заработки в города на смену «досельным» песням стали проникать в деревни песни из городского — мещанского фольклора, а также песни фабричных рабочих, нередко насыщенные революционным, а также антирелигиозным содержанием. К числу последних можно отнести известную на севере песню, которую в предреволюционные годы в наших устькубинских деревнях пели многие:

... Церковь золотом облита;
Пред оборванной толпой
Проповедовал с амвона
Поп в одежде парчевой.
Исхудалые-худые
Были лица прихожан,
И с мозолями их руки, —
Поп был гладок и румян...

Эта песня под заголовком «Сказка о попе и чорте» опубликована в сборнике «Революционная поэзия» (1890—1917). Ленинград, «Советский писатель», 1954, редактор-составитель А. Дымшиц.

Вполне вероятно, что эта песня была занесена на север политическими ссыльными.

Позднее, в годы первой мировой войны, проникали на север солдатские фронтовые песни. В них отражалась горькая участь бойца:

... Посмотрите в ту долину,
Где недавно бой кипел,
Вы увидите картину:
Сколько крови, груды тел!
Там лежал солдатик бедный,
Не ушёл он от беды...

В суровые годы гражданской войны песни возникали в красноармейской среде и после коллективной обработки становились общепринятыми.

— Песня — наш первый друг, — говорили красноармейцы на Северном фронте.

С большой охотой они разучивали далеко не совершенные новые песни и пели на знакомый лад, на старые мотивы. Приведу две таких песни, записанные в 1919 году на Пинежском направлении Северного фронта ¹⁾:

Красноармеец умирал,
Сражённый злобными врагами,
Слова прощальные шептал
Он охладевшими губами.

А конь, товарищ боевой,
Стоял с поникшей головою.
Своею кованой ногой
Коснулся он груди героя:

«Вставай, вставай! Уже давно
Промчались наши эскадроны,
И скоро будет уж темно!»
В ответ ему раздались стоны:

«Не жди меня, мой верный конь:
Я не могу с земли подняться.
В моей груди погас огонь,
Пришла пора с тобой расстаться.

Беги на родину мою,
На фабрики, поля, заводы,
Скажи, что голову свою
Сложил я честно за свободу...».

Или вот другая песня, по теме и настроениям близкая к предыдущей:

На Северном Пинежском фронте,
В низинах болотистых мхов,
Бьются герои за правду,
За счастье грядущих веков.

А дома отец во кручине,
Сидит, пригорюнившись, мать,
Читают в газетах о битвах,
Желают о сыне узнать.

Вот с фронта приходят известья,
И есть в них военный приказ
О сыне, геройски погибшем
За нашу советскую власть.

Убит он английским снарядом,
Засыпан холодной землёй.

¹⁾ Приведённые песни были опубликованы в моём очерке «Песни на фронте». Журнал «Советский Север», Архангельск, 1938, № 8.

Но эта могила священна:
В ней похоронен герой.

О северном нашем герое
Потомство вспомнит всегда,
Вспомнит, как пал он на фронте
За красное знамя труда.

А мы его дело докончим
Могучей рабочей рукой.
Дружно, товарищи, выйдем
В последний решительный бой.

Сбросим железны оковы
И долгий мучительный гнёт,
Тогда над странюю свободной
Прекрасное солнце взойдёт!...

Надо сказать, что в то же время в белогвардейской среде было не до песен.

Да и что за смысл рядовому солдату, вчерашнему северному крестьянину, насильно мобилизованному в армию Миллера и брошенному в окопы против своих соотечественников и земляков, воспевать отживший старый мир или захватчиков-интервентов? Не веря в посулы англо-американских ставленников, солдаты-«беляки» иногда затягивали заунывную старую архангелогородскую:

Эх ты, участь моя, участь,
Участь горькая моя!
До чего ты меня, участь,
В эту пору довела?..

В наше время высоко поднялся культурный уровень народа-победителя. Появилось много песенников и репертуарных сборников, составленных при участии известных советских поэтов. В годы Великой Отечественной войны в песнях не было недостатка. Перо и слово поэта приравнивались к штыку и гранате бойца.

У нас немало поэтов-песнотворцев, талантливых и разнообразных. Их песни издаются миллионными тиражами, становятся достоянием общенародным. Но, кроме песен, написанных поэтами, есть множество новых песен безымянных авторов. Эти песни чаще всего пока хранятся в памяти и в записных книжках участников Великой Отечественной войны.

Иногда фронтовые песни возникали в результате коллективного творчества. Один кто-либо из бойцов, возможно, пробовавший писать стихи, сочинял остов песни, её

основную ткань-канву. По этой «канве» шла творческая, художественная вышивка. Кто-то добавлял новое, складно звучащее слово, кто-то усиливал мысль, кто-то укорачивал песню; в общем получалось нечто целое, осмысленное, по своему интересное, не обязательно пригодное для печати.

Приведу факт-пример, как однажды, на Карельском фронте, родилась сатирическая песня. Дело было на привале, около Массельги. Солдат играл на балалайке, напевая «Ах, вы, сени, мои сени». Поновой песен не оказалось под игру балалаечника, и тогда слово за словом стала складываться песня. Привожу её полностью:

Гитлер собрал свою банду
Да и подал ей команду:
— «В Русланд топайте,
В Русланд топайте,

Грабьте, жгите и шуруйте,
Что приглянется — воруйте,
Жрите-лопайте,
Да жрите-лопайте.

А потом вам, гансы-фрицы,
Наделю я всем землицы
За старание,
Да за старание.

Верьте мне и Риббентропу,
Мы ограбим всю Европу
Для Германии.
Да для Германии!»

И пошли тут супостаты,
Плутоваты, вороваты,
На Рассеюшку,
Да на Рассеюшку.

Мы теперь погану орду
Лупим в шею, лупим в морду,
Так умеючи,
Да не жалеючи.

Лежат фрицы вдоль дорожки,
Лежат вытянувши ножки,
Как лягушечки,
Да как лягушечки.

Из них вытряхнули души
Наши мощные «Катюши».
Наши пушечки,
Да наши пушечки.

Зверь зализывает раны,
Его чешут партизаны,
Наши хлопчики,
Славны молодчики!

И танкисты, и пехота,
И братишки из морфлота,

Пушкари-артиллеристы,

Лихачи-кавалеристы,

Пулемётчики

И наши лётчики!..

Гей, бойцы! Прибавим силы,

Не уйдёт враг от могилы...

Столкнём и капут ему — гаду
Паршивому, Гитлеру вшивому,

Геббельсу колченогому,

Гимmlеру — скоту безрогому,

Герингу — брюхатому,

Гессу — псу пархатому,

И всем им подобным тут

Трижды капут!..

Теперь приходится жалеть о том, что в годы Отечественной войны мы не всегда бывали внимательны к творческому солдатскому слову, не собирали попутно, между прочих дел, фронтовых самодеятельных песен. Как драгоценные крупницы народного творчества, они были бы ценны для любознательных исследователей и читателей. Но время ещё не ушло. Тщательный сбор таких песен, запись их — дело наших фольклористов...

Старинное песнотворчество уступило своё место новым песням, живущим в наше время.

К НОВЫМ УСПЕХАМ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Вопросы социалистического реализма на Втором Всесоюзном съезде писателей)

В конце декабря 1954 года в Москве закончил свою работу Второй Всесоюзный съезд советских писателей. За его работой пристально следили не только советские народы, но и миллионы трудящихся за рубежом. Съезд советских писателей явился большим событием в культурной жизни страны, свидетельством крепнущей солидарности всех прогрессивных литератур мира.

Если на Первом съезде 591 делегат представляли 1500 членов и кандидатов Союза советских писателей, то в работе Второго съезда приняли участие 720 представителей большого отряда советских литераторов, насчитывающего в своих рядах 3695 человек. Среди делегатов съезда — писатели 45 национальностей Советского Союза, среди гостей — 70 писателей из 34 стран мира.

Второй съезд заслушал доклады Алексея Суркова «О состоянии и задачах советской литературы» и Николая Тихонова «Современная прогрессивная литература мира». Доклады К. Симонова, А. Корнейчука, С. Вургуня, Б. Полевого, С. Герасимова, Б. Рюрикова, П. Антокольского, М. Ауэзова и М. Рыльского были посвящены основным проблемам прозы, драматургии, поэзии, детской литературы, кинодраматургии, литературной критики, вопросам художественного перевода литератур народов СССР. Ю. Либединский сделал доклад ревизионной комиссии Союза советских писателей, Л. Леонов — «Об изменениях в Уставе Союза советских писателей».

Съезд решил ряд организационных вопросов, направленных на подъём советской литературы. Обсуждая формы и

методы руководства творческой жизнью страны, писатели решительно требовали соблюдения коллективного принципа руководства Союзом писателей и его печатными органами. Съезд подчеркнул, что Союз писателей должен стать т в о р ч е с к о й организацией. Был принят новый Устав Союза советских писателей СССР, избраны Правление и ревизионная комиссия. Для усиления коллегиальности избрание Председателя правления не предусмотрено Уставом. Всей полнотой прав в решении жизненных вопросов литературы между пленумами Правления обладает теперь Президиум Союза писателей, а секретариат Союза — орган подотчётный Правлению и Президиуму.

На съезде выступило около двухсот делегатов и иностранных гостей. Его приветствовали московские пионеры и комсомольцы, учёные и представители Советской Армии, рабочие и колхозники, студенты и школьники. Они направляли на съезд своих делегатов, посылали многочисленные телеграммы.

Второй съезд писателей обобщил большой идейно-художественный опыт, накопленный советской литературой за последние двадцать лет, подвёл итоги литературного развития нашей страны.

* * *

Двадцать лет назад с трибуны Первого съезда советских писателей, который проходил в том же Колонном зале Дома Союзов, М. Горький говорил: «Если здесь, в этом зале, заложен фундамент объединения всей союзной литературы, — нам после съезда необходимо будет начинать практическое объединение в целях успешности трудной работы нашей, и работу эту нужно будет продолжать, развивая всё больше и дальше для того, чтобы создать ту могучую литературу, которая нужна не только нашей стране, народам нашей страны, но нужна, я смею сказать, всему миру»¹⁾.

С тех пор много исторических событий свершилось в нашей стране, но советская литература, став частью общенародного дела, не отставала от великих свершений нашего народа. Она росла и мужала вместе с ростом и укреплением социализма. По выражению Горького, «никогда ещё

¹⁾ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 724.

и нигде литература не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идёт в наши дни у нас»¹⁾).

Советская литература со времени Первого Всесоюзного съезда писателей прошла славный двадцатилетний путь развития, обогащения, роста. Не следует думать, что этот путь был гладким, а успехи — лёгкими. Советская литература крепла и закалялась в борьбе с чуждыми ей взглядами и течениями, в преодолении трудностей и неудач, неизбежных на пути роста. Она с честью прошла этот путь лишь благодаря постоянной помощи и заботе Коммунистической партии, руководившей поступательным движением искусства социалистического реализма.

Ещё на Первом съезде советских писателей А. А. Жданов подчеркнул авангардную роль советской литературы среди других литератур мира. С тех пор её мировое значение неизмеримо возросло. Если ко времени Первого съезда на иностранные языки было переведено всего 97 книг советских писателей, то в послевоенные годы, по неполным данным, осуществлено более 9 тысяч изданий книг девяти сот советских писателей. Советскую книгу можно встретить сейчас во всех частях света, во всех уголках мира.

Мировое значение советской литературы определяется теми чертами, которыми она обогатила художественное развитие человечества, тем, что она утвердила новый творческий метод социалистического реализма, указала прогрессивным писателям за рубежом пути для развития подлинно передового искусства. Книги лучших советских писателей в яркой художественной форме несут миру коммунистические идеи, раскрывают историческое значение Великой Октябрьской революции, вдохновляют на борьбу с силами реакции.

Опираясь на опыт советской литературы, на свои национальные литературные традиции, больших успехов добились и зарубежные прогрессивные писатели.

«Прогрессивные писатели, — говорил Н. Тихонов на съезде, — противопоставляют свои произведения, полные энергии, труда и веры в человека, в его великое будущее, книгам, расслабляющим волю к сопротивлению, приучающим к пассивности, отчаянию, зовущим к терпению и покорности».

¹⁾ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 410.

Вырождение современной буржуазной литературы связано с упадком и загниванием того строя, интересы которого выражает эта литература. «Буржуазная литература, зеркало умирающего общества, — говорит американский писатель Г. Фаст, — превратилась в стоячее болото, из этого болота поднимается такой смрад, какого ещё не знал мир. Никогда ещё в истории капитализма буржуазная литература не падала так низко».

Противостоящая буржуазному искусству прогрессивная зарубежная литература накопила большой идейно-художественный опыт. Наша партия, указывая на необходимость дальнейшего обогащения и совершенствования советской литературы, призывает советских литераторов использовать ценный художественный опыт иностранных прогрессивных писателей, наших зарубежных друзей.

К своему Второму съезду советские писатели пришли единой семьёй, сплочённой вокруг нашей партии и правительства. Съезд собрался, как справедливо подчеркнул И. Эренбург, не только для того, чтобы подвести итоги двадцатилетнего пути советской литературы, но и решить важные вопросы эстетики и теории, поставить задачи для дальнейшего развития искусства социалистического реализма, сказать, что ещё не сделано и почему, задуматься над книгами, которые предстоит написать.

Обобщив опыт советской литературы, подчеркнув её особенности, съезд внёс существенный вклад в вопросы теории искусства социалистического реализма, уточнил отдельные его положения.

Советская литература наследует, критически усваивает и развивает передовые традиции классической литературы, сложившиеся в предшествовавшие социализму эпохи. Однако в последнее время в пылу борьбы с ниспровергателями классического наследия, пытавшимися оторвать советскую литературу от литературного развития прошлого, забывались особенности советской литературы, заглушалось её новаторство. А между тем создание художественных ценностей социалистического качества, в частности опыт последнего двадцатилетия, даёт право утверждать, что особенности, отличающие нашу литературу от всех предшествовавших литератур, определились чётко и ясно.

«Эти особенности, — докладывал А. Сурков съезду, — заключаются в том, что наша литература защищает и утверждает социалистическую действительность, что на

основе строго объективной, исторически-конкретной картины жизни ей впервые дано изобразить всестороннюю победу положительного героя, на стороне которого — мощь, закон, этика и мораль социалистического общества; в том, что она является единой многонациональной литературой; в том: что она неизменно повышает роль писателя в жизни народа».

Метод социалистического реализма родился в годы первой русской революции, в огне боёв пролетариата с капиталистическим миром, а затем утверждался в борьбе с враждебными ему антиреалистическими течениями, проявлениями буржуазной идеологии, в обстановке строительства социализма. Этот метод ещё до войны перешагнул границы нашей Родины, доказал свою жизненность в годы борьбы с фашизмом. В послевоенное время социалистический реализм стал основной тенденцией в развитии прогрессивной литературы за рубежом.

На съезде подчёркивалось, что в понятии «социалистический реализм» определение «социалистический» является ведущим. Оно указывает на идейные позиции художника, на его отношение к изображаемой действительности; оно пронизывает основные требования этого метода: и необходимость правдивого изображения действительности, и необходимость показа её в революционном развитии, и, наконец, необходимость воспитания трудящихся в духе социализма. Все эти требования, выступающие в единстве, и определяются понятием «социалистический реализм».

Отстаивая принцип правдивости нашего искусства, реалистическое изображение жизни, мы исходим из того, что на свете есть одна правда, правда народа, борющегося за социализм. Эту правду и раскрывает художник социалистического реализма, проявляя коммунистическую партийность писателя, изображающего действительность с позиции того класса, интересы которого он защищает, а, следовательно, с позиции той партии, которая является единственной выразительницей интересов народа, — Коммунистической партии.

Перифразируя слова Маяковского, В. Катаев сказал на съезде: «Лично я — формально писатель беспартийный. Но уже в течение многих и многих лет я не отделяю себя от партии. Я считаю себя обязанным подчиняться всем партийным решениям и, по мере своих сил, проводить линию партии и бороться с её искривлениями». Опираясь на свой

творческий опыт, Катаев подчёркивает неразрывную связь партийности и народности в искусстве социалистического реализма. Он утверждает: «... Для того, чтобы написать что-либо порядочное, полезное для народа, нужно твёрдо стоять на идейных позициях коммунизма. Когда это чувство партийности во мне ослабевало, я писал плохо, когда чувство партийности во мне укреплялось, я писал лучше. Теперь же, дожив до седых волос, на Втором съезде нашем я могу сказать с этой высокой трибуны: только подлинная, глубокая, продуманная и прочувствованная партийность может сделать наш художественный труд полезным народу и создать действительные ценности».

Эту же мысль о связи основного принципа искусства социалистического реализма — принципа правдивости — с партийностью и народностью образно выразил на съезде и писатель-коммунист М. Шолохов. «О нас, советских писателях, — говорил он, — злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

И. Эренбург подчеркнул, что «политика Коммунистической партии — это путь к расцвету человеческих ценностей, к торжеству гуманизма», и что советская литература, защищая человека, продолжает великие гуманистические традиции русских классиков в новых условиях борьбы за расцвет социалистической личности.

С принципом правдивости связана и другая особенность нашей литературы — оптимистический характер её. Оптимизм литературы социалистического реализма — это выражение непоколебимой веры народных масс в победу справедливых социалистических отношений на земле. Эстетика литературы социалистического реализма никогда не требовала от советского художника замалчивания или обхода трудностей, связанных с борьбой нашего народа за торжество коммунизма.

«Эстетика социалистического реализма, — говорил К. Симонов на съезде, — не требует смягчения картин жизни там, где они суровы и даже беспощадны. Но она требует, чтобы за подвигом всегда видна была цель, за жертвой — то, во имя чего она принесена, за временным поражением — перспектива грядущей победы». Советская литература изображает действительность не просто как

объективную реальность, а рисует её исторически-конкретно, в революционном движении, в развитии, с позиций социалистического идеала. Пафос советской литературы — в показе торжества того дела и тех идей, за которые гибнут в суровой борьбе Чапаев из одноимённого романа Д. Фурманова, героиня поэмы М. Алигер «Зоя», молодогвардейцы из романа А. Фадеева «Молодая гвардия», которому отдают всю свою жизнь горьковский Павел Власов, шолоховский Семён Давыдов.

Богатый художественный опыт, накопленный мастерами социалистического реализма, говорит о том, что верным жизненной правде остаётся тот писатель, который изображает действительность исторически-конкретно во всей её сложности и противоречии, в её революционном развитии. «... Вся жизнь нашей партии, — говорил А. А. Жданов ещё на Первом съезде писателей, — вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами»¹). Революционная романтика является составной частью литературного творчества, органическим свойством социалистического реализма потому, что романтична сама наша социалистическая действительность с её великими планами и постоянным устремлением вперёд. Задача писателя в том и заключается, чтобы, не обходя сложных картин жизни, показать это сочетание «самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами».

Тот факт, что в некоторых книгах о деревне, созданных в послевоенные годы, появлялись элементы «улучшения» действительности, слащавой лакировки её, свидетельствует о том, что писатели, создавшие эти книги, отступили от важного принципа эстетики социалистического реализма — принципа правдивого, исторически-конкретного показа жизни. Эти писатели изображали желаемое как сущее, передовое, действительно существующее, как уже чуть ли не повсеместно достигнутое, утверждали полное торжество того, за что ещё борются партия и народ. В некоторых произведениях замазывались, заглашались трудности, имеющие

¹) А. Жданов. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире. М., ГИХЛ, 1934, стр. 14. Подчёркнуто мною. — В. Г.

место на пути нашего движения вперёд, создавалась обстановка парадного благополучия, ложное впечатление того, что желаемое достигнуто и остаётся лишь упиваться успехами и чуть ли не почивать на лаврах. Утрачивая историческую конкретность художественного изображения, писатель уже не может нарисовать действительность правдиво, в её революционном развитии, постоянном движении, в преодолении трудностей и противоречий, встречающихся на пути этого движения. Защитой этих основных позиций эстетики социалистического реализма и была продиктована критика романов Ф. Панфёрова и С. Бабаевского, прозвучавшая на съезде в докладах и выступлениях.

С тех же эстетических позиций были подвергнуты критике и произведения совершенно другого характера — пьесы «Когда мы красивы» Ф. Панфёрова, «Гости» Л. Зорина, «Гибель Помпея» Н. Вирты и др. Писатель, сосредоточивающий всё внимание на пройденном этапе, на сплошных тёмных пятнах и забывающий о том, какое место они занимают в жизни нашего общества, перестаёт видеть действительность в её революционном развитии и нередко скатывается до клеветнического изображения нашего общества.

Возникшее на основе художественного опыта мастеров советской литературы уставное положение социалистического реализма требует сочетания (так и сказано — «должны сочетаться»!) правдивости и исторической конкретности художественного изображения действительности с задачей идейной переработки и воспитания трудящихся в духе социализма. Это положение указывает на то, чему должен быть подчинён принцип правдивого, исторически-конкретного изображения жизни, подчёркивает воспитательную, общественно-преобразующую роль советской литературы. Однако точность этого положения, проверенного жизнью лучших книг советской литературы, была подвергнута сомнению в докладе К. Симонова. Возможностью произвольного прочтения уставной формулировки он склонен объяснять появление в послевоенные годы произведений, в которых сказывалось стремление «улучшить» действительность ради воспитательных целей. Думается, что лакировка действительности, не улучшавшая, а обеднявшая её, обусловлена не возможностью кривотчений уставного положения, а отступлением от правды жизни, от принципа исторически-конкретного подхода к ней, а, следовательно, и забвением воспитательного значения искусства.

Когда речь заходит о воспитательном значении литературы, имеется в виду прежде всего идейный смысл произведения, типичность изображённых в нём обстоятельств и характеров, то, во имя чего написана книга. И тут во весь рост встаёт проблема положительного героя, которая была, есть и будет центральной проблемой литературы. Поскольку типическое — проблема политическая, постольку и проблема положительного героя — также проблема политическая: в типизации характера героя раскрываются идейные позиции писателя, проявляются его оценки, воплощённые в присущую художнику форму.

На съезде указывалось, что ошибочное представление о советском человеке как о субъекте, личная жизнь которого резко отграничена от его общественной, трудовой деятельности, обусловило неудачи И. Эренбурга в повести «Оттепель» и В. Пановой в романе «Времена года». Изображая людей советского общества, И. Эренбург обращает, по сути дела, главное внимание на то, что им «доводилось видеть в жизни много плохого и мало хорошего, что плохое бывало чаще всего правилом, а хорошее — исключением». Отказываясь от полноты в изображении советских людей, от ярких художественных оценок своих героев, И. Эренбург скатывается к субъективному толкованию их взглядов и поведения.

В обрисовке характера Дорофеи, главной героини романа В. Пановой «Времена года», явно сказались элементы объективизма. Писательница не выразила своего отношения к ней, не дала оценки многим её поступкам.

Съезд решительно осудил и стремление некоторых писателей к нарочитому выпячиванию главного героя произведения за счёт принижения окружающих его персонажей. Это чуждое эстетике социалистического реализма стремление прямо связано с культом личности, с искажённым изображением роли личности в истории. Подобные отступления от требований социалистического реализма нередко наблюдались в пьесах и киносценариях, созданных в послевоенное время. К. Симонов считает, что особенно погрешил в этом отношении Ф. Панфёров. Анализируя целый этап в его творчестве, начиная с четвёртой книги романа «Бруски», К. Симонов убедительно доказывает, что Ф. Панфёров, поднимая над народом Кирилла Ждаркина, Николая Кораблёва и других своих героев, рисуя их, как чудо-богатырей, являющихся народу, идёт по пути чуждому социалистическому

реализму. Влияние этих ошибочных тенденций творчества Ф. Панфёрова сказалось и в книгах С. Бабаевского, особенно в изображении Сергея Тутаринова в романе «Свет над землёй».

Второму съезду писателей предшествовала довольно оживлённая дискуссия о положительном герое. Рецепты о том, как лучше состряпать «идеального героя», «идеальную личность», можно сказать, были разбиты ещё до съезда. А. Сурков подчеркнул в своём докладе, что наша литература «не может идти по пути создания «идеального героя» и образа «идеальной личности». «Встав на этот скользкий путь, — говорил А. Сурков, — она рискует скатиться к дурному сочинительству, подменить познание реальной действительности сочинением «рупоров идей» и дидактических проповедей». Советская литература и впредь пойдёт по пути создания таких положительных героев, как Павел Власов и Чапаев, Корчагин и Давыдов, Тимур и Зоя Космодемьянская, Мересьев и Сергей Тюленин, Воропаев и Илья Журбин, и других образов, созданием которых может гордиться наша литература.

Писатели решительно отстаивали на съезде горьковский принцип изображения советского человека в процессе творческого труда, подчёркивая, что именно в труде выражается его преданность коммунистическим идеям, действенная борьба за их торжество. Выступая против схематизма и вульгаризации в понимании самой темы труда, против подмены душевной жизни людей производственными процессами, К. Симонов говорил: «Тема трудового подвига — это человеческая тема, это история людей, характеров, человеческих отношений. Дело в том, чтобы показать отношение человека к труду, утвердив в литературе ту высокую мысль, что наше отношение к человеку определяется главным образом и прежде всего отношением самого этого человека к труду». Раскрывая характеры людей в труде, передавая поэзию честного, творческого социалистического труда, писатель не имеет права забывать и о личной жизни труженика. Только всестороннее изображение способно раскрыть радости и трудности его жизни.

Следование методу социалистического реализма вовсе не сковывает своеобразия художника, индивидуальных особенностей его стиля, творческого «почерка». Полвека назад в статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин указывал, что «литературное дело всего

менее поддаётся механическому равнению», что «в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»¹⁾. Это мудрое ленинское указание на специфику искусства подтверждено всем развитием литературы. Однако существовавшая долгое время подмена понятия «метод» понятием «стиль» ограничивала широкий разговор о многообразии форм и стилей внутри единого метода социалистического реализма. Наблюдались попытки подстричь под одну гребёнку всех писателей, не замечая своеобразия их творческих индивидуальностей, проходя мимо того различия, которое существует между такими художниками социалистического реализма, как Шолохов и Гладков, Твардовский и Асеев, Фадеев и Федин, Гончар и Казакевич. Съезд внёс ясность в этот вопрос, подчеркнул, опираясь на творческий опыт нашей литературы, что в русле единого метода социалистического реализма совершенно естественно и правомерно не только наличие разнообразных стилевых течений, но и творческое соревнование между ними.

В одном из документов, принятых съездом, говорится, что «для дальнейшего обогащения и роста советской литературы весьма важное значение имеет соревнование различных, развивающихся на основе принципов социалистического реализма, творческих течений, более смелые искания в области литературных стилей и форм, способствующие наиболее полному и всестороннему выявлению индивидуальности писателя и развитию его таланта».

Известное марксистско-ленинское положение о социалистическом содержании и национальной форме нашей культуры имеет основополагающее значение и для советской литературы. Вопрос же о специфике проявления социалистического содержания в каждой национальной форме остаётся не совсем ясным. Второй съезд писателей обратил внимание и на эту проблему. Большой вклад в её разработку внесли зарубежные гости, писатели Луи Арагон, Джек Линдсей, Жоржи Амаду. В общей форме по этому вопросу высказался К. Федин. Он подчеркнул, что художник отражает конкретный исторический мир каждой отдельной страны, каждой нации и делает это посредством тех приёмов реалистического искусства, которые особенно близки

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 10, стр. 28.

каждой отдельной национальной культуре. Серьёзного внимания заслуживает суждение грузинского поэта Ираклия Абашидзе, указавшего, что национальную форму нельзя определять лишь понятием национального языка. «Кроме языка, — говорил он, — национальную форму искусства и литературы в большой мере определяют и своеобразие национального характера народа, и специфика его быта, и национальные культурные традиции, даже своеобразная природа страны, порождающая в национальном искусстве особый колорит, особое сочетание красок и мелодий».

Обращаясь с приветствием ко Второму съезду писателей, ЦК нашей партии призвал советских литераторов и впредь уделять главное внимание идейной направленности литературы, повышению её художественного мастерства. Под этим лозунгом и проходил Второй съезд. Повышению идейного уровня и художественного мастерства литературы значительное внимание уделили и докладчики, и делегаты съезда, принявшие участие в обсуждении докладов. А. Сурков подчеркнул мысль о том, что литература «тесно связана с политикой, подчиняется последней». Поэтому её развитие тесно связано с той острой идейной борьбой, которой сопровождалось утверждение социалистического строя.

Советская литература закалялась в борьбе с различными чуждыми ей влияниями, взглядами, проявлениями буржуазной идеологии. Она непримиримо ведёт борьбу с рецидивами формализма, космополитическими тенденциями, пережитками буржуазного национализма, проявлениями групповщины. Нигилистические взгляды на советскую литературу, попытки подменить её партийность внеклассовым понятием «искренности», проявившиеся в критических статьях, опубликованных на страницах журнала «Новый мир» незадолго до съезда, встретили решительный отпор со стороны писательской общественности. «Правдивость в нашей литературе, — говорил на съезде И. Эренбург, — не расходится с партийностью, а тесно с ней связана. Мы знаем, что большое искусство всегда было тенденциозным, то есть страстным».

Значительную часть своего выступления М. Шолохов посвятил разговору о том, что только общими усилиями, только повышением требовательности всех писателей к мастерству можно сохранить уважение читателей, которое немалыми трудами серьёзных литераторов завоевывалось на

протяжении многих лет. Основное содержание выступлений на съезде, посвящённых вопросам повышения качества литературы, сводилось к тому, чтобы добиться от всех писателей перелома в отношении к проблемам формы художественных произведений и тем самым повысить их идейно-воспитательную значимость.

В этом плане шёл разговор на съезде и о детской литературе. Был разбит утилитарный взгляд так называемой «педагогической критики» на детскую литературу как чуть ли не своеобразное учебное пособие. Писатели отметили сомнительность самого жанра «школьная повесть» и единодушно говорили о детской литературе как предмете искусства, решающего и специальные задачи по формированию художественного вкуса детей и юношества, любви к родному слову, образному мышлению. Решительно осуждались на съезде книги, в которых скучно и назидательно воспроизводится педагогический процесс, а дети искусственно изолируются стенами класса и школы от жизни нашей страны, книги, в которых ореолом доблести окружается пятёрка и забывается, что достижение её необходимо для того, чтобы стать хорошим гражданином, полезным членом колхозного, заводского или фабричного коллектива. Поучительность должна органически входить в произведения детской литературы, воплощаться в яркую художественную форму. Ещё Белинский обращался к писателям: «Главное дело — как можно меньше сентенций, нравоучений и резонёрства... Дети хотят видеть в вас друга... требуют от вас наслаждения, а не скуки, рассказов, а не поучений». Этими, словно сегодня написанными, словами великого критика, под общие аплодисменты съезда, и заключил Б. Полевой свой доклад о современной детской литературе.

Делегаты съезда подчёркивали необходимость преодоления элементов холодной рассудочности, риторичности, умозрительности, которые ещё сказываются в поэзии. Наряду с характеристикой успехов советской эпической поэзии, сами поэты заговорили во весь голос о важности лирического выражения богатых чувств советских людей, о лирике любви, мимо которой они зачастую равнодушно проходили. Подчеркнув, что писатель во всё то, о чём он пишет, должен вкладывать свою собственную биографию, страстность, весь свой разум и сердце, всю любовь к людям, А. Фадеев в дискуссии о лирике поддержал О. Бергольц, посоветовав ей, однако, отказаться от термина «самовыражение», хотя

бы потому, что этот термин был на вооружении декадентов всех мастей.

Большое внимание съезд уделил и вопросам драматургии, количественное и качественное отставание которой задерживает развитие таких массовых видов искусства, как кино и театр. Политическая острота, глубокожизненные конфликты, взволнованность и страстность — вот что должно прийти на сцену и на экран.

Из всех видов литературной работы делегатов съезда особенно волновало состояние современной литературной критики и литературоведения. О критике говорилось, пожалуй, во всех докладах и во всех выступлениях. И это понятно: литературная критика — один из важнейших участков идеологической работы. Она призвана быть активной помощницей партии и государства в идейно-художественном воспитании и писателей, и читательских масс.

Наши критики и литературоведы принимали активное участие в борьбе с чуждыми идейными влияниями, немало потрудились над осмыслением многих явлений художественной культуры прошлого и, наконец, обратились к изучению опыта, накопленного советской литературой. Однако на пути развития нашей критики были и серьёзные ошибки, а некоторые из них дают себя знать и по сей день, находят отражение в школьных программах и учебниках, в школьном и вузовском преподавании.

Съезд решительно осудил «проработочные» кампании, вредные попытки наклеивать политические ярлыки и на критиков, и на писателей. Вопрос о развитии литературной критики был тесно связан с необходимостью создания творческой атмосферы в литературной среде, ликвидации проявлений групповщины.

ЦК КПСС в своём приветствии съезду обращает внимание на серьёзное отставание литературной критики и литературоведения, указывает, что они «призваны разрабатывать богатейшее наследие классики и обобщать опыт советской литературы, содействовать идейно-художественному росту нашей литературы».

Метод социалистического реализма даёт широкий простор для творческих поисков индивидуальных форм и стилей в самых разнообразных жанрах нашей литературы. Итогом обсуждения различных вопросов искусства социалистического реализма на Втором съезде явилось резко выраженное требование — повысить идейно-художественный

уровень, мастерство советской литературы, поднять ответственность каждого писателя за свой труд.

Второй съезд советских писателей — важная историческая веха в развитии не только советской, но и всей прогрессивной литературы мира. Он прошёл под знаком единения многонациональной литературы Советского Союза и сплочения писателей вокруг нашей Коммунистической партии. Съезд продемонстрировал плодотворность большого пути, пройденного советской литературой, упрочение её связей с прогрессивной литературой мира.

В приветствии ЦК КПСС «Второму Всесоюзному съезду советских писателей» дана боевая программа работы советских писателей. Партия снова указала на громадную роль литературы в воспитании нового человека, в укреплении морально-политического единства советского общества, в борьбе за построение коммунизма.

Крупные успехи, достигнутые советской литературой после Первого съезда писателей, партия видит в создании правдивых произведений о социалистическом строительстве, о трудовом и воинском героизме нашего народа в суровые годы Великой Отечественной войны, в развитии и взаимном обогащении национальных литератур. Партия отмечает рост международного авторитета советской литературы, завоевание ею признания миллионов зарубежных читателей.

Отмечая значительные успехи советской литературы, ЦК КПСС указывает и на её отставание от бурно развивающейся жизни, от запросов читателя, выросшего политически и культурно. Это отставание связано с отсутствием у отдельных писателей требовательности к своей работе, с появлением произведений, обедняющих нашу действительность, с серьёзными недостатками в области литературной критики, призванной содействовать идейно-художественному росту нашей литературы.

В связи с дальнейшим движением нашей страны к коммунизму, с ростом культурного уровня и эстетических запросов читателя, неизмеримо выросшего за годы советской власти, перед советской литературой встают новые, ещё более ответственные задачи. Партия указывает, что они вытекают из тех величественных задач, которые стоят сейчас перед нашей страной, перед партией и всем советским наро-

дом, идущим от социализма к коммунизму. Общественно-преобразующая, воспитательно-активная роль советской художественной литературы в этих новых конкретно-исторических условиях неизмеримо возросла. Вдохновлять советских людей на творческий труд и на преодоление всех имеющихся на этом пути трудностей и недостатков, на великое дело построения коммунизма — такова центральная задача, стоящая перед советской литературой.

«Быть на высоте задач социалистического реализма, — говорится в приветствии ЦК КПСС Второму Всесоюзному съезду советских писателей, — значит обладать глубокими знаниями подлинной жизни людей, их чувств и мыслей, проявить проникновенную чуткость к их переживаниям и умение изобразить это в увлекательно-доходчивой художественной форме, достойной действительных образцов реалистической литературы, — и всё это делать с должным пониманием великой борьбы рабочего класса и всего советского народа за дальнейшее укрепление созданного в нашей стране социалистического общества, за победу коммунизма. В современных условиях метод социалистического реализма требует от писателя понимания задач завершения строительства социализма в нашей стране и постепенного перехода её от социализма к коммунизму».

Партия решительно осуждает чуждое реализму приукрашивание действительности, замалчивание противоречий и трудностей роста, поиски некоторыми писателями, оторванными от жизни, надуманных конфликтов, которые приводили к клеветническому изображению советского общества, советских людей. Только глубокое изучение действительности «на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом, позволяющим видеть во всей сложности и полноте подлинную правду жизни», только глубокое понимание закономерностей и перспектив роста нашего общества позволит писателю вскрыть жизненные противоречия и конфликты, создать правдивые, яркие образы наших славных современников, раскрыть их богатый душевный мир, многообразие трудовой деятельности, общественной и личной жизни. Партия призывает писателей всемерно помогать победе нового, воспитывать советских людей в духе коммунизма, любви к труду, беззаветной преданности социалистической Родине. Поддерживая всё новое и передовое, писатели и впредь должны бичевать пережитки собственнического мира в сознании людей, обличать людей равнодуш-

ных и косных, помогать вытравливать из нашей жизни всё то, что мешает быстрому росту социалистического хозяйства и культуры.

Партия призывает писателей «со всей революционной страстью воспитывать и укреплять патриотические чувства советских людей, укреплять дружбу между народами, содействовать дальнейшему сплочению могучего лагеря мира, демократии и социализма, воспитывать чувства пролетарского интернационализма и брагской солидарности трудящихся».

Продолжение лучших традиций русской и мировой классической литературы, использование ценного опыта иностранных прогрессивных писателей, творческое развитие метода социалистического реализма, умелое применение его с учётом современных условий постепенного перехода от социализма к коммунизму, смелые творческие поиски в развитии различных жанров и видов литературы, в выборе разнообразных форм и стилей, повышение идейной направленности и художественного мастерства произведений, сплочение сил партийных и беспартийных литераторов, развитие принципиальной критики и самокритики, товарищеское обсуждение творческих вопросов, постоянная помощь молодым талантам, укрепление коллективных принципов руководства деятельностью Союза писателей — таковы пути дальнейшего подъёма советской литературы, намеченные Коммунистической партией.

«Советская литература, — указывает ЦК КПСС, — призвана служить делу трудящихся как самая передовая литература в мире и быть на вершине мирового художественного творчества». Писатели призваны отдать все силы служению советскому народу, создать произведения, достойные великой эпохи строительства коммунизма.

В ответном приветствии Второго съезда писателей Центральному Комитету партии говорится: «Писать так, чтобы молодёжь и дети брали себе в товарищи наших литературных героев, ставили их в пример! Писать так, чтобы читатель-труженик следовал за нашим героем в мир творчества и борьбы за утверждение величественного нового строя разумных и прекрасных человеческих отношений! Писать так, чтобы в самых далёких странах для обездоленных людей наше слово звучало, как слово друга и брата, поддерживающее в трудной борьбе, звучало, как гимн свободе!».

ПОЭТ КОЛХОЗНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(Заметки о творчестве Александра Яшина)

Свое, особое место среди известных поэтов нашей страны занимает Александр Яшин. В его творчестве тема новой советской деревни является основной, его литературная биография тесно связана с жизнью и трудом советского колхозного крестьянства. Это однако не значит, что тематически поэзия А. Яшина, так же, как и других поэтов, близких ему по общему направлению в литературе, не выходит «за околицу села».

Лирический герой поэзии А. Яшина — новый советский человек. Он вправе сказать о себе:

... Я в такую даль взглянул
От узенькой межи.
Такого воздуха хлебнул,
Что душу освежил...

Широта и многообразие жизненных интересов человека новой колхозной деревни, неугасимый «свет в душе» его получил яркое отражение в творчестве А. Яшина.

В прошлом году в Государственном издательстве художественной литературы вышла книга А. Яшина «Избранное», она явилась своеобразным творческим отчётом поэта за двадцать лет литературной работы.

Книга избранных произведений А. Яшина впервые даёт полное и цельное представление об основной проблематике, темах и художественных особенностях творчества поэта — нашего земляка.

К сожалению, до сих пор в печати не появилось обстоятельной статьи, в которой поэзия А. Яшина рассматрива-

лась бы как единое целое, намечались бы ведущие линии его творческого развития.

Настоящие заметки о творчестве поэта не ставят своей целью охватить все актуальные и интересные вопросы, возникающие в связи с рассмотрением его поэзии. Наша задача заключается в том, чтобы на отдельных фактах творческой биографии А. Яшина показать его связь с родной вологодской деревней, с северным фольклором, с тем ярким и обильным материалом, который предоставляет в распоряжение художника колхозная действительность.

★ ★ ★

Александр Яшин довольно рано почувствовал стремление самому сочинять нечто похожее на стихи.

В своей «Автобиографии» он вспоминает о первой ученической поэме «Про Арсеню батрака», который «за осминку табака робил год у кулака».

«Батрак Арсеня, — пишет А. Яшин, — был лицом реальным, кулак — тоже; всё, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодёжь, нередко заставляли меня читать свою «складную бывальщину».

Первые стихотворные опыты возникали не без влияния деревенских сказочников и песельников, которых было немало в округе и которые приносили в повествование или пение элементы собственного творчества.

Девичьи посиделки с частушками и протяжными песнями, выезды на дальние покосы, где до сих пор «престарелые сказочники определяют на должность кашеваров, им начисляют трудодни», умелые исполнители былин, собирающие кружок слушателей, — всё исторически сложившееся, вошедшее в быт фольклорное окружение и явилось для А. Яшина первой своеобразной школой поэзии. Ещё конкретнее и убедительнее для деревенского школьника был пример его товарищей, нередко сочиняющих бойкие частушечные четверостишия. Традиция эта существует и поныне: нехитрую частушку в северном колхозном селе может сочинить или по-своему переделать почти любой. Общение с живым, образным народным словом, прикосновение в ранней юности к истокам народного словотворчества сказались на всей поэтической практике А. Яшина.

Но только Великая Октябрьская социалистическая революция, вызвавшая к жизни могучие творческие силы народа, открывшая доступ к образованию миллионам трудя-

щихся масс, позволила А. Яшину стать известным советским поэтом.

Родился А. Яшин (А. Я. Попов) в бедной крестьянской семье в деревне Блуднове Вологодской области. Отца, погибшего в годы первой мировой войны, он не помнил. Поэтому судьба его, не будь Октябрьской революции, была бы похожа на судьбу героини одного из стихотворений, которая:

Где жила — не ведала,
Что вокруг — не видела,
Дальше поля дедова
Не бывала с выдела.

Два-три класса сельской школы — вот и всё образование, на которое мог рассчитывать деревенский бедняк из глухого Никольского уезда. Но в стране, осуществляющей под руководством Коммунистической партии построение социализма, шла культурная революция. Поэтому А. Яшин, бежавший одиннадцати лет от отца, чтобы учиться, довольно легко поступил в школу при Никольском детдоме, а затем в Никольский педагогический техникум.

Стихи, которые он печатал во время учёбы в техникуме в районных газетах «Никольский коммунар», «Ленинская смена» и «Советская мысль», были наивно-ученическими, хотя в них и чувствовалась непосредственность юности, стремление отразить то новое, что принесла в жизнь родного края советская власть.

В развернувшемся в 1929 году массовом колхозном движении комсомолец-студент педтехникума А. Яшин принял самое активное участие.

Организацию колхозов А. М. Горький называл «актом подлинного и полного освобождения крестьянства от «власти земли», из-под гнёта собственности».

Естественно, что крушение старого, частнособственнического уклада и переход деревни на новые, социалистические рельсы, массовая борьба крестьян против кулачества, обобществление основных средств производства в сельских работах, — все эти исторические события, проходившие в стране, — надолго определили основную литературную тему А. Яшина.

Однако его первая книга стихов «Песни Северу», изданная в Архангельске в 1934 году, не поднималась выше среднего уровня многих первых книг молодых писателей. Были в ней явно подражательные строки поэтам старшего

поколения и, в частности, А. Безыменскому, Н. Асееву, Э. Багрицкому, у которых учился тогда Александр Яшин.

Живя в ту пору в Архангельске, А. Яшин попрежнему много времени уделяет газетной работе, пробует свои силы не только в поэзии, но и в прозе, более серьезно занимается изучением фольклора, собирает колхозные частушки, «бывальщины» участников борьбы с англо-американскими интервентами на Севере. И всё-таки ему не хватало большой поэтической культуры, разносторонности литературных интересов. Вот почему таким важнейшим событием в его творческой биографии явился Первый Всесоюзный съезд писателей, состоявшийся в Москве в 1934 году. Яшин был послан на съезд от Северной писательской организации и принял участие в его работе. «На съезде, — пишет он в «Автобиографии», — я понял, что всё, что делал до той поры, есть только начало настоящей писательской учёбы».

В 1935 году Яшин переезжает в Москву и поступает в Литературный институт имени А. М. Горького.

Его книга «Северянка», выпущенная Гослитиздатом в 1938 году, была довольно разноречиво встречена литературной критикой, хотя в большинстве рецензий отмечалась поэтическая самобытность А. Яшина, «вольный, песенный, с неожиданными переходами ритм», «богатый словарь», «полусказочное ощущение Севера» (К. Симонов).

Особенно удачны были стихи о девушке-колхознице Олёне, вологодской кружевнице Алексеевне и некоторые другие, посвящённые простым труженикам Севера. На подлинно народной основе девичьих «страданий», заповок, частушек строились стихотворения «Слова-то красивого», «Шла я нынче заимкой», «Мета». Все эти стихи вошли в «Избранное» А. Яшина и объединены тем же заглавием «Северянка». Этот цикл дополнен также стихами последующих годов — «Девушка», «Сватовство», «Пуговка» и т. д.

Опираясь на конкретный материал вологодской колхозной деревни, который Яшин прекрасно знал, он создал ряд ярких поэтических образов, как бы выхваченных из самой гущи жизни. Его Олёнка, бойкая колхозная девушка, так отрезала «одному учёному из района», восхищавшемуся «интересными пережитками» старого Севера, что тот не нашёл что ответить и был довольно язвительно осмеян окружающими. Олёнка родилась и выросла при Советской

власти. И то чувство равноправия, гордое достоинство труженицы, с которым она разговаривает с «районным учёным», воспитала советская действительность. Это зримая примета нашего времени. Стихотворение «Олёнка» перекликается с частушечным четверостишием, живо передающим новые черты в характере девушки-колхозницы:

Говорят, что боевая,
Боевая я и есть.
Нынче времечко такое:
Боевым — большая честь.

Отсюда вовсе не следует, что именно эта частушка легла в основу стихотворения «Олёнка». Истоками того и другого произведений явилась советская социалистическая действительность. Она и определила родство характеров, отражённых в частушке и в стихах А. Яшина, народность этих характеров, их глубоко жизненную достоверность. Лукавый юмор окрашивает многие современные девичьи запевки, частушки и «страданья». Авторы и исполнительницы их не прочь посмеяться над неловким «ухажором — забавой», над соседками, которые любят посудачить, и т. д. На вечерах, где-нибудь в колхозном клубе, девушки поют:

Видно есть такие люди —
Несознательный народ:
Проводил дроля до садика,
Сказали — до ворот.

Полнота жизнеощущения, радостное чувство свободы и независимости от «власти» родителей, домостроевских обычаев породили в частушке этот лёгкий юмор, хорошо приметную лукавинку.

А. Яшин в стихотворениях «Шла я нынче заимкой», «Мета», «Сватовство» и многих других широко пользуется этим приёмом народного песенного творчества. Стихи становятся живее, доходчивее, когда в них есть человеческая теплота, есть этот задорный юмор.

Растущее мастерство поэта сказалось в свободном владении богатой, разнообразной народной речью. Фольклорные мотивы, характерные чёрточки северного говора он вводит в свои стихи не только для того, чтобы создать местный колорит, но и для того, чтобы в лучших из них подчеркнуть духовный рост своих героев.

Подлинно-творческое освоение фольклорно-песенного богатства далось Яшину, конечно, не сразу.

При использовании фольклорных материалов у поэта были и крайние увлечения. Таково, например, стихотворение «Вологодское новогоднее», в котором есть явные элементы стилизаторства. Но в целом сборник «Северянка» обнаруживал зреющий талант поэта.

Его лучшие стихи обладали гибким ритмом, свободным переходом от монологической формы повествования к диалогической, а, главное, большим умением перевоплотиться, войти в чужой характер и раскрыть внутренний мир своих героев, рассказать об их мыслях и переживаниях их же словами, их голосом.

В конце тридцатых годов А. Яшин работал над двумя поэмами: поэмой «Клад», созданной на материале гражданской войны, и поэмой «Мать», основательно переработанной в дальнейшем и включённой в книгу избранных произведений под названием «Мать и сын».

Поэма «Клад» не удалась А. Яшину. Чувствовался в ней и недостаточный его творческий опыт, и слабое знакомство с изображаемой эпохой. Зато поэма «Мать и сын» вошла в творческий актив поэта.

Рассматривая различные поэтические жанры, В. Г. Беллинский писал: «поэма... схватывает жизнь в её высших моментах»¹⁾.

Одному из высших моментов в жизни советского общества, революционному перевороту, который был равнозначен по своим последствиям «революционному перевороту в октябре 1917 года»²⁾ — сплошной коллективизации в нашей стране, и посвятил А. Яшин свою поэму «Мать и сын».

В 1950 году критик Э. Кедрина, мимоходом остановившись на поэме «Мать и сын» в её первом варианте, вынесла категорическое суждение, будто в этой вещи А. Яшин «потерпел решительную неудачу». Значительно переработанный новый вариант поэмы требует, на наш взгляд, более тщательного разбора и принципиально иной оценки как художественных достоинств, так и недостатков этого произведения.

По остроте и драматизму жизненной ситуации, по рельефности характеров главных героев, по глубокому проникно-

¹⁾ В. Г. Беллинский. Собр. соч., т. 3, стр. 465.

²⁾ История ВКП(б). Краткий курс. 1940, стр. 291.

вению в психологию крестьянина-собственника, с трудом, с болью отрывающегося от старого деревенского уклада, эта поэма — интересное явление в нашей советской литературе.

Действие поэмы начинается в конце двадцатых годов, когда советская власть от политики ограничения кулачества переходила к политике ликвидации кулачества как класса. Сюжет поэмы прост и жизненно правдив.

Студент педагогического техникума Василий после настойчивых просьб и писем матери приехал на каникулы в родную деревню. Незадолго до этого к Аграфене или, как звали его мать по-деревенски, Огрёне, посватался вдовец Михайло. Скупое, но выразительно даёт А. Яшин его портрет: «он был, как сыч, невиден, но глазасть». Михайло — хитрый, перемётчивый враг советской власти, прикидывающийся то «самостоятельным хозяином», то служащим Союзмыла. И, конечно, не нашла, да и не могла найти батрачка Огрёна счастья с кулаком Михайлой, который женился «на самой худородной из села», потому что нужно было к власти «примениться».

Михайле не сносить бы головы,
Когда б Огрёна с ним не породнилась, —

веско замечает один из героев поэмы, бывший батрак Пётр Валов. Ханжеством и лицемерием проникнуты отношения «мыловара» с Огрёной, которую он величает «большачихой» и «графинюшкой», но с которой беспощаден и безжалостен, как с любой из своих батрачек.

Но значение поэмы не только в реалистическом, безо всякого шаржирования изображении классового врага — типичного представителя северного кулачества, реальной силы, стоявшей на путях советского крестьянства к новой жизни.

На примере бывшей батрачки Огрёны поэт показывает, как гнёт частной собственности, дух стяжательства уродует, калечит человека.

Развитие образа Аграфены, её постепенное, с водворением в доме Михайлы, моральное опустошение и оупление — серьёзная творческая удача А. Яшина в этом произведении.

Целиком подпав под влияние своего «большака», Огрёна становится недоверчивой и недоброжелательной к людям, лицемерно-набожной, жадность одолевает её.

Звидовала всем,
Сама теперь.
Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И просыпалась. Проверяла дверь...
Баб к своему колодцу не пускала.

Даже её горькая и трудная любовь к единственному сыну Василию с годами скудеет и черствеет. И хотя сама Огрёна чувствует, что «жизнь не та», что в хозяйстве Михайлы она попрежнему безответная батрачка, она не находит в себе силы порвать со «своим» домом, «своим» конём, «своим» дворовым псом. Старое, тёмное, частнособственническое победило в ней и привело к бессмысленной гибели. Яшин оказался верен жизненной правде. Он не облегчил драматизма жизненной ситуации и показал страшную силу частнособственнических пережитков, отбивших Огрёну «от людей», морально развративших её. Именно это обстоятельство позволяет считать поэму «Мать и сын» произведением глубоко-современным.

Поэма А. Яшина «Мать и сын» помогает партийной и советской общественности в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей, воспитывает в читателе чувство ненависти к старому, омертвевшему миру частной собственности и его уродливым проявлениям.

Но поэма не только разоблачает, она учит горячей любви к трудовому народу, который под руководством Коммунистической партии преобразовал жизнь на новых, социалистических началах.

Читатель закрывает книгу «со стеснённым, но не омрачённым сердцем» (В. Инбер). Яшину удалось показать новые условия, в которых формируются новые характеры, с новым подлинно социалистическим отношением к миру. Таков образ Василия, мужественно и честно идущего на полный разрыв с матерью, родной по крови, но ставшей чуждой ему по духу. Колоритен и ярок образ Петра Валова, по прозвищу «Долог-тонок», деревенского активиста, одного из зачинателей колхозного движения. Но главное — то, что Яшин в поэме «Мать и сын» сумел отобразить зарождавшееся в среде самого трудового крестьянства колхозное движение, рост и силу этого движения, его победную поступь.

В страду за день меняются
Поля и сенокосы.

Так жизнь преобразается,
Когда в селе колхоз, —

пишет поэт в третьей главе. И это преобразование жизни с организацией колхозов на селе придаёт оптимистическое звучание поэме, является залогом того, что драма бывшей батрачки Аграфены никогда не повторится.

Основная переработка поэмы «Мать и сын» шла по линии её ритмического разнообразия, по линии более широкого, чем раньше, показа быта новой деревни. Однако несколько гнетущий общий колорит первой главы остался. Местами тяжёл язык, хотя А. Яшин умеет писать сочно и красиво.

В целом поэма «Мать и сын» свидетельствовала о неуклонном стремлении А. Яшина к эпичности, к исторически конкретному охвату важнейших событий в жизни советского народа.

С первых дней Великой Отечественной войны А. Яшин ушёл на фронт. Находясь в частях морской пехоты, он, как и большинство писателей его поколения, активно выступает на страницах центральной и армейской печати, публикует стихи, очерки, рассказы, редактирует краснофлотские многотиражные газеты. В московских издательствах выходят его сборники военных лет «Красная горка», «На Балтике было», «Город гнева» и «Земля богатырей». В «Избранном» лучшие стихи из этих сборников представлены в разделе «Защитники». Мужественно и сурово рассказывает поэт о подвиге трёхсот моряков, покрывших свои имена неувядаемой славой:

Отряд краснофлотцев в триста штыков
Не дрогнул в боях ни разу.
И скоро прославленных моряков
Вернули на флотскую базу.
Орлов запыханных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он всё уже знал,
И всё-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

Суровые испытания военных лет не сломили советский народ. Война показала крепость советского общественного строя, государственного строя, могучее морально-политическое единство советского народа. В одном из своих стихотворений А. Яшин очень точно сказал об этом чувстве

«семьи единой» (П. Тычина), с такой силой проявившемся в дни минувшей войны. Стихотворение начинается лирическим изображением весны, идущей «по всем дорогам», «по всем фронтам». Это была не обычная фронтовая весна, а победная весна 1945 года. Вот почему с такой глубокой любовью обращается поэт к своей Родине, к своему народу:

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.
Берёзоньку наклонишь —
Весь лес шуметь начнёт,
Кого из нас ни тронешь.
Подымешь весь народ.

Таких выразительных и сильных строк немало во фронтовой лирике А. Яшина.

В дни войны поэт попрежнему охотно и часто обращается к северной песне-частушке. Богатая словесная инструментовка стиха, разноударная рифма, внутренние аллитерации, параллелизмы, звуковые повторы, — все эти и многие другие приметы его стихотворной техники находятся в самом тесном родстве с народной поэзией северных областей.

В 1945 году А. Яшиным было написано стихотворение «Далёкие походы».

Жёлтые дороженьки,
Далёкие походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки скороходы.

Этот стихотворный «зачин» имеет свой первоисточник в широко распространённой на Севере заповке: «Эх, ноженьки, из дороженьки...». В «Далёких походах» употребляет А. Яшин и излюбленную тройную рифму в одной строфе:

Суконные обмотки,
Железные подмётки!
Земля вовек не видела
Уверенней походки!

Тройная рифма, придающая бóльшую крепость стиховой конструкции строфы, чрезвычайно характерна для северной частушки. Достаточно сравнить:

Не видал тебя давно.
Что-то на сердце темно,
Очень часто занавеской
Занавешено окно.

Вообще система рифмовки в северной частушке разнообразна и гибка. Есть четверостишия, в которых почти все слова рифмуются между собой. А. Яшин умело использовал достижения «народа-языкотворца» в своём творчестве.

Стихотворение А. Яшина «Шинель» не только развивает и обогащает ритмическую традицию частушек. Это — талантливое, вполне самобытное произведение. В нём А. Яшин выразил чувства воина-защитника, испытывавшего на войне немалые трудности, стойко переносившего всё во имя общей победы над врагом.

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В осень, слякоть и метель
Тёплая и модная.
Тёплая,
Чёрная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная...

Прибегая к излюбленному юмористическому повороту темы, А. Яшин далее пишет:

Неужели ж, неужель,
Я сниму свою шинель?
Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели,
По панели,
Поведёт меня жена?

Но далеко ещё было до окончания военных действий, когда писались эти строки. Миллионы советских людей, одетых в солдатские шинели, отстаивали право народа на мирное и независимое существование. Быть в едином строю с ними — высшая честь для каждого советского патриота, его священный гражданский долг. Поэтому-то и закончил поэт всё стихотворение горячей публицистической строфой:

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть, —
Не снимать своих шинелей
Мы почтём за долг и честь.

В стихах и балладах А. Яшина периода Великой Отечественной войны ярче проявились его индивидуальные творческие особенности, расширилась тематика произведений, мужественнее зазвучал голос.

Основной запас жизненных наблюдений, размышлений о судьбах народа, в дни войны, о нерушимом единстве фронта и тыла, о глубоком патриотизме советского колхозного крестьянства легли в основу поэмы «Алёна Фомина», над которой А. Яшин начал работать в 1944 году.

Вернувшись после демобилизации в родную деревню Блудново, поэт старательно подбирал материал для большого поэтического произведения о северном колхозе военных лет. Законченная в 1949 году, поэма «Алёна Фомина» после её опубликования была удостоена Сталинской премии второй степени.

Творчество поэта в предвоенные годы и в дни войны во многом предопределило заслуженный успех этого произведения, в котором и своеобразие А. Яшина, и его постоянное тяготение к созданию н а р о д н ы х характеров, и кровная близость к своим героям получили наиболее сильное художественное выражение. В стихотворениях «Сказочница», «Присказки», «Авдотьюшка», «Евдокия Петровна», написанных до войны, и в стихотворении военных лет «Настасья» поэт показывал, как «земля ложилась на счастливый путь», как менялась судьба простой женщины — крестьянки. Общественному коллективному труду, благотворно влияющему на формирование нового человеческого характера, в этих стихотворениях принадлежит важное место. «Одинокая, безродная» женщина Настасья, которая жила на окраине села, «белый свет не застя», трудно и нерешительно включается в коллективную работу своих односельчан. Но вот случилось так, что всеобщий трудовой подъём захватил её. И эта одинокая, жившая «в стороне» женщина в ритме общественного труда помолодела. Поэт пишет, что «спустя полгода Настю похвалили даже власти», и мы верим этому, ибо только труд мог так сильно и быстро преобразить человека.

А. М. Горький писал: «Социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда...¹⁾».

¹⁾ М. Горький. О литературе. «Советский писатель», 1953, стр. 718.

В этом ещё и ещё раз убеждаешься, читая поэму А. Яшина «Алёна Фомина».

Алёна — главная героиня поэмы, появилась ещё в предвоенных стихах «Олёнка» и «Сватовство». Уже в этих стихотворениях были метко подхвачены некоторые типические черты девушки-колхозницы. И потому, что Олёна была действительно типична, действительно взята от жизни, между ней и предколхоза Алёной Фоминой существует самое тесное родство. Поэма как наиболее ёмкий жанр поэзии дала Яшину возможность полностью «высказаться», широко и многопланово раскрыть свой любимый образ. Алёна Фомина — талантливый организатор колхозного производства. Её трудовая биография, её моральный и духовный рост тесно связаны с подъёмом нашей колхозной деревни. Заслуга Яшина в том, что он показал нам рядового вожака колхозных масс, который своим трудом, высоким чувством ответственности перед народом, перед партией заслужил уважение и доверие односельчан. Под её руководством колхозники «сумели использовать даже войну, чтобы шагнуть вперёд». Это обстоятельство показывает незаурядные организаторские способности Алёны Фоминой, ум, настойчивость и силу её характера. В конфликте с бывшим предколхоза Николаем Козловым, который до войны вёл дела «ровненько»: «Ни находок, ни потерь», Алёну Фомину волнует главный вопрос: сумеет ли Козлов сохранить взятые темпы, сумеет ли он вложить в дело «всю душу»?

Сейчас, когда Коммунистическая партия, борясь за крутой подъём всех отраслей сельского хозяйства, настойчиво подчёркивает, что председатель колхоза — это «центральная фигура колхозного производства», важно отметить, что Яшин удачно выбрал главным героем своего произведения — волевого и талантливого организатора колхозной экономики.

Люди хотят полёта,
Размаха души во всём, —

записывает в своём дневнике Фомина, вспоминая о Козлове и его отсталых методах руководства довоенным колхозом.

Мысль о том, что председатель колхоза во многом способствует достижению высокого уровня экономики сельскохозяйственной артели, красной нитью проходит в поэме А. Яшина.

«Многолетний опыт показывает, — пишет «Правда» в передовой статье от 5 апреля 1955 года, — что общественное хозяйство быстрее растёт и крепнет в тех колхозах, которыми руководят способные, преданные колхозному делу кадры, умеющие сплотить колхозников и успешно руководить коллективным хозяйством».

Председатель колхоза Алёна Фомина не из самолюбия не хочет уходить со своего поста. Она бы и рада уехать поучиться и сдать все дела Козлову, но, зная, как велика роль руководителя в колхозном производстве, она решает проверить Козлова на обычной работе, советуется с колхозниками. С горечью убеждается Фомина, что за время войны у Николая «крылья не отросли». Поэтому так длительно, а в отдельных местах, на наш взгляд, несколько затянута борьба Алёны Фоминой за Козлова-фронтовика, за его место в рабочем строю. Развеивая в Козлове чувства благодушия, упоения успехами, Фомина борется за него не только как за человека и рядового работника, но и как за будущего руководителя артельного хозяйства. В этом ей помогают все колхозники и секретарь райкома Михалёв.

Знакомясь с Алёной Фоминой, читатель видит национальный русский склад её души и в то же время её непохожесть на героинь поэтов прошлого, — в частности, поэта революционной демократии Н. А. Некрасова, создавшего незабываемую галерею образов русских женщин. В отчётливой некрасовской интонации А. Яшин рассказывает об одной из примет, характеризующих новое положение советской женщины в социалистическом обществе.

Кто не видал столов в кабинетах
Директоров, генералов, поэтов?
Книжной полки,
Натертый пол...
То — в городах, вдалеке от сел.
Это ж — нигде не бывалое,
Это —
Русской крестьянки письменный стол.

Душевная отзывчивость и суровость в колхозных делах, глубоко затаённая скорбь о муже и неутомимость в работе, жажда личного счастья и терпеливое ожидание вестей с фронта — все эти, казалось бы, резко противоречивые черты в характере Алёны Фоминой даны в органическом единстве, сильно и убедительно воссоздают её живой человеческий облик. Поэтичность этого образа раскрывается

в главе о детстве Олёнки, ставшей девушкой Алёной, первой красавицей и работницей в округе, а затем Алёной Николаевной — предправления колхоза в дни войны. Смело, с большим ощущением душевного здоровья и красоты описана радость Алёны, получившей письмо от мужа. Добежав до берега реки, она «упала. Смешались цветы полевые с цветами на сарафане её».

Но не только этим обаятельным, по-настоящему поэтичным образом новой советской женщины интересна поэма А. Яшина. Множество героев, выведенных в этом многочленном произведении, живут, чувствуют и мыслят по-своему. Васютка Козлов, его мать Дуня, жена Николая Козлова, «содержательный старик» — счетовод, Маня Лыкова и многие другие рядовые труженики сельского хозяйства, чей коллективный трудовой подвиг во время войны был равен подвигу советских солдат на фронте, нарисованы в поэме с большой человеческой теплотой и любовью.

Да и вся атмосфера поэмы, пронизанной солнечным светом, радостным, торжествующим чувством приближающейся победы, чувством беспредельности родных полей, оставляет глубокое художественное впечатление. Взволнованный публицистический эпилог поэмы в честь советской женщины, которая в разгар войны «опорой была для всей своей страны», приоткрывает занавес в будущее героев, когда «возвратились люди с фронта», когда вся страна была

В полях с утра,
И вокруг —
До горизонта,
Дальше — наши трактора.

Это будущее героев поэмы можно охарактеризовать словами самого поэта: «До чего же даль светла!».

В других стихотворениях А. Яшина послевоенного периода, в лучших стихах из циклов «Свежий хлеб» и «Советский человек» мы находим новых героев, которые в условиях развернувшегося по всей стране громадного строительства так же влюблены в жизнь, в свой труд и свою Родину, как и герои поэмы «Алёна Фомина».

Каменщик Бурмин и его жена, выпускники ФЗО, старый плотник, девушка-учётчица на льду — герои безыскусных поэтических рассказов А. Яшина. О своём труде они говорят как о призвании всей жизни. Творческая жилка,

законная гордость умельца слышится в словах старого плотника (стихотворение «Старый плотник»), рассказывающего ученикам об извечном плотничьем материале — сосне:

Для неграмотных сосна —
Только дерево, картина,
А для нас — гранит и глина,
Гипс и мрамор — всё она.

Талантливый и разносторонний поэт, Александр Яшин настойчиво работает над новыми произведениями о советских патриотах, откликнувшихся на призыв партии и правительства и поехавших осваивать целинные и залежные земли. Будем надеяться, что он добьётся серьёзных творческих удач и в этой сложной, благородной и чрезвычайно актуальной теме.

«Где жизнь, там и поэзия, — писал В. Г. Белинский, — а следовательно и содержание для поэзии». Лучшие стихи и поэма А. Яшина «Алёна Фомина» в книге избранных произведений тем и ценны, что они содержательны, жизненны, правдивы, что в них умело использованы удивительная красочность, меткость и богатство общенародного русского языка.

УЧИТЬСЯ МАСТЕРСТВУ

(О рассказах вологодских писателей)

Рассказ — боевой, оперативный жанр, он позволяет откликнуться на самые злободневные вопросы современности и вместе с тем имеет возможность воплощать в себе идеи большой глубины и огромного общественного значения. Кроме того, рассказ для молодого прозаика — это школа мастерства.

В статье «Беседа с молодыми» А. М. Горький советовал начинающим прозаикам «учиться писать... на маленьких рассказах, как это делали почти все крупнейшие писатели на Западе и у нас. Рассказ приучает к экономии слов, к логическому размещению материала, к ясности сюжета и наглядности темы».

Неудивительно поэтому, что рассказ занимает видное место в литературно-художественных сборниках, издаваемых Вологодской областной книжной редакцией, что его так же часто можно встретить и на страницах областных газет.

Некоторые последние произведения Н. Угловского, В. Гарновского, А. Браиловского свидетельствуют о том, что их авторы успешно работают в жанре рассказа, понимая большие его возможности. Но, к сожалению, вологодскими писателями ещё мало написано рассказов, глубоко изображающих жизнь, основанных на острых жизненных конфликтах, отражающих непрестанную борьбу нового со старым, победу нового, развивающегося над отмирающим, уходящим в прошлое; рассказов, герои которых наделены живыми запоминающимися характерами.

Активнее всех в жанре рассказа работает В. Гарновский. В областном издательстве вышли две книги его рассказов:

«Полесники у костра» (1950 г.) и «В краю лесов и озёр» (1952 г.). Постараемся выяснить и творческие достижения В. Гарновского, и недостатки его рассказов, типичные для большинства рассказов других авторов.

Рассказы, составляющие последнюю книгу В. Гарновского, объединены общим идейным замыслом: простые советские люди, рядовые наши труженики, чувствуют себя хозяевами своей родной земли, по-хозяйски осваивают они её природные богатства, по-государственному, с творческой инициативой подходят к каждому делу. Но этот идейный замысел не находит в рассказах достойного художественного воплощения.

На примере книги В. Гарновского видно, что и творчеству молодых вологодских литераторов немалый вред нанесли теория и практика бесконфликтности. В книге заметно стремление автора избежать изображения серьёзных жизненных противоречий, поэтому многие его рассказы — это лишь зарисовки, подчас лишённые конфликтов, характеров.

Вот, например, рассказ «Золотые луга», открывающий книгу. Пчеловод Максим Евсевич рассказывает спутнику о том, что колхоз по инициативе счетовода Кости осушил Гридинские болота. Конфликта в рассказе нет, хотя он и намечен. И до Кости колхозники пытались осушить болота, но дальше дум дело не шло. Костя явился организатором этого дела (так определяет его пчеловод). Но если вы захотите узнать, как же он организовал людей на такое довольно трудное дело, — этого вы в рассказе не найдёте. Организаторская роль Кости сводится лишь к тому, что он на собрании призвал колхозников выйти на осушение болот. А дальше дело само собой пошло на лад. Автора, видимо, не занимает то, как, преодолевая немалые трудности, колхозники, организуемые Костей и другими активистами, осушали болота, вместо этого он восторженно рисует картину Золотых лугов, появившихся на месте бывших болот. В. Гарновского больше занимает регистрация нового, утвердившегося в жизни, чем показ борьбы за утверждение этого нового, изображение результатов борьбы, чем сама борьба. Изображая так жизнь, Гарновский как бы убеждает читателя, что в нашей жизни не встречается значительных трудностей и препятствий, и стоит только задумать какое-либо дело, как оно без приложения особенных усилий, само собой осуществится. В рассказе «Мечтатели» по-

вестуется о том, как сидят осенней ночью в колхозной сушилке старички и мечтают о будущей жизни в своём колхозе: о садах, о новых машинах в сельском хозяйстве и о прочем. Разговор ещё не окончен, а в сушилку вваливается молодёжь, и старики узнают, что всё, о чём они мечтали, осуществляется на деле: комсомольцы решили заложить плодовый сад, колхоз получает две полуторки, из сельэлектро приезжает инженер для составления проекта гидроэлектростанции. «Мы тут сидим, мечтаем, а наши мечты на деле осуществляются», — с удивлением замечает один из мечтателей.

Как видим, всё происходит быстро и просто. Такое изображение жизни и есть не что иное, как слащавое приукрашивание нашей действительности, лакировка её. Не случайно в рассказах Гарновского мы почти не найдём отрицательных персонажей. Крайне редко он обращается и к изображению людей, преодолевающих в себе пережитки прошлого. Констатируя факты проявления нового, сближающего наше настоящее с коммунистическим будущим, писатель хочет помочь утверждению его в нашей жизни, но для этого есть куда более действенный способ: показывая борьбу нового со старым, сатирически разоблачая то, что тормозит наше движение вперёд, тем самым помочь победе нового над старым, способствовать утверждению нового в жизни.

Подобные рассказы встречаются не только у Гарновского. Таков рассказ Н. Бриша «Брусничка», отличающийся парадностью, где между новогодними тостами и праздничными разговорами герои вызывают друг друга на соревнование...

Иногда же писатель правильно намечает столкновение противоречий и на основе этого конфликта строит свой рассказ, но в рассказе всячески упрощает конфликт и старается выдать его за легко устранимое недоразумение. Этот путь также ведёт к поверхностному изображению жизни, к потере в большой степени одного из главных качеств произведения социалистического реализма — жизненной достоверности. Таков, например, рассказ Гарновского «Маленькие сотки». Колхоз, бывший в числе средних в районе, на уборке вдруг вырывается на одно из первых мест. В чём же секрет успехов этого колхоза? Как удалось в кратчайший срок вывести его в число передовых? Сделать это, оказывается, очень просто. Именно так говорит секретарь

райкома, ознакомившись с делами колхоза: «Да, действительно простое дело». Секретаря колхозной парторганизации, размышляющего над тем, как сократить сроки уборки, осенила счастливая мысль: «... Если каждый косец и каждая жнея по лишней сотке сделают, то на два дня с лишним уборку ржи раньше закончим». А там — на собрании — обсудили и организовали соревнование за лишнюю сотку, выпуская для этого боевые листки. Достигли же следующего: «Ну, теперь уж не об одной сотке речь идёт. Это в первые дни было, а потом и по полторы — по две нормы стали давать». Было несколько отстававших, «но сами же колхозники на них воздействовали... Теперь каждый из них не хуже других за сотку борется». Вот как легко и гладко в таких рассказах решаются самые сложные вопросы жизни, но так бывает, конечно, только на бумаге, в выдуманных рассказах, далёких от правды жизни, а не в самой жизни. «Маленькие сотки» — не единственный в своём роде рассказ в книге Гарновского; так же изображается жизнь и в рассказах «Иван Кириллович», «На пользу народу», «Друзья» и др. Недаром, когда читаешь эти рассказы, не покидает ощущение предвзятости, чувствуешь, что автор идёт не от жизни, а от схематического замысла, что рассказ написан по заданной схеме, выпирающей из него.

Примерно таким же путём идёт и автор рассказа «Курницы тётки Дарьи» К. Николаева. Конфликт, который лежит в основе его рассказа, жизнен в общественно-значителен. Из рассказа мы узнаём о том, как в отстающем колхозе произошёл перелом во взглядах колхозников на общественную собственность и как это отозвалось на делах колхоза. Довольно живо и правдиво рассказав о собрании, на котором наметился этот перелом, в дальнейшем изложении автор крайне упрощает ту трудную борьбу, которую пришлось правлению и активу колхоза вести за бережное, хозяйское отношение к колхозной собственности. Единственный конкретный эпизод этой борьбы, изображённый автором, анекдотичен и малозначителен.

Следовательно, ещё недостаточно того, что найден в жизни заслуживающий внимания конкретный конфликт. Нужно отыскать убедительные художественные средства, чтобы показать возникновение, развитие и разрешение его. Таких средств молодые прозаики часто не находят.

Ярко это проявляется и в рассказе Н. Зайцева «Три

офицера», который основан на глубоко жизненном конфликте. Капитан Лесков, «начитанный, пользовавшийся большим авторитетом в соединении» офицер, принимает решение после демобилизации жить и работать в родной деревне.

Но автор рассказа «Три офицера» не показывает своих героев в деятельности, в преодолении трудностей, в борьбе за осуществление своих целей. Люди, случайно встретившись, подводят итоги прожитого, старший поучает, подбадривает другого. Конфликт развивается где-то за рамками произведения, словесно, риторически. Именно от такой ошибки предостерегал молодых писателей А. М. Горький. Он писал, что начинающие литераторы «гораздо усерднее прислушиваются к словам, вместо того чтоб учиться подмечать новое в делах — в драматической борьбе прошлого и отжившего с настоящим, возникающим в жизни... А ведь пора понять, что наш мир создан не словом, а деянием, трудом».

Ошибка автора рассказа «Три офицера» присуща большинству вологодских прозаиков. Герои рассказов «Возвращение» Н. Волкова, «Кумовья» К. Белова, «Катя» Н. Угловского бесконечно резонёрствуют, морализируют, но ничего не делают.

Проблема конфликта неотделима от проблемы типических характеров.

С одной стороны, конфликт — это прежде всего закономерное и необходимое столкновение противоречивых характеров или же борьба нового со старым в характере одного человека. Во всех описательных, иллюстративных рассказах, о каких говорилось выше, нет конфликтов — в них нет и характеров. Так, о главном герое рассказа «Маленькие сотки» — парторге Грошеве автор говорит только, что это «немолодой уже колхозник», а из сухого рассказа самого парторга о своих делах перед нами не раскрываются никакие качества его характера. Не изображая героя в борьбе, в столкновении с отрицательными персонажами, в преодолении пережитков прошлого в своём сознании, писатель не сможет нарисовать его характер. Он вынужден лишь декларировать черты характера своих героев. Так и поступает В. Гарновский в рассказе «Лесной хозяин», указывая на «настоящую советскую честность», «любовь к делу» лесничего.

С другой стороны, в рассказе, изображающем столкно-

вание противоречий, конфликт убедительно разрешается только при том условии, если в произведении будут созданы типические, ярко очерченные образы, показанные в процессе борьбы и роста, в преодолении реальных жизненных препятствий. Такие образы встречаются лишь в немногих рассказах местных авторов («Только два дня...» В. Гарновского, «Честь отделения» А. Браиловского, «Чтобы цвели сады» Б. Монастырского).

Если же в рассказе вообще нет глубоко разработанных образов или же они не завершены, обрисованы лишь в общих чертах, а не конкретно, неизбежно снижаются его жизненная убедительность и сила воздействия на читателя, хотя он и основан на взятом из жизни конфликте.

Именно по этой причине художественно неглубок рассказ Н. Бриша «На мельнице», посвящённый актуальной теме: новое, привносимое в жизнь колхозной деревни людьми, приехавшими в деревню по призыву партии. Рядовая колхозница — мельничиха Авдотья, критикуя директора МТС и председателя отстающего колхоза, вскрывает самую суть их порочных, бюрократических методов руководства, изобличает их негосударственный подход к делу: председатель колхоза Попов, например, идя на поводу у отсталых колхозников, роздал на трудодни хлеб, приготовленный к сдаче государству. Мельничиха проявляет себя как передовая колхозница с развитым чувством критики. У неё душа болит за общее дело. Но на чём основаны эти свойства её характера? Как же сформировался у этой колхозницы, живущей на отшибе, такой правильный, глубокий взгляд на жизнь? На всё это автор даже не намекает; он не даёт в рассказе и такого материала, чтобы читатель сам ответил на эти вопросы. Неизвестно, как проявляет себя Авдотья в колхозных делах; или, может быть, она одна из тех, кто силён обличительными речами, а не делами?

Автор пренебрёг мотивировкой качеств характера героини, он изобразил её вне обстоятельств, в каких она живёт и действует. А образ Авдотьи — основополагающий в рассказе. Демидов, вновь назначенный секретарь райкома по зоне МТС, подбирающий таких колхозников, из которых можно будет создать актив, решает опираться именно на таких людей, как Авдотья.

В рассказе нет возможности изобразить характер во всей полноте его жизненных проявлений, процесс формирования его, так как здесь чаще всего повествуется об одном

каком-то событии в жизни человека без детального изображения того, что с ним было до и после этого события. Поэтому необходимо с наибольшей глубиной обрисовать характер героя в изображаемый момент его жизни.

«Художественная обрисовка характера в том и состоит, что, если он дан вам поэтом в известный момент своей жизни, вы уже сами можете рассказать всю жизнь и до, и после этого момента», — указывал В. Г. Белинский. Такой степени глубины в изображении характера не достигает Н. Бриш в рассказе «На мельнице».

Во всех рассказах вологодских писателей заметно стремление создать типические образы, но далеко не всегда это удаётся. Начинающие прозаики в большинстве случаев забывают «основной закон творчества», который так сформулирован В. Г. Белинским: «... надобно, чтобы лицо, будучи выражением целого особого мира лиц, было в то же время и одно лицо, целое, индивидуальное. Только при этом условии, только через примирение этих противоположностей и может оно быть типическим лицом...». Герои книги Гарновского «В краю лесов и озёр», воплощая в себе типические черты советского человека, не имеют определённого индивидуального облика и часто отличаются друг от друга лишь профессией, возрастом да собственными именами.

Молодые литераторы, как правило, показывают героя лишь во внешних проявлениях, не раскрывая всего богатства его внутреннего мира, не освещая его изнутри, не мотивируя психологически его поступков.

Своим рассказом «Выбор профессии» В. Илларионов обращается к выпускникам средних школ с призывом идти работать на производство и в сельское хозяйство, где так нужны грамотные люди. Но вследствие того, что автору не удалось создать впечатляющего образа основной героини Наташи, избравшей такой путь, этот призыв звучит слабо. Каковы внутренние мотивы, которыми руководствовалась Наташа, окончившая десятилетку с золотой медалью, когда она решила пойти работать на производство? «Я хочу, чтобы наш город, мама, — говорит она, — становился ещё краше и наряднее». Но это слишком общо. Девушка успешно работает ученицей экскаваторщика. Но увлечена ли она своей профессией, удовлетворена ли внутренне, чем обогатила её новая жизнь — обо всём этом автор умалчивает.

Если же молодой писатель пытается изобразить внут-

ренный мир героя, он создаёт характер несравненно более глубокий. Герой рассказа Б. Монастырского «Чтобы цвели сады», рядовой Егор Нефёдов, ещё не втянулся в солдатскую службу, ему непривычна и кажется непосильной её физическая нагрузка. Преодолеть эту тяжесть помогает ему ясно осознанная необходимость овладеть военным делом, чтобы в любое время уметь защищать свою Родину. И как ни тяжёл для него двадцатикилометровый переход, да ещё после учений, он не отстаёт от других и не отдаёт винтовку своему товарищу, который хочет помочь ему. «Как же это, солдат без оружия? И в такое время?» — думает он.

Ощущение безликости героев усиливается ещё и от того, что большинство молодых прозаиков забывает или не умеет обрисовать внешность героя, его портрет. Портретные характеристики зачастую многословны, но в них не найти характерных чёрточек и деталей, позволяющих представить черты внутреннего облика героя. Вот какие черты внешности парторга лесопункта отмечает В. Баранов в очерке «В Обуховской даче»: «смуглое лицо с пышными прокуреными усами, с большим орлиным носом», «невысокий, но плотный человек» и т. п. В качестве исключения в этом отношении можно, пожалуй, отметить рассказ Н. Волкова «Подслушанный разговор». В Оле Лисянкиной, привыкшей порхать по жизни, как мотылёк, намечается поворот в сторону более серьёзного отношения к жизни, большей требовательности к себе. Этот перелом в её взглядах автор сумел отразить и во внешности, и в поведении героини.

Не используется молодыми писателями для индивидуализации образов и речевая характеристика. Этой задачи большинство авторов, видимо, и не ставит перед собой, поэтому одинаково говорят герои разных рассказов. Часто интонации в речи не соответствуют ни характеру героя, ни тем конкретным обстоятельствам, в каких он в данный момент находится. Старый бакенщик, беседуя с молодым моряком-односельчанином, рассказывает ему историю своей жизни. Рассказывает он медлительно, спокойно, и ничем не подготовлена ораторская интонация, с какой он произносит следующее: «Все честные люди земли глядят на Советский Союз. Они верят, что и для них наступят светлые дни. В мир верят!..» (Н. Логинов — «Бакенщик с Северной Двины»). Вообще, в рассказах наших молодых авторов ге-

рой ни с того, ни с сего вдруг начинают декламировать. Молодые авторы, повидимому, не надеются на то, что идейный смысл рассказа выражен всем его содержанием, и считают обязательным сформулировать идею рассказа или от имени автора, или от имени одного из героев, хотя такой лобовой способ выражения идеи далеко не всегда художественно оправдан.

Молодые прозаики, стараясь разнообразить форму повествования, нередко прибегают к рассказу от лица одного из героев. Но авторы в этом случае часто забывают о том, что повествователь — это по существу одно из главных действующих лиц, и он не должен быть бесстрастным, безучастным наблюдателем; события, изображённые в рассказе, должны быть окрашены оценочным отношением к ним повествующего лица. Например, к одним лицам и событиям повествователь может относиться с мягким юмором, к другим — резко отрицательно, и тогда тон повествования может приобрести сатирический характер.

Если рассказ будет окрашен настроением, исходящим от повествующего лица, то это поможет преодолеть сухость и холодность, с которыми ведётся повествование во многих рассказах вологодских прозаиков. Автор рассказа «Возвращение» Н. Волков, описывая первые шаги возвратившегося из города в МТС механизатора, стремился увлечь читателя его примером. Но сухость рассказа, эмоциональная его бедность мешают рассказу решить эту идейную задачу. В рассказе не передана поэзия возвращения в родные края, к любимому делу.

Но эта форма повествования — от лица одного из героев рассказа — далеко не единственная и не всегда применимая. Иные же авторы, особенно В. Гарновский, слишком часто пользуются ею и вне зависимости от идейно-тематического содержания рассказа. В этом одна из причин слабости таких рассказов Гарновского. Естественно, что организатор соревнования в колхозе парторг Грошев («Маленькие сотки») в разговоре с секретарём райкома излагает только самую сущность дела, не вдаваясь в подробности. Поэтому рассказ «Маленькие сотки» мы не воспринимаем как художественное произведение — это довольно сухой и неконкретный отчёт парторга о своих делах. Много выиграл бы рассказ Гарновского, если бы Грошев был показан непосредственно в деятельности как организатор соревнования в колхозе. Ещё менее удачно эта форма повествования

применена в рассказе «Золотые луга». Об осушении Гридинских болот, о Косте — организаторе этого дела рассказывает пчеловод, сам не принимавший активного участия в этом деле.

Писатель избирает такую форму повествования, которая с наибольшей художественной эффективностью позволяет воплотить в образы жизненный материал.

Рассказы вологодских писателей не приносят ощущения свежести, своеобразия языка. Умение писать ярко, образно не придёт без упорной учёбы у «народа-языкотворца», у лучших писателей. Начинающие писатели, подчас отказываясь от упорных поисков таких слов, которые свежо, особенно выразили бы их мысли, их личные впечатления, иногда довольствуются затасканными штампами и банальными выражениями.

Неправильный и другой путь к сочности языка — употребление диалектизмов типа «присада», «просужая» (Н. Логинов — «Бакенщик с Северной Двины»).

В творчестве большинства молодых авторов сказывается небрежность в работе над пейзажами, неумение увидеть природу своими глазами. Поэтому они часто ограничиваются самыми общими замечаниями, содержащими разного рода «красивости», вроде: «Природа торжествовала наступление лета», «Он только теперь заметил всю прелесть ночного леса», «В вечернем небе, усыпанном мерцающими звёздами, величаво сияла полная луна. Она освещала серебристым светом пышные, в кружевах инея, деревья...» (В. Баранов — «В Обуховской даче», «Рачительный хозяин»).

Яркие описания природы мы находим лишь в некоторых рассказах В. Гарновского и А. Браиловского. Пейзаж в рассказе Гарновского «Отзмок» и в рассказе Браиловского «Честь отделения» или подчёркивает настроение действующих лиц, гармонируя с ним, или даёт в восприятии одного из героев.

Из анализа творчества молодых вологодских авторов рассказов вытекает не новый, но важный вывод о необходимости глубже изучать жизнь, активно участвуя в ней, учиться мастерству, осваивая опыт мастеров слова — как классиков, так и советских писателей.

Надо отличать творческую учёбу от ученичества, от подражательства, когда некоторые художественные приёмы классиков, особенности их стиля перенимаются начинающими писателями и применяются ими для художественного

воплощения тем, которым эти приёмы ни в коей мере не соответствуют. Таков, например, «этюд» А. Петухова «Мать», написанный в стилистической манере романтических рассказов Горького. Стил, в каком написан рассказ, не соответствует жизненному материалу, описываемому автором.

Таким образом, только при условии беспрестанного глубокого изучения жизни, неустанной творческой работы над овладением художественным мастерством вологжане создадут рассказы, глубоко и всесторонне отражающие типические явления современности.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НОВЫЕ БАСНИ А. ВЛАСОВА

Часто бывает так: опубликует молодой, ещё никому не известный поэт первые удачные строки, пронизанные свежестью звучания и неподдельной откровенностью, его сразу заметит внимательный читатель. Он станет ждать новой встречи с автором на страницах газеты или журнала, с каждым разом будет относиться к нему всё строже и взыскательнее. И если поэт начинает оправдывать читательские надежды, — значит, он творчески растёт, крепнет и успешно устанавливает самую трудную связь на свете — связь с человеческим сердцем.

Несколько лет назад так начал свою литературную биографию Александр Власов. Его басня «Жених» была напечатана в журнале «Крокодил», в некоторых эстрадных сборниках и вошла в репертуар многих профессиональных и самодеятельных чтецов. Она подкупала новизной разработки широко известной темы о легкомысленных женихах, яркостью образов и большой сатирической силой.

Не меньшим успехом у читателя пользовались и другие ранние басни А. Власова, как, например, «Куриная ссора» и «Два птенца». Все они были изданы отдельным сборником в Вологде в 1950 году. В той книжке, правда, не всё казалось, удачным, но в целом автор тогда уже сделал талантливую заявку.

Прошло пять лет, и вот недавно вышел в свет второй сборник басен А. Власова¹⁾. Чем же он отличается от первого, каков же творческий рост баснописца за эти годы?

¹⁾ Александр Власов. Басни. Областная книжная редакция. Вологда, 1955, 56 стр. Редактор С. Викулов.

назидание, а чувствуются юмор, издевка, гневное осуждение. Поэт так говорит:

У нас немало Барсуков найдётся,
Что хвалят критику на все лады,
Но если их она коснётся,
То быть беде, коль нет близости воды.

Этот пример в какой-то мере показывает, что мастерство А. Власова крепнет, что он делает шаг вперёд. Но следует сказать, что этот шаг в творчестве, к сожалению, ещё невелик. Автор при более упорной и требовательной работе над новыми произведениями мог бы пойти гораздо дальше.

В новом сборнике опубликован ряд художественно слабых басен. К ним можно отнести «Хавронью», «Расчётливую невесту», «Бюрократа», «Суховея» и некоторые другие. Выбрав важные темы, А. Власов не нашёл нужных красок, ситуаций, сюжетных ходов. В подобных баснях нет поэтических находок, они слишком прямолинейны, риторичны, подчас только констатируют факты.

Так, например, получилось с басней «Расчётливая невеста». В ней рассказывается о Кошке, которая по корыстному расчёту выходит замуж за начальника Ежа, но, уколотившись, тут же от него убегает. Вот и всё. Здесь нет самого главного — сатиры, бичующей остроты, развенчивающей пустоту расчётливых невест.

Другая басня, «Бюрократ», повествующая о хирургическом вскрытии чиновника, настолько натуралистична, что вызывает раздражение у читателя. Автор в погоне за дешёвым эффектом описывает внутренности бюрократа таким образом:

... В скелете у него не кости были,
А ручки и карандаши.
Грудную клетку с давних пор
Чернильный занимал прибор.
А нервы бюрократу заменил
От телефонов провода... и т. д.

Этим же недостатком — отсутствием художественности — страдает и «Суховей», единственная в сборнике басня на политическую тему.

Многие произведения в книге, кроме того, носят на себе следы трафарета. А. Власов иногда идёт по линии наимень-

шего сопротивления — использует уже давно найденные приёмы, словесные средства, что особенно заметно в началах и концовках произведений. Например, вариантами выражения «Однажды утром, в ранний час» начинается около шести басен («Гениальная Синица», «Плохой хозяин», «Свинья-астроном» и т. д.). А морали со словами: «Теперь подумайте и дайте мне ответ», или «Пора избавить наконец», или «Я встретил хвостуна такого» встречаются в сборнике по два-три раза.

А. Власов — способный баснописец. Он, бесспорно, в силах изжить все эти недостатки в своём творчестве и создать новые, более зрелые произведения.

Его новый сборник, несмотря на указанные недоработки, — значительное событие в литературной жизни области. Старательно оформленный художником С. В. Кулаковым, он, конечно, найдёт большой спрос среди читателей и поможет советским людям в борьбе со всякой мразью, тормозящей наше движение вперёд.

А. Романов.

КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ

С произведением Сергея Викулова «Зелёный цех», изданным Вологодской областной книжной редакцией в конце 1954 года ¹⁾, читатели газеты «Сталинская молодёжь» познакомились ещё в марте 1953 года. На страницах этой газеты поэма печаталась в сокращённом виде под названием «В зелёном цехе» и вскоре была подвергнута критике ²⁾. Автор рецензии П. Кустов, указывая на важность избранной С. Викуловым темы и отмечая «ряд интересных эпизодов, ярких картин, точных описаний», утверждал, что в целом поэма не удалась и требует серьёзной доработки. Рецензент справедливо подчёркивал необходимость «углубить образы лесорубов и машинистов, сделать их зримыми и осязаемыми, придать каждому из них индивидуальные черты». П. Кустов требовал от поэта тщательнее разработать сюжет поэмы и очистить её язык от «сорняков».

¹⁾ Сергей Викулов. «Зелёный цех». Для детей среднего возраста. Редактор В. М. Малков. Областная книжная редакция. Вологда, 1954, 38 стр.

²⁾ П. Кустов. О поэме С. Викулова «В зелёном цехе». «Красный Север», 1953, 17 мая, № 97, стр. 2.

Отдельное издание поэмы С. Викулова свидетельствует, что он серьёзно отнёсся к критическим замечаниям и немало поработал. Поэту в целом удалось показать труд лесорубов. Он рисуется таким, каким увидел его герой произведения — мальчик Костя Смолкин. В задачу автора не входило всестороннее раскрытие образов лесорубов, поскольку по ходу действия они должны остаться эпизодическими. Нужно было показать их труд и отношение к мальчику, показать скупыми и убедительными штрихами. И здесь новая редакция выгодно отличается от опубликованной в «Сталинской молодёжи».

Прежде всего, в поэму введены новые образы. Это заботливый и любящий родные леса дядя Ваня, который везёт Костю на лесоучасток и по дороге рассказывает ему о труде лесорубов в прошлом, до революции. Это основатель посёлка, мечтатель и «большой любитель стороны своей лесной».

Обогатились и образы, бывшие в первой редакции поэмы, такие, как Костин отец или дядя Петя. Уточнена характеристика машиниста, разметчицы, крановщика, лесоруба, встретившего Костю на делянке. Однако показ этих образов ограничился в основном внешней стороной. Полнее раскрыт лишь образ раскряжёвщика. Его работа кажется Косте простой, весёлой. Именно здесь мальчик заражается желанием самому попробовать пилить. И паренёк-раскряжёвщик, понимая его чувства, приглашает Костю вместе «поработать часок». Поэт подчёркивает заботу этого парня о мальчике. Он «всё время начеку». А когда Костю в этом первом его опыте постигла неудача, раскряжёвщик подбадривает его и защищает от насмешки:

— Молодец! Понять же надо:
Волновался человек...

Большое место в книге занимает описание техники, машин. И надо сказать, что это не сухое производственное описание, а поэтический рассказ. Машины оживают под руками людей. Вот рассказ о работе подъёмного крана. Подъёмный кран

Бросил кверху струйку пара,
Деловито прогудел,
Как пропел:
«Погрузим к сроку!».
Размотал с лебёдки трос
И над штабелем высоким
Руку сильную занёс...

Однако временами у С. Викулова техника заслоняет людей, характеры которых нужно было нарисовать ярче, как это делают лучшие советские поэты и, прежде всего, В. Маяковский.

Показывая новую технику и людей, управляющих этой техникой, автор вводит в произведение рассказ дяди Вани о тяжёлом труде лесорубов в старое время. Поэтому особенно важно, что в поэме говорится о том, на кого работают наши лесорубы. Если раньше владельцем леса был «богач Нератов», то теперь им владеет народ.

В книге С. Викулова имеется ряд удачных пейзажных зарисовок. Правда, часто пейзаж служит лишь фоном и не помогает раскрытию настроений и переживаний действующих лиц.

Можно указать на ряд удачных сравнений. Например, сравнение разметчицы с закройщицей из мастерской или крановщика — с капитаном корабля:

Он похож на капитана
В светлой рубке корабля:
Синь небес над будкой крана,
А внизу плывёт земля.

Отдельные неточности в языке произведения поэт почти все исправил. Но эту работу нужно было довести до конца. Лишние слова, особенно союзы, ещё встречаются на страницах книги. Например:

... И день и ночь составы
По улице бегут
И, выйдя за ворота,
Глядит им Костя вслед...

Иногда поэт начинает говорить с юным читателем не серьёзно. Отсюда слишком частое повторение слов с уменьшительными суффиксами: «ёлочки», «сосенки», «кровельки». Отсюда и такая сцена:

Спит Костя сладко-сладко...
А папа чай допьёт
И, став к его кровати,
По непокорным прядкам
Ладонью проведёт.

Ритм поэмы разнообразен. Но поэт очень часто повторяет интонации А. Твардовского.

Однако, при всех отмеченных недостатках, книга С. Видулова будет с интересом прочитана нашими школьниками и поможет воспитанию в них любви к труду. В этом, несомненно, её положительное значение.

В. Пудожгорский.

ТЕМА И ЕЁ ВОПЛОЩЕНИЕ

Север великой страны. Необъятная лесная сторона. Посмотреть на карту — редкими точками вкраплены здесь населённые пункты, жмутся они к рекам и речкам. Лесозаготовители, населяющие этот край, до последнего времени не могли отойти от сплавных путей.

Но вот тайгу прорезали железные дороги, в лес пришло электричество. И дремучее лесное царство было разбужено. В одном из самых глухих мест возник Снежный — центр крупного лесопункта. Сначала это был небольшой рабочий посёлок. Стояло в нём несколько низеньких, невзрачных изб да два длинных барака, вмещавших тогда всех лесозаготовителей.

Автор повести «Огни в Снежном»¹⁾ Н. Угловский, рассказывая о преобразованиях в этом лесопункте, убедительно показал, как благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства развивается лесная промышленность, улучшается жизнь лесозаготовителей, облегчается их труд. За короткий срок многое изменилось в Снежном. В посёлке появились благоустроенные двухэтажные дома, клуб, школа, магазин. По вечерам в квартирах, в культурно-просветительных учреждениях, на улицах вспыхивает электрический свет, как в любом советском городе.

Разительные перемены произошли за последние годы и на лесных делянках. Здесь уже не найти лесорубов в старом понимании этого слова. Они стали механизаторами. Электропилами были заменены топоры и лучковки. В лесу появились трелёвочные тракторы, лебёдки и другие машины и механизмы.

Высокопроизводительная техника позволила резко поднять выработку, вызвала к жизни новые формы организации работы, способствовала развитию творческой активности рабочих. Н. Угловский в основном правильно пере-

¹⁾ Н. Угловский. Огни в Снежном. Областная книжная редакция, Вологда, 1954. Редактор К. Н. Гуляев.

даёт, как утверждаются передовые методы труда, как механизаторы содействуют улучшению технологического процесса, как рождаются новшества.

Борьба за внедрение в производство всего прогрессивного как раз и составляет идейный центр повести. Н. Угловский подчёркивает, что новое рождается в борьбе. Нелегко бывает сломить сложившиеся годами привычки, убедить отдельных рабочих и руководителей в целесообразности тех или иных усовершенствований.

Немало поработал в лесу мастер Прокопий Иванович Зотов. Он беспокойный старик, знает свой участок, всегда находится среди рабочих, но правильно оценить те или иные предложения не может.

Особенно плохо относится к новшествам сам начальник лесопункта, Григорий Александрович Разгулов, опытный и в своё время прославленный лесоруб. Постоянно ратуя за план, за высокую производительность труда, он считает, что для успеха дела нужен, в первую очередь, строгий приказ, а не эксперименты. Разгулов опасается, как бы новые приёмы не подвели, как бы из-за них не сорвалось выполнение задания. Тогда не только не жди славы, а, пожалуй, ещё отвечать придётся. Пусть лучше другие пробуют. Удастся опыт у них — можно и в Снежном применить.

Но, осваивая технику, люди ищут и находят пути более рационального её использования. Сама жизнь толкает на это. Технорук Пелевин, мастера Панкратов и Устинова, тракторист Куканов, электропильщик Воронков и многие другие смело берутся за всё новое, спорят, доказывают, не останавливаются ни перед какими трудностями. Усилиями передовиков, несмотря на сопротивление Разгулова и ему подобных, на лесопункте были применены трелёвка деревьев с кронами, двусменная работа, механизация при погрузке.

Раскрывая главную сюжетную линию, в основе которой — борьба передовиков за всё новое, прогрессивное, автор касается и других важных вопросов. Сопоставляя Разгулова и Пелевина, Зотова и Устинову, писатель показывает, как следует и как не следует руководить тем или иным коллективом. Учить массы и учиться у них, требовать с подчинённых и помогать им, никогда не превращаться в делягу-администратора, а оставаться на уровне политического работника, всегда смотреть вперёд, а не назад, — вот что должен помнить любой руководитель.

Н. Угловский убедительно подчёркивает необходимость постоянно учиться. Тот же Разгулов боится новшеств чаще всего потому, что не может, в силу своей малограмотности, сразу оценить, что они могут дать производству. Из-за недостатка знаний трудно приходится мастеру Зотову. И, наоборот, учёба помогла Кочергину, Четверикову, Дернову и другим резко повысить производительность труда.

К сожалению, в некоторых случаях Н. Угловский упрощает жизненные ситуации. Если верить автору, то чаще всего одной беседы или одного собрания достаточно для того, чтобы хорошие предложения одержали верх. Даже самолюбивого Разгулова бывает нетрудно убедить в правильности тех или иных новшеств. Так же легко происходит перевоспитание отдельных рабочих, хотя бы того же Дернова.

Серьёзным недостатком повести является и то, что в ней по сути дела обойдены многие отрицательные явления, ещё имеющие место в лесной промышленности. Автор вольно или невольно изменяет правде жизни. Известно, например, как сдерживают заготовку древесины низкий уровень производственной дисциплины, плохое использование техники, отрыв значительного числа рабочих на второстепенные работы. Правда, Н. Угловский указывает, что всё это присуще и Снежному. Так, Терёбов устраивает пьянку, Дернов долгое время плохо следит за трактором, механизатор Захваткин работает поваром. Однако дальше беглой констатации фактов дело не идёт. В производстве нет убедительного показа, как изживаются подобные недостатки.

Всё это привело к упрощению конфликта, хотя в основе его лежал жизненный факт. Сюжет получился недостаточно динамичным, а само произведение — малозанимательным.

В произведении дана целая галерея образов. Автор показал различных по своему служебному положению и своему мировоззрению людей. Однако далеко не все они получили полнокровное художественное воплощение. Если одни (Разгулов, Ветрова) обрисованы несколько ярче, то другие (Пелевин, Воронков) оказались совсем бесцветными.

Писателю лучше удались образы, которые он не пытался канонизировать. Такова, к примеру, Зиночка Ветрова. Перед читателем встаёт живой человек — задорная, любя-

шая, гордая девушка. Напротив, образ Пелевина дан как бы в одной плоскости, он слишком «правилен» и потому малоосязаем.

По замыслу автора, образ Пелевина должен быть одним из центральных. И это вполне закономерно. Технорук и парторг лесопункта, он не может стоять в стороне от борьбы нового со старым. К сожалению, писатель создал шаблонный тип работника «без сучка и задоринки», похожего больше на схему, чем на человека, что, естественно, снизило художественную ценность произведения. Повесть только выиграла бы, если бы Н. Угловский показал Пелевина с разных точек зрения, не побоялся шире раскрыть его внутренний мир.

В этом отношении значительно выигрывает образ Устиновой. Читатель видит её в разной обстановке. Она не лишена человеческих слабостей: может сомневаться и даже бояться. Но автор несколько упростил трудности, которые встречались в её работе.

Недостаёт художественной выразительности и другим героям. Многие из них статичны. Они остаются без изменений с первой страницы повести до последней (таков, в частности, Куканов). А ведь в жизни людей человек постоянно развивается, обогащается знанием и опытом, приобретает новые привычки и склонности.

Писатель не находит индивидуальных черт для многих своих героев. Чем, хотя бы, отличается Воронков от Куканова по внешности, по привычкам, по отношению к другим людям, сказать трудно. Мало изменяет положение и попытка показать увлечения и горести действующих лиц.

С первой страницы читатель узнаёт про любовь Володи Воронкова и Галины Лавдовской. Однако для раскрытия их взаимоотношений писатель долгое время не находит нужных слов. Только в заключительных главах человеческие чувства наконец получают художественное воплощение.

Не удалась автору и речь героев. Она однотипна и зачастую даже не отличается от авторского текста.

Нередко Н. Угловский забывает об обстановке, в которой находятся герои. Они чаще всего «митингуют», а не разговаривают.

Писатель заставляет своих героев в любой обстановке говорить почти исключительно о производстве и тем обедняет образы, не раскрывает глубины духовного мира лю-

дей. Излишнее увлечение производственной стороной дела, неумение показать её — ещё один недостаток Н. Угловского как писателя.

Серьёзные замечания следует высказать и по языку произведения. Автор нередко не находит «единственно возможный порядок единственно нужных слов», как того требовал Л. Н. Толстой. Это привело к использованию большего количества газетно-канцелярских выражений и неточных словосочетаний.

При чтении повести поражает чрезмерно частое употребление союза «однако», который скорее присущ деловой речи. В повести можно встретить такие выражения: «У посёлка были все данные, чтобы превратиться в ближайшем будущем в настоящий город». Едва ли слова «все данные» способны вызвать в представлении читателя какую-либо картину.

Встречаются в повести и примеры неточного употребления слов. Вот, например, на первой странице рассказывается о том, как Володя Воронков представлял себе покупку костюма. Он «заранее предвкушал предстоящее ему удовольствие... — о з а б о ч е н н о рассматривать шерстяные и шёлковые ткани»... Выражение «озабоченно рассматривать» просто не соответствует контексту. Так же неправильно заставлять разгневанного Разгулова сообщать, что на место мастера Зотова присылают «какую-то девушку» (в лучшем случае он сказал бы: «девчонку»).

Н. Угловский выбрал для своей повести «Огни в Снежном» интересную и нужную тему. Однако она не получила достойного художественного воплощения.

Л. Курылёв

СРЕДИ КНИГ

Русские писатели о литературном труде, т. I. Л., «Советский писатель», 1954, 758 стр.

В четырёх томах сборника будут собраны суждения наиболее выдающихся писателей XVIII—XX вв. о своеобразии и сущности литературного труда, о художественном мастерстве. В настоящий том вошли высказывания следующих писателей: А. Кантемира, М. Ломоносова, Н. Новикова, А. Радищева, Г. Державина, И. Крылова, К. Рылеева, А. Бестужева, В. Кюхельбекера, А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя и В. Белинского.

Материал расположен составителями в основном по однородным тематическим рубрикам (сущность литературы и искусства; общественное значение литературы, роль писателя; народность, национальное своеобразие литературы; устное творчество народа и его значение для писателя; реализм; оценки других литературных направлений; вопросы художественной формы — жанров, сюжета, композиции и т. д.; язык и стиль; творческий процесс; воспитание молодых писателей; писатель и читатель; литературная критика и её задачи). Рубрики изменяются в зависимости от содержания материала, относящегося к тому или иному писателю.

К высказываниям каждого писателя предпосылается вступительная заметка, в которой раскрываются содержание и направленность его литературно-эстетических взглядов, мыслей по вопросам художественного творчества.

В конце сборника даны краткие примечания, приложен указатель имён и произведений, предметно-тематический указатель, имеющий, например, такие разделы, как «Идей-

ность искусства», «Композиция», «Правдивость искусства», «Прекрасное в искусстве», «Стиль» («Слог»), «Творческий процесс», «Типическое», «Характер», «Художественность», «Эстетика», «Язык» и т. д. Наличие таких указателей значительно облегчает пользование сборником.

Русские писатели о языке (XVIII—XX вв.). Л., «Советский писатель», 1954, 834 стр.

Сборник рассчитан преимущественно на молодых писателей, овладевающих художественным мастерством. Он представляет собой систематический свод высказываний русских классиков по вопросам языка и стиля (М. Ломоносов, А. Радищев, Н. Карамзин, А. Пушкин, писатели-декабристы, Н. Гоголь, В. Белинский, А. Герцен, И. Тургенев, И. Гончаров, Н. Некрасов, А. Островский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Н. Лесков, В. Короленко, А. Чехов, М. Горький). К каждому разделу даны вступительные заметки.

Составители отобрали и систематизировали преимущественно те высказывания, которые характеризуют творческую работу писателя над языком художественного произведения и раскрывают те требования, которые он предъявлял к этой работе. Материал распределён по тематическим разделам, обусловленным взглядами того или иного писателя на вопросы языка и стиля. Основными разделами являются следующие: Язык как средство общения; Язык как общественное явление; Язык и мышление; Язык литературы; Язык и стиль писателей; Борьба за чистоту языка; Требования к языку художественного произведения и др.

В алфавитный указатель включены личные имена, имена литературных персонажей, названия литературных и научных произведений и периодических изданий, упоминаемые в тексте и примечаниях сборника.

О писательском труде. Сборник статей и выступлений. М., «Советский писатель», 1953, 372 стр.

Сборник состоит из статей и выступлений видных советских писателей, рассказывающих о своём творческом опыте и работе товарищей по перу, о напряжённом труде писателя, об идейной целеустремлённости в художественном творчестве, о писательском мастерстве. Сборник открывается статьёй М. Горького «Беседа с молодыми» и статьёй В. Маяковского «Как делать стихи?».

Н. Островский говорит о том, каким должен быть писа-

тель нашей страны. О писательском труде ведут беседы с начинающими М. Исаковский, А. Макаренко, А. Толстой, А. Фадеев, К. Федин, Д. Фурманов. А. Серафимович раскрывает историю создания «Железного потока», Д. Фурманов — «Чапаева» и «Мятежа», А. Фадеев рассказывает о работе над «Разгромом», А. Твардовский — о том, как был написан «Василий Тёркин». О «секрете» поэзии пишут М. Исаковский и С. Маршак, о поэзии прозы — П. Павленко и К. Паустовский, К. Федин и И. Эренбург. Вопросам советской драматургии и творчеству молодых драматургов посвящает свою статью Н. Погодин.

Вошедшие в сборник статьи и выступления, несмотря на спорность отдельных положений, чрезвычайно полезны для творческой учёбы молодых писателей. Советские писатели «освещают процесс литературного творчества как большой и сложный труд, показывают, как в этом упорном труде достигается высокое идейно-художественное качество произведений, говорят об овладении писательским мастерством, о совершенствовании языка и стиля».

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Яшин. Землякам. (Стихи)	3
Н. Угловский. Верное решение. (Рассказ)	5
Александр Яшин. Первая песня. Товарищам поэтам. Только на родине. Охотник. (Стихи)	12
В. Илларионов. Подруги. (Рассказ)	17
Сергей Викулов. В метель. (Поэма)	27
А. Пшеничников. Вывод. (Рассказ)	35
Сергей Викулов. Приглашение. Воспоминание. Встреча в поле. Кем ты станешь. (Стихи)	41
Н. Задумкин. Весной. (Рассказ)	48
Н. Логинов. Подросток. (Рассказ)	55
Александр Романов. Трое. О Родине. Опять шумит... Корреспондент. Домашняя хозяйка. Чужой. (Стихи)	69
П. Кустов. В колхозе. Лесная девушка. (Стихи)	75
В. Гарновский. Кедровый бор. (Рассказ)	77
А. Власов. Всё та же Маша. Пустозвон. Барсук. Трясогуз- ка. (Басни)	92
Б. Ромадин. Полонез Огинского. (Рассказ)	95
Ф. Голубев. Ростки. Под новый год. На родине. На уче- ных. Живой родник. (Стихи).	108
Н. Беляев. Новая тропа. (Рассказ)	112
С. Козлов. Английскому солдату. Осень. (Стихи)	126
И. Малышев. Находка. (Рассказ)	128
А. Сушинов. Сестричка. На дальнем рубеже. (Стихи)	136
Н. Волков. За тетеревами. (Рассказ)	138
И. Пепеонков. Молодая гвардия. (Стихи)	146
Ф. Кириков. В двух зонах. (Очерк)	147
Н. Зайцев. Река тронулась. (Очерк)	159
Н. Волков. Благородное призвание. (Очерк)	171

Вл. Малков. По родному краю. (Заметки краеведа)	181
К. Коничев. Песни Севера	206
Виктор Гура. К новым успехам советской литературы	219
В. Дементьев. Поэт колхозной действительности. (Заметки о творчестве Александра Яшина)	236
Валентин Викулов. Учиться мастерству. (О рассказах вологодских писателей)	252
Книжное обозрение.	
А. Романов. Новые басни А. Власова	263
В. Пудожгорский. Книга для детей	266
Л. Курылев. Тема и её воплощение	269
Среди книг	274

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА»
(Сборник произведений вологодских писателей)

Обложка *В. И. Михайлова.*
Техредактор *А. А. Веселовская.*

ГЕ08267.

*

Сдано в набор 20.6.1955 г.
Подписано к печати 2.8.1955 г.

*

Бум. $84 \times 108^{1/32} = 4,25$ б., 14 п., 15,81 уч.-изд. л.
Тир. 3000. Цена 6 руб. Зак. 3316.

Областная типография, г. Вологда, ул. К. Маркса, 70.

*